

"Terra Nova: Строго на юг (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Terra Nova: "Строго на юг"

Виталий Федоров

© Виталий Федоров, 2017

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, бульвар Александра Второго,

концертно-выставочный зал «Стесихора».

Широкоплечий, красномордый (надеюсь, от солнца?) бородач вышел на трибуну и солидно, басовито откашлялся.

— Добрый день, уважаемые участники нашей конференции. Для начала, представлюсь, кто меня не знает — Глеб Больши́х...

По залу пронеслись смешки, на которые бородач отреагировал добродушной улыбкой.

— ...предприниматель, занимаюсь строительством и управлением недвижимостью. Не только во Фримонте, по всему Нью-Рино. Во все подробности своей внутренней бухгалтерской кухни я вас посвящать, уж простите, не буду, скажу только, что за прошлый год построил более семи тысяч квадратных метров жилой недвижимости и почти три с половиной тысячи — коммерческой.

Народ вокруг уважительно перешёптывается, а я вот как-то так сразу ни в какие зримые образы эти тысячи квадратов перевести не могу. Много это или мало? Ну, достаточно, наверное, раз подаётся публике как достижение.

— ...спросить, зачем, если всё и так неплохо, я задумался о переселении на Дальний Юг? Отвечаю — потому что я амбициозен. Как и всякий нормальный человек. Мне мало быть одним из многих неплохо устроившихся в жизни — я хочу развиваться, хочу создать бизнес, который станет основой семейной династии и просуществует лет сто. А лучше двести.

По залу опять пробежали смешки, на которые здоровяк ничуть не обиделся.

— Поднимите, пожалуйста, руки, кто знает, что такое «старые деньги». 1 Не стесняемся, поднимаем.

Поднимают почти все, включая меня, разумеется. Ишь, какой образованный у нас народ пошёл.

Бородатый здоровяк пару раз одобрительно кивнул.

— Отлично. Так вот — я хочу, чтобы мои дети (а у меня их пятеро, между прочим), и их дети, и дети их детей относились к этим самым «старым деньгам». Возможно ли это здесь? Ну... в принципе, да. Не факт, конечно, но вполне вероятно, если бизнес и дальше будет хорошо

идти. Это будет очень трудно — все хорошие места давно заняты теми, кто пришёл сюда первым. Вы и сами это знаете, не хуже меня. Лучшие земли, лучшие места в городе, давние связи в Семьях, банках, Сенате — всё это у тех, кто пришёл сюда первыми. И это не мы.

Согласное бормотание, кивки.

— Впрочем, я хороший бизнесмен и, наверное, если я буду очень много работать и ещё мне чуть-чуть повезёт — я смогу вылезти на самый верх. Но, вы не поверите — я жадный!

Смешки, добродушные выкрики «поверим!».

— ...мне этого мало! Я ещё хочу, чтобы мои дети и их дети оставались русскими, и росли в русской культуре. Возможно ли это здесь?

Глеб сделал драматическую паузу, призывно протянув руки к аудитории, подождал секунду и театрально опустил их, всем своим видом излучая грусть и разочарование. Артист, хе-хе.

— Нет. Не будем себя обманывать — это невозможно. Да, сейчас наши дети говорят по-русски, но точно так же говорили на родных языках дети всех иммигрантов во все времена — немцев в Висконсине и Техасе, итальянцев в Нью-Йорке и Аргентине, поляков в Бразилии и Канаде, прочих... и наших, русских людей, во всех этих и многих других местах. Что осталось сейчас? В лучшем случае, фамилии и старые семейные фотографии, которые новому поколению не нужны и неинтересны. Язык бизнеса и администрирования, язык прессы и высшего образования *не-из-беж-но* станет родным языком для наших детей и внуков. А с языком уйдёт и всё остальное. Вспомните — ещё три года назад улицы Фримонта сразу выделялись на фоне какого-нибудь Спрингфилда или Баррьо-Бронсе...

Смешки, кто-то крикнул «От Баррьо-Бронсе и сейчас отличаемся!». Ну, смотря от какой его части. Преимущественно латиноамериканский таун, Баррьо-Бронсе весьма разнообразен, там каждый квартал не похож на соседний. Что по национальному колориту, что по уровню достатка. Наш сосед на западе Спрингфилд — обычный район, без каких-либо резко выделяющихся черт. Уровень достатка средний и выше среднего, примерно как во Фримонте, основное население — белые американцы, канадцы, европейцы.

— ...тротуары, скверы — всё, чтобы было удобно гулять и вообще ходить пешком. А теперь посмотрите на новые улицы, которые сейчас застраивают — там и пройтись-то негде, кроме как по обочине. Всё для автомобилей, как в Америке. От Спрингфилда не отличишь, даже вывесок уже половина на английском.

Вот это они зря. Пешком погулять я люблю.

— ...в школе ругались недавно, сейчас родительский комитет собираем — детям в столовой на обед гамбургеры пихают! Вместо нормальной еды! Спрашиваешь: «Зачем?», а они в ответ: «А что такого, во всём городе их дают».

И это тоже зря. Нефиг детей травить всякой гадостью.

— ...понятно, что по отдельности всё это — мелочи. Но вместе такие мелочи складываются в то, что называется «образ жизни». И мне нравится русский образ жизни — с пельменями, прогулками и русским языком. Я сам русский, и хочу, чтобы мои дети и внуки тоже были русскими.

Кто-то выкрикнул с места: «В Новороссии останутся!». Глеб криво ухмыльнулся.

— Русскими — да, останутся. Но максимум, что там может получиться — «рабочая династия». А чего я для своих детей хочу — уже сказал. И в Новороссии этого добиться нельзя. Да о чём тут говорить, если у них даже работника нанять нельзя, и фермерам земля не принадлежит — приходится у государства в аренду брать. Нет, спасибо — нечего мне там делать. А вот там, на Дальнем Юге, там первыми будем МЫ.

Оратор чётко поднял и выделил голосом это «МЫ», как бы приглашая всех присутствующих стать членами некоего тайного общества. Умеет чувак речи толкать, ничего не скажешь. Я даже не столько о содержании сейчас говорю, сколько о голосе и манерах.

— Мы возьмём себе лучшие земли, мы создадим первые банки, суды и управы, мы установим свои законы, мы будем хозяевами всего. Мы станем основателями нового анклава, и наши потомки будут его элитой.

Заманчиво чешет, мдя. У каждого третьего уже чуть ли не слюна капает. Нет, картинка и правда симпатичная, ничего не скажешь. Но вот сколько людей уже попадалось на такие заманчивые перспективы, отдавая все сбережения... Много, хе-хе. И что-то меня не тянет пополнить их ряды. Впрочем, надо будет об этом Глебе Больших узнать поподробнее.

— ...всё. Я ещё выступлю, когда мы перейдём к практическим, организационным вопросам. А пока что, передаю слово Сергею Егоровичу Курганову, известному русскому писателю, театральному режиссёру и профессору Университета Нью-Рино.

На этом моменте я решил сделать небольшую паузу, вызванную чисто физиологическими причинами — пиво и полугар отчаянно просились наружу. Бормоча извинения и стараясь не наступать никому на ноги, быстро пробираюсь к выходу из зала. Вроде где-то слева туалет видел, когда заходил... ага, вот он.

Вернувшись обратно через пару минут, вновь пробираюсь на своё место, сопровождаемый явно раздражёнными взглядами. Ну, а что? Не я такой, жизнь такая. И вообще, не отвлекайтесь, граждане — за трибуной уже новый оратор витийствует.

— ...без создания своего национального очага русский народ на Новой Земле будет обречён на ассимиляцию и исчезновение! Обречё-ё-ён!..

Патлатый мужичонка интеллигентского вида потряс в воздухе кулачком, подчёркивая последнее слово. Что-то это тело меня раздражает прямо с первой минуты, выступавший до него был куда адекватнее.

Вышеупомянутый предшественник, сидящий в президиуме, недовольно поморщился и посмотрел на часы, после чего печально вздохнул. Видимо, времени для выступления у «патлатого» интеллигента (забыл, как там его представили) ещё много. Слушатели в зале оказались менее терпеливыми.

— Ну а Новороссия вам чем не «национальный очаг»? — ехидный выкрик с места. Вполне по делу, кстати. Насколько скептически я бы не относился к перспективам тамошней экономической модели, уж в чём в чём, а в русском национализме Демидовску не откажешь.

«Патлатого» слегка перекосило в морде лица.

— Там воспитывают не русских, а советских! Советский не может быть русским! И вы это сами понимаете, иначе жили бы...

Ну, вот, Остапа понесло. Зачем смешивать мух с котлетами? Да, живут там люди, которым нравится социализм. Становятся ли они от одного этого факта нерусскими? Нет, разумеется, с чего бы. Многонационалочки там нет и в помине, насколько я понимаю. Ни национальных автономий, ни «людей со светлыми лицами и хорошими генами» во главе всего и вся, ни «дружбы шестьсот шестидесяти шести равноправных народов». Да и вообще, у них в конституции написано, что Новороссия является национальным государством русского народа. Я не поленился, прочитал. Так что, имхо, «патлатый» наводит тень на плетень и только отпугивает своей неадекватностью потенциальных переселенцев. Ну, или наоборот — потенциальных жертв очередной аферы, и тогда он молодец. Я пока не разобрался, что эта затея из себя представляет.

— ...возрождение русской культуры...

Эхе-хе-х... Кто-нибудь, отберите у него микрофон и передайте адекватному человеку. Какое, на хрен, «возрождение культуры» в маленькой колонии у чёрта на куличках? Максимум, хоровое пение на попойке в честь сбора урожая. На культуру, гражданин выступающий, денежка нужна, выделяемая из прибавочного продукта. Что, в свою очередь, требует какой-никакой экономики. Играли бы вы в «Цивилизацию» в своё время, знали бы.

Что там, кстати, товарищ троцкист делает? А то заслушался я что-то, забыл о нём. Кошусь направо. Сидит, голубчик, слушает «патлатого» со скучающей миной на лице. Ну, тут я с ним солидарен. Первый оратор был поинтереснее.

— ...постепенно утрачивается. Наши дети уже больше говорят между собой на английском, чем на русском...

Хм, не знаю, не знаю. У нас вот во дворе детвора только на русском визжит, английского ни разу не слышал. Ну, «fuck you!» периодически, но это не считается. Греческий доносится, временами — в первом подъезде живёт одна семья, там мамаша вечно своих чад домой на языке Гомера созывает. Но, опять-таки — во дворе они общаются с другими детьми на русском.

— ...особенно у тех, кто живёт не в русских районах...

А вот это вполне возможно, и даже наверняка. Дети вообще мгновенно нахватывают словарный запас и начинают трещать на том же наречии, что и большинство сверстников. Ну, это одна из основных причин, по которым люди вообще живут в национальных районах, не так ли? Хочешь, чтоб дети сохраняли русскую культуру — говори с ними дома по-русски и обеспечь наличие вокруг других русских детей. Впрочем, это и любой другой культуры касается.

— ...наследники величайшей культуры, мы не имеем морального права...

Опять логорея пошла. Зачем его вообще на трибуну выпустили — непонятно. Так-то народ здесь подобрался вполне практический, судя по первому выступлению. Хотя, конечно, экстраполяция по одной точке — дело рискованное. Может, как раз наоборот — тут большинство такие же, как этот «патлатый».

Сидящий в президиуме Глеб вновь страдальчески поморщился и в очередной раз взглянул на часы, явно не в силах дожидаться, когда же это переливание из пустого в порожнее закончится. Вот у него выступление было чётким и по делу, у меня самого чуть рука за бумажником не полезла, хе-хе. Шучу. Нет, выступил он и правда отменно.

— Большое спасибо, Сергей Егорович! — дождавшись паузы в речах «деятеля культуры», Глеб

напомнил тому о регламенте. Курганов (ага, вспомнил фамилию) явно несколько разочарован тем, что время его выступления закончилось так быстро, но спорить не стал и, сопровождаемый на удивление энергичными аплодисментами публики, спустился со сцены и сел в первом ряду. Чему тут хлопать? Не понимаю...

Глеб, не вставая, продолжил.

— Ну, а сейчас перейдём от экономики и культуры к географии. Слово предоставляется Игорю Дмитриевичу Желтову, известному геологу, топографу и вообще исследователю.

Невысокий, худощавый мужик с загорелой до черна лысиной, сидевший в президиуме слева от Большого Глеба, поднялся и встал за трибуну.

— Добрый день! Все, кто интересуется исследованиями Новой Земли, наверное уже в курсе, что Исследовательская служба Ордена опубликовала на прошлой неделе результаты годичной экспедиции на Дальний Юг. Два исследовательских судна поднялись по...

О-па! Надо же. Интересно, с чего бы это вдруг? Может, узнали, что информация уже утекла? Или решили, что особого интереса она не представляет? Впрочем, посмотрим сначала, что именно опубликовано. «Географ», тем временем, немного поколдовал с пультом, приглушил свет в зале и включил проектор. На белом экране появилась карта Дальнего Юга. Народ вокруг начал перешёптываться. «Смотри... вот тех гор раньше не было... и озёр... а вторая река была?..»

— Как вы можете видеть, по сравнению с картой, выпущенной по итогам экспедиции трёхлетней давности, добавились существенные подробности. Исследователи поднялись по вот этой большой реке, названной ими Аустралис...

Пятнышко лазерной указки пробежало сверху вниз и замерло на горном кряже, прорезаемом рекой.

— ...несудоходные пороги. Впрочем, непроходимыми эти горы не являются, экспедиция преодолела их и вышла к цепочке озёр на северной стороне. Частично исследовав озёра, экспедиция вернулась обратно.

Хм... а маленькую подробность о причине возвращения обнародовать не стали, что ли? Агрессивные чёрные ребята с автоматами, и всё такое? Ну-ну.

— ...проводилась аэрофотосъёмка прилегающих к реке территорий с использованием базирующихся на судах беспилотников. Как можно заметить...

Интересно, а асфальтовые озёра на этих фотографиях присутствуют? Что-то мне подсказывает, что нет. Во всяком случае, никаких специальных пометок я в районе устья не наблюдаю. А вот холмы, отблески на которых заметил Гискар, имеются. К сожалению, с обеих сторон от реки.

— ...составлены лоции, что, конечно, очень важно именно...

И всё-таки, не понимаю — зачем? Если бы Орден стремился к быстрой колонизации Дальнего Юга — понятно, но ведь тогда он бы и вёл себя совершенно иначе. Или, быть может, грядут какие-то изменения в политике?

— ...интересующий, конечно же, всех вопрос — климат. Район устья Аустралиса малоприспособлен для проживания — он находится на границе холодного полупустынного климата

и приполярного океанического...

Не, я-то понимаю, о чём речь, но вот для большинства, наверное, стоило бы попроще, нет? Впрочем, лектор и сам быстро понял свою ошибку.

— Проще говоря, к северу от устья постоянно сухо, зимой холодно, а летом умеренно тепло, как на юге аргентинской Патагонии в старом мире. К югу от устья — постоянно прохладно, колебания температуры меньше, а осадков — больше. Огненная Земля, Фарерские острова, северное побережье Исландии, где-то так. Само устье находится на границе между этими зонами. И обе они очень, очень ветреные. Автоматическая метеостанция, установленная экспедицией, трижды за полгода фиксировала скорость ветра более семидесяти пяти километров в час, рекорд — сто два километра.

Несколько человек уважительно присвистнули. Ну, я не специалист, конечно, но, кажется, на американской авиабазе Туле 2 бывает и за триста километров в час переваливает, а у берегов Антарктиды — и за четыреста. Впрочем, там никто и не живёт. Постоянно, во всяком случае. Но, всё равно — не сгустили ли орденцы немного краски в своих отчётах, дабы никто не полез шариться по окрестностям и не нашёл нефть? Хотя, зачем тогда вообще отчёт публиковать? Нет, определённая логика есть: не опубликуешь, все начнут что-то подозревать, и кто-то полезет любопытствовать. А так — холодно и ветрено, ничего интересного, хе-хе.

— ...мере продвижения на север, становится теплее. Пустынные, полупустынные и степные участки чередуются, в зависимости от конфигурации дождевой тени. В общем и целом — аналог Патагонии. Конечно, наличие большой реки — это преимущество. На юге возможно пастбищное скотоводство, севернее климат подходит для выращивания овощей и фруктов. Похоже на нижнее Поволжье.

Знакомое слово вновь вызвало некоторое оживление. Ну, оно и понятно: Патагония для большинства присутствующих есть нечто совершенно абстрактное, а Саратов или Астрахань все себе более/менее представляют.

— Как видно на карте, достаточно крупный приток вливается в Аустралис с северо-востока на две тысячи километров выше устья. Экспедиция поднялась по нему почти на шестьсот километров, после чего глубина реки стала недостаточной...

Интересно, кстати, а какая осадка у этих исследовательских посудин Ордена? Скорее всего, небольшая, иначе бы они так лихо по рекам не рассекали. Между прочим — пьяный Гискар, как не странно, называл расстояния в сухопутных милях, а не в морских. А ещё моряк, и даже целый капитан. Позор ему, однако.

— ...назвали Гискар, в честь капитана судна, открывшего реку...

Ха-ха! Так вот он почему промолчал — стеснялся. Скромный, даже спьяну не выдал. Ну, молодец, что уж тут.

— ...течёт через степь, наподобие аргентинской пампы.

— ...севернее. Правый берег более засушливый и гористый. Но много небольших рек, стекающих с гор. Отлично подходит для сельского хозяйства, особенно виноделия.

Что-то типа аргентинского Куйо, насколько я понимаю. Ну, понятно — география схожа, вот

и получается аналог. Физика-то одинакова в обоих мирах. Эхе-хе-х... Всегда мечтал иметь несколько гектаров виноградников, и делать своё вино. Красота... Хотя, это в мечтах «красота», а в реале довольно быстро наскучит, скорее всего. А может, и нет. Попробовать надо, в общем.

— ...пампа — возле реки довольно сухая, но, рассуждая логически и опираясь на данные исследования Гискара, по мере удаления от гор и приближения к океану она должна становиться влажнее. Прекрасное место для скотоводства, выращивания пшеницы, кукурузы и так далее.

Мдя... Если владельцем ранчо я себя представить ещё могу, то вот фермером как-то совсем не тянет. «Маленький домик в прериях», ага. Нет, спасибо.

— ...по мере приближения к горам, становится влажнее и жарче. Горы, кстати, экспедиция назвала Бордер-Маунтинс, ну да переименуем, если что...

Да уж, фантазия у Гискара сотоварищи фонтаном явно не била.

— ...частично — влажная саванна, частично — леса. В горах тоже леса. Экспедиции встречались ценные породы деревьев. Это важно, потому что остальная территория лесодефицитна.

Ага. Вам волю дай, вы всё под корень вырубите. Не знаю даже, кто эти «они», раздражение в адрес которых меня вдруг затопило. Люди в целом, наверное. Вообще, как я уже давненько заметил, на природу тут всем глубочайшим образом наплевать. Единственное, Орден какие-то вялые трепыхания в сторону её охраны делает. Загадили один мир, нашли новый — загадят и этот. Ну вот что люди за существа такие...

— ...севернее гор с точки зрения возможной колонизации на сегодняшний день интереса не представляет, в связи с отсутствием удобных транспортных путей.

А также в связи наличием негров с автоматами, хе-хе.

Широкоплечий белобрысый мужик, сидящий на два ряда впереди меня, поднял руку, что не осталось незамеченным.

— Да?

— А как насчёт полезных ископаемых? Золото, алмазы, нефть, руды и так далее? Геологическую разведку же они тоже вели.

Игорь ...ээ... как его там... кивнул.

— Как раз собирался к этому вопросу перейти. Разумеется, полноценную геологоразведку экспедиция вести не могла — слишком большую территорию надо было обследовать. Основной их задачей была элементарная разведка и картографирование местности. Тем не менее, даже при таком поверхностном осмотре, был найден ряд месторождений. Сразу скажу, что ни золота, ни алмазов экспедиция не обнаружила...

— Так они и сказали, если и нашли! — судя по гулу в зале, большинство с этим выкриком откуда-то с задних рядов согласны примерно полностью. Как, собственно, и я. Впрочем, если сейчас расскажут о нефти в районе устья, тогда поверю, что золота не нашли. Ну, почти поверю.

— ...как и нефти. Однако, был...

Ну, вот, я же говорил.

— ...в частности, совсем неподалёку от Аустралиса, в южных отрогах Бордер-Маунтинс, найдено месторождение бурого угля. С возможностью добычи открытым способом!

Голос докладчика торжествующе зазвенел. Я, честно говоря, не понял, что в этом такого уж прям замечательного, ну да ладно. В конце концов, где я, и где геология с горнодобычей. Впрочем, если благодаря этому месторождению будут рубить меньше деревьев — я лично только за.

— ...также в горах были найдены месторождения полиметаллических руд, содержащих цинк, свинец, медь, серебро и ряд других металлов. Там же найдены выходы на поверхность кварцита и мрамора. В двухстах километрах вверх по Гискару были найдены следы железных руд, кроме того, данные магнитометров в этом районе показывают мощную магнитную аномалию...

Это всё очень интересно, конечно. Будет. Лет этак через сто, не раньше. Неудивительно, что орденцы решили опубликовать данные. Золота нет, нефти нет, до леса нужно подняться на четыре с лишним тысячи километров вверх по реке... Какой дурак туда пойдёт? Не, ну какой-то пойдёт, конечно, но массово? Очень маловероятно.

— ...несколько месторождений известняка и песчаника, пригодных для использования в строительстве, у самого берега реки...

Вот-вот. Наладим, блин, экспорт песчаника с Дальнего Юга на Дальний Север. Экономическое процветание колонии гарантировано, хе-хе.

— ...в общем, это прекрасная, богатая земля, которая ждёт своего хозяина. И кто первым туда придёт жить, тот этим хозяином и станет. Я лично хочу, чтобы хозяевами там стали русскими. Поэтому, двумя руками поддерживаю идею Глеба об организации колонии, и сам с огромным удовольствием приму в ней участие. Спасибо.

Громко аплодирую вместе со всеми. Молодец мужик, хорошо выступил. Интересно, что там у них дальше по плану? Сейчас узнаем — вон, Глеб опять поднимается.

— Большое спасибо за выступление, Игорь, было очень интересно. Теперь, я предлагаю сделать перерыв, на пятнадцать минут. Кто успел проголодаться — в холле всем участникам нашей конференции предлагаются бутерброды, чай и кофе. Бесплатно, конечно же. Увидимся через пятнадцать минут!

Ага. Бесплатно, значит. Один экую, заплаченный за вход, бутерброд и кофе не окупит... Нет, если совсем уж экономно сделать, то окупит, но денег на этом точно не заработаешь. Значит, плата за вход была защитой от всякой маргинальной публики, а... ух ты!

Вид расставленных в холле столов, заставленных подносами с огромными, роскошными бутербродами, вновь пробудил аппетит. Блин, вроде ж ел недавно. Ну, ничего, на халяву можно. Утянув с подноса бутерброд с каким-то паштетом (вкусно!), зеленью и сыром, получаю у девушки в белом фартуке чашку кофе и отхожу подальше от толпы, чтобы никто не толкнул под локоть. Нет, такого одним экую точно не окупишь. Вывод — кто-то вложился. Скорее всего — Глеб. По нему видно, что человек к поставленным целям прёт, как танк. Вт только какая у него цель — это ещё вопрос, знаете ли...

Так, а где там «троцкист» -то? Совсем я про него забыл... ага, вон он. Тоже бутерброд жуёт. Интересно, всё-таки, что он тут делает?..

Чуть в стороне вижу небольшую толпу, собравшуюся вокруг Глеба и закидывающую его вопросами. Ну-ка, подойдём поближе, послушаем...

— ...конечно, со временем и все орденские структуры подтянутся. Они же в чистое поле не поедут, правильно? Вон, на Калифорнию посмотрите — сначала люди поехали на новое место, создали свою страну с нуля, а потом уже Орден открыл представительство, банки, почту и всё остальное. А сейчас вон даже полноценную базу с воротами строят, ни для кого же не секрет. И у нас...

Ну, вообще-то, у меня несколько другая гипотеза. Орден *сначала* принял решение создать в этой самой Калифорнии дружественный ему анклав, *затем* нашёл и поддержал инициативную группу (ну, это-то дело нехитрое, тяжёлый на подъём народ сюда и не особо едет), и только после этого, как и планировал, начал продвигать туда инфраструктуру. А вот насколько благожелательно он будет настроен к «неавторизированным» попыткам расширения Ойкумены — большой вопрос, знаете ли...

— А почему именно на Аустралисе, а не на западном побережье? Там ведь климат лучше, как в Чили и Перу примерно?

Бородач помотал головой.

— Там узкая полоска земли, между морем и горами. А от южного тропика до экватора вообще пустыня. Что в пустыне делать? Зачем там селиться?

Спорный вопрос, честно говоря. Во-первых, в этой пустыне очень приятный, ровный климат — круглый год от двадцати до двадцати пяти тепла. Во-вторых, там же с гор реки стекают. В старом мире в точно такой же пустыне стоят мегаполисы и живёт пара десятков миллионов человек, между прочим. В-третьих, горы там, насколько я понимаю, это аналог южноамериканских Анд — соответственно, райское место для жизни. Да и «Чили» дальше на юг — чем плохо? Ровный морской климат, красота. Уж всяко лучше сухой холодной степи или влажной саванны, прогретой солнцем за сороковник. В общем, зря они так сразу этот вариант отбрасывают.

— А земельное законодательство какое планируется? Ископаемые в земле кому принадлежат — землевладельцу или государству? — опять тот белобрысый крепыш, что и в зале на «ископаемую» тему вопрос задавал. Профессиональный интерес?

Глеб широко улыбнулся.

— Ну, моё личное мнение однозначно — раз земля твоя, то и всё, что в ней — твоё.

Белобрысый удовлетворённо кивнул.

— ...конечно, такие вопросы будут решаться советом пайщиков, до отплытия. Я сейчас по всей организационной стороне дела пройдусь подробнее. Кстати, время, пойдёмте внутрь.

Перерыв закончился, и все потянулись обратно в зал. Уже садясь на место, ловлю на себе взгляд троцкиста. Этаким задумчивый — чувак явно пытается вспомнить, где и когда он меня видел. Пожалуй, стоит его слегка подтолкнуть в нужном направлении. В конце концов, я же ни

от кого не скрываюсь (не считая нигеро-суданцев с топорами, хе-хе), а просто хочу возобновить общение с Ичасо и, в итоге, перевести это самое общение в горизонтальную плоскость. Так что, имитирую дружелюбное выражение лица и киваю. Парень неуверенно кивает в ответ, но, кажется, так меня и не вспомнил. Ладно, потом разберёмся.

К трибуне вновь выходит Глеб.

— Вводную часть мы закончили, перейдём к конкретике. Прежде всего, сразу хочу сказать, что русская колония на Дальнем Юге будет в любом случае. Я сам для себя решение уже принял, и даже за последний месяц большую часть активов перевёл в кэш. Несколько семей, твёрдо намеренных переселиться, тоже уже есть. Средств на закупку всего необходимого и переезд хватит.

Хм... Нет, всякие чудики на свете бывают, конечно. Но забраться с двумя-тремя десятками человек в место, оторванное от цивилизации чуть меньше, чем абсолютно... Понятно ведь, что никакого коммерческого сообщения с такой колонией не будет. Ну, если только там золото или алмазы не найдут. Тогда будет, но тогда туда мгновенно набегит куча *всякого*, скажем мягко, люда, и никакой «России на Дальнем Юге» не получится. Смотри историю бурских республик в Южной Африке.

— ...сразу начать с большого, сильного, процветающего поселения. Поэтому, предлагается следующая схема — паевое товарищество. Пайщики за счёт своих вкладов оплачивают сам переезд, плюс некоторое общее имущество и оборудование, необходимое для нормального функционирования поселения. Соответственно, колония управляется советом пайщиков. Не навсегда, разумеется, а на пять лет. После этого вводим всеобщее избирательное право и обычные выборные органы.

Хм... Вообще, я как-то не очень верю в эффективность олигархии. И вся человеческая история мою правоту подтверждает. То, что мы в новом мире, никакого значения не имеет. Мир-то новый, да люди в нём всё те же.

— ...землю себе там, на месте, тоже первыми выбирают пайщики, и получают тройной надел. Но, конечно, земли хватит на всех...

«Пряников сладких всегда не хватает на всех», как говорил один мой знакомый. Не знаю уж, сам он эту фразу выдумал, или где-то честно украл. Земли-то там, разумеется, полно, но вот ценность у неё очень и очень разная. Я даже не про плодородность и обеспеченность водой говорю, этого-то добра точно всем хватит. Но вот земля вокруг будущего поселения — это огромная ценность. Основа тех самых «старых денег», о которых «Большой Глеб» говорил ранее. Да и не только там — вообще удобные места для строительства новых городов, портов и тому подобного. Так что, преимущество у пайщиков серьёзное. Ну, так и должно быть — никто же за красивые глаза кучу денег не выложит. Какую именно кучу, кстати?

— ...размер пая определён в двести пятьдесят тысяч экю.

Зал загудел, наподобие пчелиного роя, всем вдруг захотелось обсудить услышанное с соседями или просто тем или иным образом выразить своё мнение. Двести пятьдесят тысяч — не кисло! Совсем не кисло... С другой стороны, понятно, что расходы на основание колонии получатся весьма приличные. Один фрахт судов встанет в такую копеечку, что подумать страшно. Какой нормальный судовладелец отправит своё имущество за тридевять морей, с реальным шансом его не дожидаться обратно, когда можно спокойно ходить по Большому заливу? Да и «общих расходов» тоже должно набегать столько, что мама не горюй...

— ...те, кто к пайщикам не относится, переселяются бесплатно. Имущество — определённый объём бесплатно, остальное — за деньги. Какой именно объём имущества поселенцев перевозится за счёт пайщиков, станет ясно по ходу дела. Но, в любом случае, не меньше половины двадцатифутового контейнера на семью, плюс какое-то количество домашних животных.

Интересно, а как вообще живность на судах перевозят? Не кошечек/собачек, в смысле, а коров там, или лошадей? Не думаю, что здесь специализированные скотовозы есть, как на Старой Земле. Очень уж дорогие посудины, а филиал «Siba Ships» 4 тут, скорее всего, отсутствует.

Вообще, конечно, лихо этот Глеб размахнулся. Как бы не чересчур лихо. Интересно, найдутся желающие в пайщики?

Впрочем, на этот вопрос ответа долго ждать не пришлось.

— ...сообщить, что ещё до сегодняшнего собрания, три человека, помимо меня, изъявили желание стать пайщиками. Это Игорь Желтов, уже внесший свой пай..

Любопытно, а откуда у «геолога и топографа» четверть ляма экю? И ведь это явно не последние, иначе не было бы смысла вкладываться. Видимо, интересные вещи чувак находил за годы странствий, хе-хе.

— ...Александр Фролов...

Довольно молодой, не старше тридцати парень, сидящий в президиуме, поднялся и улыбнулся собравшимся во все тридцать два зуба. Интересно, как он такую сумму заработал? Атлетического сложения, блондин... Похож на этого, как его... Который в экранизации «Обитаемого острова» играл. Но тут, наверное, цивилизация ещё не столько продвинулась, чтоб киноактёры становились миллионерами, так что каким-то делом он занимается. Но хлопают ему весьма активно, похоже, какая-то местная знаменитость.

— ...и Александр Юрьевич Солоневич...

Обычный мужик в возрасте, лет пятьдесят с копейками где-то, без особых примет, вполне себе пролетарского облика, не считая круглых очков с толстыми стёклами. Ну, раз деньги есть, значит, не пролетарий. Это если предположить, что какие-то реальные деньги (кроме потраченных на кофе, бутерброды и аренду зала) имеют место быть. Я, пока что, не готов поручиться, что всё это не является одной большой разводкой. Да, Глеб располагает к себе — солидный, основательный, внушающий доверие мужик-хозяин. Но, будем слегка циничны, это одна из основных «масок» типичного кидалы. Уж тут-то можете мне поверить, я этой публики перевидал более, чем достаточно.

— ...касается законов. Устав колонии будет принят здесь, собранием пайщиков, когда определится их состав. Я лично считаю правильным, и буду предлагать собранию, взять за основу Гражданский кодекс Техаса. Он простой, логичный, защищает бизнес и частную жизнь. К тому же, многим, кто ведёт дела с Техасом, он знаком...

Интересно, что там у техасцев за Гражданский кодекс такой? Здесь уже разработали или из-за ленточки взяли?

— По сколько земли будут давать? — кто-то в зале опять не утерпел. Мдя, всё-таки, никак в наших людях не исчезнет вот это «будут давать». Как дадут, так и отберут, знаете ли. Брать надо, а не ждать, пока дадут.

Глеб степенно пригладил бороду. Забавно, кстати — волосы у него цвета «перец с солью», а вот борода — наоборот.

— ...знаете, земельные вопросы на неосвоенных землях регулируются правилами Ордена...

— Или Кольта! — очередной выкрик из зала, вызвавший невесёлый смех у многих присутствующих.

Глеб с сожалением кивнул.

— Или Кольта. Но Кольта нам не надо, я думаю? Пастбищных войн и прочего подобного счастья? Вот и я думаю, что не надо. Напоминаю, если кто забыл, или не знает, — он чуть застенчиво улыбнулся, — я вот и сам не знал, пока не занялся вопросом недавно. Так вот — вопросы владения землёй на территории анклава регулирует сам анклав. Но анклав — это устойчивый союз нескольких поселений, тысячи жителей, и, главное — официальное признание такого статуса Орденом. Территория Невада и Аризона, например, стала анклавом, когда здесь жило уже больше двадцати тысяч человек. Сами понимаете, до этого нашей будущей колонии ещё далеко. Мы же, сразу после основания, станем независимым поселением на неосвоенных землях. Здесь, на Севере, таких земель больше нет, но когда-то они были и, соответственно, есть правила их занятия. Орден признаёт юрисдикцию независимого поселения в радиусе двенадцати миль при условии, что там постоянно проживает не менее тридцати человек, принадлежащих не менее, чем к трём семьям, и родился хоть один ребёнок. Всё, что меньше этого, считается отдельно стоящей фермой, которая может занять гомстед 5 в шестьсот сорок акров земли, пригодной для земледелия, или две тысячи пятьсот шестьдесят акров — пригодной только для выпаса скота. Границы поселенцы определяют сами, но в дальнейшем, по мере освоения земель, они должны быть уточнены землемерами либо Ордена, либо анклава, если таковой сформируется раньше...

Хм... Интересно, шестьсот сорок акров — это много, или мало? Я как-то далёк от таких вопросов. Судя по воодушевлённым перешёптываниям по-фермерски выглядящей части публики — немало. А если земля для выращивания пшениц и прочих виноградов непригодна, а только для прокорма рогатых, значит, вчетверо больше. Это, насколько я понимаю, территория где-то от устья и тысячи на полторы километров вверх, а то и больше. Любопытно, любопытно...

— ...на сегодня, у нас пять семей и больше тридцати человек, решивших переселиться. Так что, независимое поселение у нас, можно считать, уже есть...

Ишь ты, шустрый какой. Доплыви до туда сначала. А если и доплывёшь — кому ты там собрался заявку подавать, на признание? До ближайшего представительства Ордена будет хрен знает сколько тысяч километров.

— ...позволит получить у Ордена временную лицензию, и закупить по ней необходимое для самообороны вооружение. Ну, вернее, закупить-то мы здесь и так можем, но его же в порт ещё везти.

Глеб продолжал выступать и отвечать на вопросы, но я уже слушал вполуха. Затея интересная, конечно, и удачи им (если это не кидалово), но как-то нет у меня особого желания тащиться за тридевять морей и земель в необжитые пампасы. Ну вот что я там делать буду? Мини-зал открою, с двумя автоматами? Так с него не проживёшь. В фермеры меня как-то не тянет, от слова совсем, не любитель я физического труда. Крупных рогатых скотов разводить, или мелких? Ну... там тоже нужно вкалывать, будь здоров, сдаётся мне. Даже с учётом того, что

можно нанять работников (что тоже не факт, откуда в такой колонии много свободных рабочих рук возьмётся), один хрен... Да и куда этих скотов потом девать? Кто их есть будет? Сам, разве что, вместе с работниками. Виноградник разбить... нет, мечта — это хорошо, конечно, но, реально смотря на вещи, я ни черта в этом деле не понимаю. Купить готовый — это одно, а вот с нуля... Да и вопрос со сбытом остаётся.

В зале присутствует, по грубой прикидке, человек двести пятьдесят — триста. Интересно, сколько из них впишутся в затею? Сдаётся мне, не слишком много. Хотя, чёрт его знает, от местных настроений я пока далёк, может, чего и не понимаю. Ладно, не важно. Когда там уже всё это дело сворачивается?

Свернулось всё довольно-таки нескоро. Глеб ещё минут сорок отвечал на вопросы (в основном глупые и/или повторяющиеся), так что я совсем было собрался попросту встать и уйти, но тут, наконец-то собрание закончилось. Бородатый здоровяк на прощание предложил всем поразмыслить над услышанным и сообщил, как с ним связаться. Ну, поразмыслить-то я поразмыслю, конечно, а вот связаться — это вряд ли. Что в буквальном смысле, что в переносном.

Неспешно бредя с толпой к выходу, вновь ловлю на себе взгляд «троцкиста» (или марксиста, в сортах дерьма не разбираюсь). Он, между прочим, уже у самого выхода. Наткнувшись на встречный взгляд, быстро разворачивается и исчезает в дверях. Станный он какой-то... Ну да и хрен с ним. В любом случае, мероприятие оказалось достаточно интересным, так что время потратил не впустую.

Выйдя на улицу, оглядываюсь по сторонам, но ни объект слежки, ни, что было бы куда интереснее, Ичасо в зоне видимости не обнаруживаю. Что ж, раз так, возвращаюсь к первоначальному плану. Развлечения развлечениями, а работать, всё-таки, надо.

II

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, бульвар Александра Второго,

игровой зал «Пять тузов»

— Ну а вообще, в целом? Тут же у вас братвы столько... Что, не бывает проблем? С проигравшимися там, или ещё чего...

Юра пожал плечами.

— Да ну всякое бывает, конечно. Но таких, чтоб уж прям вообще — нет. На входе знак видел?

— Ага. Я в курсе уже, что означает.

Администратор «Пяти тузов» вновь пожал костлявыми плечами.

— Ну, вот... Наезжать никто не будет, с «Рашенз» дураков связываться нет. А так, бычка по пьяни если, сами справляемся. Да и ментов можно вызвать, они здесь хорошо работают, это тебе не Красногорск...

— Да уж. Но там тоже порешали тогда, в итоге. Областным проплатили, они этих шустриков

выцепили. Азеры оказались. Но это уже после тебя было. Мы, кстати, тогда всё думали — куда ты пропал, ни слуху, ни духу, а оно вона как...

Вообще-то, на самом деле, никто про него не вспоминал. Ушёл человек и ушёл, его дело. Текучку кадров никто не отменял. Да сам Юра не сказать, чтоб был душой коллектива или каким-то сверхкомпетентным сотрудником. Но, наверное, ему приятно будет услышать, что кто-то за ленточкой его не забыл. Мне бы вот приятно было. Впрочем, я-то уверен, что обо мне кое-кто вспоминает. И даже ищет, наверное, хе-хе.

— Да, от друга узнал, что такой вариант есть. Ну и решил, что нечего в том Красногорске ловить.

— Не жалеешь?

— Вот уж нет! — Юра помотал головой так активно, что я испугался за сохранность его шейных позвонков. — Здесь я себя человеком чувствую! А там кем я был? Пустым местом! Там человек без связей наверху — никто.

Ну, не поспоришь. Есть такое.

— ...и вообще здесь жить лучше, даже вот чисто по быту. Жильё лучше и дешевле, еда лучше и дешевле, законов самый минимум и только те, которые реально нужны... И тепло... я московскую зиму забыл, как страшный сон. Самому-то тоже нравится, нет?

Молча киваю. Нравится. Только вот амбиций у меня побольше, чем у Юры. Это его, вроде бы, вполне устраивает год за годом работать администратором в одном и том же месте, а я бы от такого уже с ума сошёл, наверное.

Вообще, конечно, забавно. «Мир тесен» — расхожая фраза, но, получается, уже можно её подкорректировать на «миры тесны». Первый день, как человек вышел из отпуска, и встречает своего бывшего начальника, которого в последний раз видел лет семь назад и в другом мире. Не знаю уж, обрадовался он, или не очень, но лично я доволен — пользуясь знакомством, можно добыть куда больше информации, чем пытаюсь разговорить кого-то «с нуля».

— И чё, много «Рашенз» берут за крышу?

Собеседник немного помялся, но ответил.

— Пять штук в месяц. Это здесь, если на Стрипе где-нибудь, то там десятка будет, а то и пятнашка.

— Отжать не пытаются?

— Не... Тут такое не принято. Бывает иногда, но это реально накосячить надо.

— Понятно...

— Чё, думаешь зал открывать?

А глазки-то поблёскивают. Не просто так спрашивает, видимо, надеется на предложение о работе. Ну, посмотрим, посмотрим...

— Пока думаю. Скорее всего, что ещё делать-то? Ранчо покупать и коровам хвосты крутить?

Неохота...

— А в Кейптауне, говоришь, нормально пошло?

— Да, ничего так... Там сейчас бум, негры самолётами прут. Игорка на подъёме.

— Зачем продал-то?

Ишь, любопытный какой.

— Да задрал этот Кейптаун... Большая деревня, негры ещё эти... мне они и на той стороне надоели.

Юра удивлённо моргнул чуть подслеповатыми голубыми глазами.

— А там-то ты их где взял?

А, точно. Он же не в курсе.

— Я в Африку уехал работать, где-то через пару месяцев после твоего отъезда. Тоже Подмосковье достало. Почти четыре года там провёл.

— В игорке?

— Ага. У Лавальских, младшим партнёром и управляющим.

— Они же неадекватны полные. От них все управляющие разбегались.

— Ну-у... Расстояние этот момент слегка компенсировало. Но да, крови попили. Потом вернулся, опять в Подмосковье работал. И вот зимой прошлой товарищ рассказал, что можно сюда свалить — я ни дня не думал, сразу на лыжи.

Благо, выбора-то особенного и не было, хе-хе. Впрочем, я бы всё равно поехал, наверное. Только подготовился бы получше.

— Слушай, а ты не знаешь такого Глеба Больших? Строительством занимается, вроде как.

Юрин лоб, плавно переходящий в обширную залысину, задумчиво наморщился.

— Мм... лично не знаю, а так слышал, конечно. Он тут, во Фримонте, членом городского совета был, а в прошлом году в Литл-Гроув переехал. Довольно известная личность, конкурсы и гранты всякие вечно оплачивает. А что?

— Да ничего... просто пересеклись случайно, стало интересно, чё за чувак такой.

Политические амбиции у него, значит. В принципе, это говорит в пользу версии, что вся затея — не разводняк. Любопытно...

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Лас-Вегас-Стрип

Всё-таки, с топливом им тут надо что-то делать. В центре города уже реально дышать нечем. Должны же быть хоть какие-то стандарты?

Перехожу улицу и поворачиваю направо, к центру. На сегодня в планах значится визит в орденское Агентство по закупкам, надо там уточнить...

— Витали!

Обернувшись, ловлю взглядом знакомый «Судзуки Самурай» с травянистой раскраской, укомплектованный рыжей красавицей за рулём.

— Hola! 7

Девушка энергично машет рукой — лезь, мол, внутрь, нечего тут на всю улицу перекрикиваться. Окей, я очень даже «за». Конечно, проверить во время посадки, не спрятался ли кто в багажнике, мне это «за» не мешает.

От зелёных глаз басконки моя предосторожность не ускользает.

— Не бойся, похищать тебя я пока не планирую.

— Ну вот, а уже представил себя привязанным к кровати, и тебя в роли прекрасной насильницы...

— Да запросто. В секс-шоп только заедем, агрегат подлиннее и потолще куплю.

— Э, не! Несогласный я так!

— Ну, вот... только раздражил девушке фантазию, и сразу в кусты. Все вы мужики такие!

Смеёмся вместе.

— Рада тебя видеть.

Хм... с чего бы вдруг? В прошлый раз, помнится, я на неё впечатления не произвёл. Хорошего, во всяком случае.

— Я тоже!

И насколько случайна наша встреча? Что-то мне подсказывает — где-то между «не очень» и «вообще не».

— Какими судьбами в Нью-Рино?

— Да так, дела всякие... Уже три месяца, как из Порто-Франко перебралась. А ты? Я в «Принцессу Инков» заезжала как-то, но они сказали, ты уже съехал. Где был?

Надо же. Интересно, на самом деле заезжала, или как? Может, зря я тогда решил «нет так нет», надо было активность проявить?

— А я на Юг уехал, в Кейптаун.

Ичасо присвистнула с лёгким удивлением.

— Надо же, куда тебя занесло.

Развожу руками. Мол, вот такой я весь внезапный, ничего не поделаешь.

— Слушай, ты спешишь куда-то? Или есть время угостить девушку обедом?

Радостно киваю.

— Конечно, с удовольствием!

Точно, встреча не случайна.

— Отлично! Я тут хорошее место знаю, неподалёку.

Орденские бюрократы никуда не денутся, с ними и в другой раз пообщаться можно.

— Поехали!

Место и впрямь оказалось совсем близко. И трёх минут не прошло, как наш внедорожник свернул на неширокую улочку, идущую параллельно Авенида-Лопес, и, ещё через минуту, припарковался у ресторанчика с вывеской «D'ос» и незнакомым мне флагом над дверью — на красном фоне чудно выглядящий крест и семиконечная звезда в углу. Что-то первый раз такое вижу, и даже ассоциаций никаких не возникает.

— Ты как относишься к окситанской кухне?

Окситания... это где вообще? 8 Где-то во Франции, кажется?

— Ээ... честно говоря, впервые слышу о существовании таковой.

Ичасо шутливо закатывает глаза.

— Ох уж эти русские варвары! Ладно, пойдём, буду делать из тебя человека.

Принимаю смиренный вид.

— Слушаюсь и повинуюсь, хозяйка.

Грозит мне пальцем.

— Ты эти свою южные штучки брось! Рабовладелец проклятый! Признавайся, завёл себе гарем из рабынь?

Надо же, проницательная какая. Ну, гарем не гарем, но одну купил, было дело. Впрочем, учитывая политические воззрения собеседницы, делиться этим было бы неразумно, так что машу головой.

— Нет, в Родезии рабство запрещено.

— Ну-ну, так я тебе и поверила.

Так, болтая и перешучиваясь, поднимаемся по узкой деревянной лестнице на второй этаж и занимаем небольшой столик на террасе, выходящей на сад во внутреннем дворике. Уютно тут, даже весьма. Дерево, кирпич, гирлянды чеснока и каких-то очень аппетитно пахнущих

сухих трав.

Время для завтрака уже позднее, а для обеда ранее, так что посетителей немного, больше половины столиков свободны.

В связи с моей постыдной неосведомлённостью о яствах окситанской кухни (да и о самом существовании таковой, если уж на то пошло), Ичасо делает заказ на нас обоих. Моё ухо выхватывает среди незнакомых названий «...кассуле, 9 рататуй, 10 нисуаз 11...» знакомое слово.

— Погоди, «Рататуй» — это мультик такой был, о крысе-поваре.

Басконка подтверждающе кивает.

— Вот-вот. В этом ресторане лучшая крысятина в городе, специально ради неё сюда приезжаю.

— Хм...

Шутит или нет? Французы — они ведь почти как китайцы, тоже какой только гадости не жрут, от лягушек до улиток и кузнечиков. Ладно, чёрт с ними, с крысами, едали мы вещи и пострашнее. Одна куриная тушёнка из Макеевки чего стоит, после неё никакая крысятина не страшна.

Официант, невысокий, полный и чернявый, как и положено южному французу, принёс бутылку красного вина и ловко наполнил два бокала. Присматриваюсь к бутылке. Написано на ...ээ... чёрт его знает, на каком. Что-то романское, несомненно, но на французский как-то не похоже. Я его не знаю, но опознать могу, мне кажется.

— Это окситанский язык. Они у себя вино производят.

Ни фиги себе, ещё и язык такой есть? Выражаю удивление вслух, чем вызываю очередной смех Ичасо.

— Ты только при официанте такое не ляпни, а то в рагу плюнет. Есть и язык, и анклав свой — на юго-западе Европейского союза. Столица в Тулузе.

— Я думал, в Тулузе на французском говорят... В *той* Тулузе, по крайней мере.

На лице девушки промелькнула лёгкая ностальгия. А, ну да, всё забываю, что она не испанская басконка, а французская. Как раз из тех самых «окситанских» краёв, насколько я понимаю.

— Вообще да, но там и свой древний язык есть, хотя большинство его забыли. Но активисты изучают, пытаются возродить, есть передачи на радио и ТВ. И тут среди переселенцев оказалось достаточно таких активистов, поэтому они поселились не с остальными французами, на севере ЕС, а создали свой анклав. Ну, а потом уже легче — анклав же может сам через Орден нужных людей к себе зазывать. Сейчас в здешней Окситании дети на французском уже и не говорят, там его в школах принципиально не преподают, даже в качестве иностранного.

— Понятно...

Надо же, вот людям заняться нечем. Хотя, почему бы и нет? Вреда от этого окружающим никакого, во всяком случае.

— Ладно, хватит об окситанцах. За встречу?

— За встречу!

А ничего так винцо. Пить вполне можно. Забавно, кстати — кубанское что-то напоминает, хотя и не припомню, что именно.

— Так что ты в Кейптауне делаешь?

— Уже ничего. Я оттуда уехал.

— А что так? Не понравилось? Или работу не нашёл?

— Да как тебе сказать...

— Как есть, желательно. Фантазировать потом будешь.

Улыбается. Интересно, все эти шуточки с эротическим подтекстом — это её обычная манера, или как? И если «или как», то о чём это говорит, применительно ко мне?

Под кубан... ээ... окситанское вино рассказываю о своих приключениях. Не всё, разумеется, лишь ту часть, что можно поведать публике. Ичасо слушает с неподдельным (хочется верить) интересом.

Окситанские блюда с таинственными названиями оказались очень вкусными, но заставили меня в глубине души надеяться, что в горизонтальную стадию моё знакомство с рыжей и зеленоглазой красоткой сегодня не перейдёт. Почему? Ну... Лук, чеснок, фасоль, анчоусы и так далее. Думаю, к концу обеда можно будет дыханием комаров сжигать на лету. Или сбивать и сразу опаливать воробьёв.

— И что, даже стрелять научился?

Вот же язва. Это она о моих великих подвигах, за которые мне гражданство досрочно дали. Никакого уважения к скромному героизму, хе-хе.

— Научился, научился.

— Мм... что-то слабо верится. Ты, насколько я помню, долго не мог сообразить, с какой стороны за пистолет хвататься.

Не, ну вот это уже наглый поклёп! Нормально я стрелял, даже тогда. А сейчас ещё лучше стал. Кстати, надо бы на стрельбище походить. Стрелять — это вам не на велосипеде ездить, тут навык быстро утрачивается.

— Хочешь проверить?

Девушка с лёгкой иронией поднимает рыжую бровь. Мол, вижу все твои уловки насквозь, просто хочешь со мной ещё раз встретиться. А я вроде и не скрываю особо — хочу.

— Ну, можно. Стрельбище «Додж-Сити» знаешь?

— Слышал, но не бывал.

— Кто бы сомневался.

Эхе-хе-х... Стерва.

— Это на северо-западе отсюда, за Чайнатауном. Я там с друзьями часто стреляю. Приезжай во вторник, к одиннадцати.

Даже для приличия не спросила, занят я или нет. Ладно, до определённого предела такое поведение меня привлекает.

— Договорились. Кстати, о твоих друзьях — я, кажется видел одного на прошлой неделе.

Ну, а какой смысл скрывать? Он меня точно видел и, скорее всего, вспомнил. Не очень я верю в случайность сегодняшней встречи.

— Ага, Марка. Он мне рассказывал.

Марк, значит. Что-то я ни капли не удивлён. Этнические коммунисты во всей красе, ага.

— ...я смотрю, любитель по таким мероприятиям ходить? Или и правда решил на Дальний Юг переселиться?

А глаза-то заинтересованные, хоть и напускает на себя равнодушно-ироничный вид. С чего бы это, любопытно?

— Да просто мимо шёл, вывеску увидел, решил зайти. Не пожалел, кстати — интересно. А Марк этот, он что, переселиться решил? — вкладываю побольше иронии в голос.

Ичасо качнула кудряво-рыжей гривой.

— Нет, тоже мимо шёл и любопытство у него разыграло, вроде твоего.

Ага, вот только он не шёл мимо, а ты его туда привезла, на машине. Всё интереснее и интереснее, как говорил ...ээ... не помню, кто. Из мультика какого-то, кажется.

— Мне вообще кажется, что всё это ...мм...

Попытавшись вспомнить испанский эквивалент слова «разводка» или, на худой конец, «мошенничество», не смог этого сделать и схитрил.

— ...«панама». 12

Блин, надо бы испанский подтянуть. Такое важное слово, а я забыл. Забывается без регулярной практики. Вот, кстати, с Ичасо бы чего получилось, заодно и попрактикуюсь, хе-хе.

Моя потенциальная учительница испанского, тем временем, задумчиво кивнула.

— Вполне возможно. Уже не раз такое было. Ладно, большое спасибо за обед. Мне надо по делам бежать. Тебя подвезти куда-нибудь?

Мотаю головой.

— Да нет, спасибо, я пешком прогуляюсь.

Ни к чему в машине чесноком и анчоусами на девушку дышать. Да и в Агентство я сегодня уже не пойду. В другой раз как-нибудь, спешки-то никакой. Так что пройду отсюда и до дома,

не так оно и далеко, чуть больше часа. Я вообще пешком люблю ходить, говорил уже, кажется.

— Ну, смотри сам. Вторник, в одиннадцать?

— Ага. Поражу тебя своей меткостью до глубины души.

— Не сомневаюсь. Уже трепещу от сме... ээ... предвкушения, я хотела сказать.

Ну вот язва и всё тут, что ты с ней поделаешь? Блин, сразу в голову полезли мысли, что бы я с ней поделал. Спермотоксикоз, что ли, начинается?

А чтобы время не терять, во время прогулки стоит обдумать, чем именно товарищам троцкистам так интересна потенциальная русская колония на Дальнем Юге, и каким боком тут замешан я. Ибо, что-то мне подсказывает, «это ж-ж-ж — неспроста».

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Лазарев-стрит

Офис паевого товарищества «Колонизационное общество «Русский Юг» оказался расположен в самом центре фримонтского даунтауна, на втором этаже дорого и стильно выглядящей кирпичной пятиэтажки. Зеленоватый немецкий кирпич, тяжёлая дверь полированного дерева, начищенная бронзовая ручка... С одной стороны, возможно, какой-то смысл в этом и есть — вызывает у потенциальных переселенцев ощущение некой основательности всего предприятия. С другой — аренда, полагаю, влетает в нехилую копеечку, для этих денег нашлось бы куда более практичное применение. Ладно, Глебу виднее.

Что я тут делаю? Да так, побеседовать пришёл. Разумеется, помню, что не собирался поначалу, но вот любопытно мне стало. Что-то темнит моя (ну, потенциально моя) зеленоглазых-рыжеволосая красавица. Есть у МОРФ 13 во всём этом деле интерес, зуб даю...

А? Мне-то что за дело? Мм... Да хрен его знает, честно говоря. Любопытно, вот и всё. Опять же — возможно, этот самый интерес произрастает на денежных корнях, так что...

В солидно, со вкусом обставленной приёмной меня встречает фигуристая (даже несколько чересчур) и брюнетистая девушка лет тридцати, что-то набирающая на компьютере.

— Добрый день! Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте. Виталий Чернов меня зовут, я вам звонил с утра.

Брюнетка пару раз кликает мышкой, после чего с энтузиазмом кивает.

— Да-да, конечно. Добро пожаловать! Проходите, Глеб Михайлович у себя. По коридору, третья дверь слева.

Толстый ковёр на полу, бронзовые светильники на стенах, пара картин... Широко живут будущие колонисты, ничего не скажешь.

Глеб, который Михайлович, оказался не один, а вместе с выступавшим на собрании геологом... забыл, как там его. Невысокий такой, загорелый, лысый и худощавый. Что-то объясняет красномордому бородачу, тыча карандашом в разложенную на столе карту Дальнего Юга. С моим появлением оба замолкают и с интересом смотрят на посетителя.

— Добрый день!

— Здравствуйте!

Хм, мы втроём, что ли, общаться будем? Ладно, пофиг, в общем-то.

— Виталий меня зовут. Насчёт колонии хотел разузнать, что да как.

Бородач мельком заглядывает в открытый ежедневник и кивает.

— Да, конечно. Прошу прощения, мы тут увлеклись немного. Вы со мной лично хотели бы побеседовать, или Игорь Дмитриевич тоже будет полезен? Он наш геолог, ну и вообще, исследователь.

Ну, скрывать мне нечего, почему бы и нет...

— Да, я помню. Был на собрании. Конечно, буду рад, если вы тоже останетесь.

Пожимаем руки, тут же решаем перейти на «ты» и располагаемся в углу, на удобных креслах вокруг низкого журнального столика.

— Я так понимаю, ты себя в качестве пайщика рассматриваешь, а не просто поселенца?

Ишь, шустрый какой. Сразу быка за рога.

— Да пока в качестве интересующегося рассматриваю. Но, если решу, то пайщиком. Вот, кстати, я выписку в банке взял, а то фриков много забегает, наверное.

Глеб кивнул, мол, хватает, быстро пробежал глазами по выписке и вернул её мне. Кажется, интереса на его лице прибавилось.

— Раз на собрании был, о нас кое-что уже знаешь. Может, о себе тогда пару слов скажешь?

Логично. Всё-таки, тут практически «в разведку пойдём», можно сказать.

— Холостой. Прошёл ворота в этот сезон дождей, пожил немного в Порто-Франко, осмотрелся, уехал в Кейптаун.

Брови обоих слушателей немного подались вверх. Понятно, Кейптаун — направление для русских не очень типичное, мягко говоря.

— Там открыл зал игровых автоматов, поработал несколько месяцев, подвернулось выгодное предложение — продал. В Кейптауне надоело, поехал сюда, пока что думаю, чем заняться.

— Войнушка там у вас была недавно, я слышал?

— Была.

В подробности пускаться я не стал, собеседники намёк поняли и дальнейших расспросов не последовало.

— А на той стороне откуда?

— Да много где носило. В последнее время в Москве жил.

— Понятно... Женат, пятеро детей, скоро, даст Бог, шестой будет. Я сам из Кировской области, десять лет уже здесь. Местных, в смысле. Первые пять в Москве жил, но, как вся эта херня пошла, с социализмом, перебрался сюда. Строительством занимался. Это, кстати, — он обвёл рукой вокруг, — офис моей бывшей фирмы. Я его уже продал, с отсрочкой выезда. Так что, не думай, что мы тут паевые деньги транжирим.

А я, честно говоря, именно так и думал. Но признаваться в этом не стал, конечно, просто кивнул с глубокомысленным (надеюсь) видом.

«Географ», как я мысленно окрестил Игоря, подключился к разговору.

— А я с Урала. Разведён, сын есть, но взрослый уже. За ленточкой тоже геологом был. Двенадцать лет тут, начинал ещё в Протекторате у «вояк». Амазонский хребет исследовал, западное побережье, низовья Амазонки. Сюда тоже пять лет назад перебрался, но в Нью-Рино только живу, а работал у латиносов, в основном, ну и в Техасе. Один раз по заказу ВИХ, на северных отрогах Эльдорадо работал.

Надо же. Первый встреченный мной белый, бывавший в тех краях. Огромное, сильно расчленённое поднятие, ограничивающее продвижение халифатов и конго-дагомейцев на юг, покрыто совершенно непроходимыми джунглями, насколько я слышал.

— И как там?

Географ невесело усмехнулся.

— Хреново. Целый день надо прорубаться, чтобы сто метров пройти. Кое-что мы там нашли, но, с такой доступностью, толку от этого никакого. Потому и Мекка это дело свернула.

А сейчас правительству в Мекке и вовсе не до того, хе-хе. Они эти земли вообще больше не контролируют, там теперь черноармейцы рулят.

— ...кстати, сам же на Юге жил — ничего о наших будущих краях не слышал?

Ну, этого вопроса я ожидал, разумеется.

— Насчёт Аустралиса — ничего. А вот об озёрах, которые севернее — слышал. Там негры бывают, в основном дикие старатели и те, кто их грабит. Но поселений нет, вроде, только захаживают иногда.

Мои собеседники переглянулись.

— Точно?

Станный вопрос.

— Ну, откуда же я знаю? Сам-то не бывал. Что слышал, то и говорю. Что бывают, хоть иногда — точно, иначе откуда бы они об озёрах вообще узнали.

Игорь задумчиво кивнул.

— Ну да, ну да... А что добывают, не говорили?

— Алмазы, вроде как.

Тут, конечно, я слегка лукавлю. Алмазы точно добывают где-то за южными границами Нигера и Конго, но вот где именно — понятия не имею. Сами «дикие копатели», по очевидным причинам, свои участки предпочитают держать в тайне. Может, и в районе озёр, а может, на Эльдорадо. В любом случае, о золоте из тех краёв я не слышал, его севернее добывают, в уже более-менее обжитых местах.

— Алмазы... на Эльдорадо алмазы точно есть, значит, и южнее тоже... интересно...

Глеб перехватил нити управления разговором.

— Ладно, Игорь, хорош человека допытывать. Он нас расспрашивать пришёл, а не наоборот. — И, повернувшись ко мне. — Какие вопросы есть, задавай.

Их есть у меня, хе-хе.

— С Орденом какое-то взаимодействие есть, по поводу всей затеи? И вообще, обсуждали с ними? Какая реакция?

Глеб степенно провёл ладонью по бороде. Я заметил, это характерный для него жест, при задумчивости.

— С Орденом я, конечно, проект обсуждал. Даже в Порто-Франко летал, там у них северное отделение департамента колонизации. Реакция, в общем, равнодушная. Типа «вольному воля, хотите — переселяйтесь, мы-то тут причём». Думаю, они не очень верят в наши перспективы, считают, что будем маленьким поселением чудаков у чёрта на рогах, типа Фолькстаата.

Не могу удержаться от ехидной ухмылки. А что, ожидается что-то другое на ближайшие лет пять? Бородач мою реакцию мимо внимания не пропустил.

— Скорее всего, ближайшие два-три года так оно и будет. Но я верю в потенциал колонии. Тех, кто готов быть первым, всегда мало. Высадиться на диком берегу и начать строить всё с нуля готов не каждый. А вот когда уже хоть что-то там появится, тогда народ потянется, уверен.

Ну, возможно, возможно. Вот только какой именно народ — это вопрос, знаете ли.

— То есть, отделение там Орден открывать не будет?

Глеб помотал головой.

— Пока что нет. Они даже в Фолькстаате не открыли, хоть он уже несколько лет существует, и народу там тысячи три, кажется. Мне практически открытым текстом сказали, что сейчас приоритет — это Калифорния и Индийский союз, все ресурсы идут туда, всё остальное — за счёт самих желающих. Так что, мешать Орден не будет, но и помогать — тоже.

— Ясно... Тогда встаёт вопрос — как будет поддерживаться сообщение колонии с миром? Даже в Пуэнт-Руж коммерческое судоходство только-только начинается, хотя туда от Порт-Дели около полутора тысяч километров идти. В Фолькстаат его вообще нет, раз в пару месяцев судно с переселенцами придёт, и всё. Потому они там и живут натуральным хозяйством,

практически, как в XIX веке. А до колонии от Фолькстаата ещё пять с лишним тысяч на юг до устья по морю, и потом вверх по реке тысячи три-четыре подниматься...

На лице бородача появилось упрямое выражение, столь типичное для буров. Откуда он там, говорил? Вятка? Ну, да, среди вятских тоже упёртых хватает, это у них ещё от новгородских ушкуйников осталось.

— Ничего страшного. Все колонии так создавались, в своё время. Небольшая изоляция даже будет полезна — внутреннее производство разовьётся.

Э-э.. «внутреннее производство» чего, стесняюсь спросить? Машин? Электроники? Современных медикаментов? Может, тогда уж и фотонных звездолётов, чтоб два раза не вставать? Видимо, мысли эти явно отразились на моей физиономии, потому как Глеб с некоторым раздражением поморщился.

— Слушай, понятно, что будет трудно. Было бы это легко, давно бы уже всю Новую Землю заселили, ещё в первые десять лет. Вопрос в том, готов ты немного потерпеть, чтобы ты и твои дети стали элитой в русском национальном государстве. Нормальном, а не том извращении, что они в Демидовске строят.

Примирительно поднимаю ладони.

— Да ты не кипятись. Сам же сказал — задавать вопросы. Вот я и задаю. А уж готов или нет — пока не решил.

Глеб, чуть остыв, продолжил.

— У нас есть большое преимущество, если сравнивать с Фолькстаатом. Какой у них демографический потенциал? Пятнадцать тысяч на этой стороне и три миллиона на той? А русских только здесь, в Нью-Рино, тысяч восемьдесят. Всего на Севере, не считая Новороссию, под триста будет. В Новороссии два миллиона. Там тоже далеко не все порядками довольны, будет нормальная Россия, без социализма, многие уедут. А на той стороне вообще сто сорок миллионов. И ситуация там, насколько я слышал, не сказать, чтоб лучше становилась?

Киваю. Что есть, то есть. Северные пушные зверьки массово мигрируют и в Эрэфию, и в прочие ошмётки России.

— Ну, вот. Сравни сам цифры. Нам главное начать и продержаться год, а там народ пойдёт.

Может и так... А может, и не так.

— Что если не тот народ пойдёт? Не русские, в смысле. Тут, насколько я понимаю, желающих получить свой анклав хватает, от тайцев до армян.

— Главное, побольше людей сразу набрать. Создадим несколько поселений в самых выгодных местах, свою власть установим, а там и анклав создадим, и уже сами будем решать, кого пускать, а кого нет. Фолькстаат же статус получил в прошлом году. Три тысячи человек, а тогда вообще две с копейками было, и ничего — полноценный анклав, заняли почти тысячу миль побережья, Орден признал. Так они и продолжают вдоль берега на юг и север расширяться потихоньку, вглубь не идут, людей не хватает.

Ну, почему Орден признал, это понятно, как раз. Буры к себе чужих не особо принимают, а самих их мало. Учитывая, что они заняли, грубо говоря, полосу земли от Салвадора до Рио-де-Жанейро (ну, если аналогии брать, по расстоянию и климату), то Ордену очень даже удобно признать эту райскую территорию собственностью Фолькстаата. Сами буры будут её ещё черт знает сколько развивать, а вот никого другого туда не пустят. Да и расширяют границы вдоль берега, перекрывая прочим желающим путь вглубь континента.

Высказываю всё это вслух, мужики согласно машут головами. Глеб вставляет:

— Всё так, но смотри — с нами практически такая же история получается. Репутация у русских не очень, особенно на той стороне. Здесь-то уже попривык народ, а вот новенькие шарахаются прямо. Так что, большого потока нерусских переселенцев к нам в любом случае сразу не будет. Просто побоятся ехать. А потом мы уже анклав создадим, и всё. Кто и приедет — ассимилируем, не проблема. Администрация русская, школы русские, бизнес русский, СМИ русские — главное это всё быстро создать, и тогда нам сам чёрт не брат. Кстати, я думаю, Орден и нас как вторых буров рассматривает. Иначе бы смогли палки в колёса вставить, с их-то возможностями. Думают, пара тысяч переселится, закроем речной путь для всех остальных, и будем коровам хвосты крутить. А потом, когда Орден на Дальнем Севере все вопросы порешает, он и нас, и буров прогнёт, как уж там ему вздумается. Вот только насчёт нас они не угадали. Мы — русские!

Блин, ты ещё «Боже, царя храни!» запой. Глеб, впрочем, сам понял, что с патетикой малость переборщил, и заметно смутился.

— Ну, как-то так, в общем. Конечно, вполне может быть, что я ошибаюсь, а Орден прав. И получится у нас второй Фолькстаат. Но, в общем-то, и это будет не так уж плохо. В любом случае, выйдет нормальная Россия, хоть и небольшая.

Неплохо-то неплохо, только вот жить там будет не слишком комфортно, сдаётся мне.

— Ладно, что-то мы в заоблачные выси какие-то ушли. Давай к конкретике. Когда именно переселение, на что деньги пойдут, сколько человек уже готовы?

Здоровяк с готовностью перешёл к практическим вопросам.

— Значит, смотри. Переселяться будем в сезон дождей, через три месяца. По нескольким причинам. Во-первых, на Дальнем Юге весна, как раз. Во-вторых, на этот период дешевле зафрахтовать корабли, они же всё равно в портах торчат. В-третьих, мы раньше всех спохватились, сразу после опубликования доклада, но постепенно и другие раскачаются. До сезона дождей уже никто не успеет, кроме нас, а так получим четыре месяца форы.

Киваю. Всё логично, не подкопаешься.

— По количеству — на сегодняшний день свои паи оплатили шесть человек. Ещё два десятка думают, вроде тебя. Это пайщики. Насчёт переселенцев точно сказать труднее — они же свои деньги не вносят, так что могут передумать в любую минуту. Где-то сорок — сорок пять семей твёрдо собираются переселяться, по моей оценке. Это чуть меньше двухсот человек. Точно уверен в половине, они уже имущество распродают потихоньку. Интересующихся раза в три больше. Работаю над привлечением, послезавтра еду в Терёхино, на следующей неделе — в Нью-Галвестон, оттуда — в Форт-Линкольн.

— Ээ...

— А, ну да. Ты же у нас тут на северах человек новый, — бородач широко улыбнулся. — В Нью-Галвестоне и Форт-Линкольне большие русские общины. А Терёхино — деревня старообрядцев, в верховьях Баффало-Крик.

Хм... не то чтоб я имел что-то против старообрядцев как таковых, но насколько разумно их в больших количествах привлекать на раннем этапе? Народ они хозяйственный и трудолюбивый, конечно, но очень уж себе на уме, как бы за свои же деньги сепаратизм не привезти... Высказываю опасения вслух, Глеб задумчиво поглаживает бороду.

— Опасения здравые, но сомневаюсь, что удастся их привлечь в таких количествах, что это составит проблему. Пару-тройку семей максимум, думаю. В любом случае, последнее слово всегда остаётся за нами, кого не захотим — просто не возьмём.

— Ясно... А нерусские не просятся пока?

— Есть такие. Двое среди потенциальных пайщиков, ну и среди переселенцев интересующихся тоже есть.

— Будете принимать?

Здоровяк пожал широкими плечами.

— Посмотрим. Зависит, кто именно, и в каких количествах. Да и не я один же решаю, а все пайщики. Думаю, тех, кто более-менее владеет русским, стоит брать, если белые. В принципе, если всего одна семья, можно и не владеющих — выучат. Несколько семей — уже не стоит, отделятся и своё поселение создадут. А вот азиатов — нафиг. Тут уже приходили и китайцы, и кхмеры какие-то, мы всех сразу завернули.

Это правильно...

— Вообще, по переселенцам я не сильно переживаю, сотни три наберётся, уверен. Больше пайщики волнуют — деньги нужны уже сейчас, и много.

Удивил, ага. Деньги — такая штука, они всегда «нужны, и много».

— На что паи пойдут?

— Ну, перво-наперво, на корабли.

Вообще-то, как объяснял мне лейтенант-командер Иванофф, «корабль» — это когда военный, а если гражданский, то «судно». Но, пожалуй, не стоит умничать.

— ...даже в «мёртвый сезон» влетит в копеечку. Предварительные договорённости уже есть, получается двести — двести десять тысяч за один. Для животных — отдельный корабль, а то и два. Плюс будет нужен танкер — без него туда-обратно не дойдут, да и нам горючка на месте понадобится. Танкер уже оплачен, триста тысяч, и это не считая топлива. Документы, кстати, все есть, можешь посмотреть, а то некоторые всё ещё думают, что это «панама» очередная...

— Посмотрю.

Вообще, конечно, оплата фрахта никаким доказательством серьёзности намерений не является. Более того, она, как раз, вполне может быть методом вывода средств. Но посмотрю, чего ж не посмотреть-то...

— ...грубо говоря, один пай — это фрахт одного корабля. Плюс ещё один на всех сверху размазать, чтобы добить. И это ещё без прочих общих расходов. Для того, чтоб всё было нормально, нужен один пайщик на пять семей переселенцев. Будет меньше — придётся ужиматься. Минимум — один на восемь. Если не хватит — придётся часть переселенцев отсеять.

— А какие ещё общие расходы будут?

— Хватает. Медпункт со всем оборудованием, два доктора и дантист. Зарплату им тоже придётся из паёв платить первые несколько лет, по-другому не получится. И платить нормально, тут медики хорошо зарабатывают, попробуй их ещё уговорить за тридцать земель ехать. Школа и пара учителей — аналогично. Дети есть почти у всех, если школы не будет — никто не поедет.

Основательно к вопросу подходит, молодец. Насчёт дантиста я и сам подумал, а вот о школе — нет. Ну, я-то пока потомством не обзавёлся, а у него шестой на подходе уже.

— Вооружение. Временную лицензию у Ордена я уже получил, так что можно будет спокойно здесь купить всё нужное и везти в Билокси, грузиться там будем.

— Что брать хочешь?

Очередное движение широких плеч.

— Да без фанатизма... Тяжёлые пулемёты, миномётов пару, пушку какую-нибудь. Воевать-то не с кем там, это так, на всякий пожарный.

— Мм...

— Не согласен? Ты, вообще в этих делах как? А то у нас среди пайщиков пока бизнесмены, в основном, один только в оружии разбирается.

— Ну, не сказать, что великий специалист, но немного понимаю. Был опыт... ээ... всякий.

Глеб с энтузиазмом закивал.

— Ну, вот, видишь! Подскажешь, если что.

Охмуряет, хе-хе? Вот уж не поверю, что не получил консультацию от куда более сведущих, нежели я, людей.

— ...ну и всё прочее — радиостанцию мощную, технику кое-какую, оборудование...

Мдя, а я-то ещё думал, что двести пятьдесят тысяч — многовато будет. Какое там, ещё и не хватит...

— А где вообще селиться-то планируется?

— Окончательно совет пайщиков решит, уже ближе к отплытию. Намётки есть, конечно... — он повернулся к Игорю, с готовностью принявшему подачу.

— Основных района два. Первый — у впадения Гискара в Аустралис. Климат уже достаточно тёплый, средний минимум температуры самого холодного месяца, судя по всему, выше нуля.

Немного засушливо, но много рек, текущих с западных гор, ирригация проблем не составит, можно выращивать всё, от пшеницы и картошки до винограда и оливок. К северо-востоку, вверх по Гискару — идеально для пастбищного скотоводства. Ну и речной транспорт по трём направлениям: север, юг, северо-восток.

— Типа Мендосы в Аргентине?

Игорь посмотрел на меня с любопытством.

— Ага, типа того. Бывал?

— Бывал. Хорошо там.

Подтверждающий кивок.

— Конечно. Было бы плохо, не ехали бы. Из минусов — геологоразведка местности практически не проводилась, что там есть и есть ли вообще что-то — мы не знаем. Железная руда выше по течению Гискара — интересно, но, скорее, на перспективу. Леса в регионе мало, если использовать его для строительства и топлива — сведём в момент. Нужен уголь, хотя бы. Есть леса на западе, в горах, но встаёт вопрос с транспортировкой. Как вариант — заготавливать в Бордер-Маунтинс и сплавлять по Аустралису.

— А второй вариант?

Загорелый «географ» откашлялся и ткнул пальцем в карту чуть ниже ущелья, прорубленного Аустралисом в горах.

— Здесь. Климат плюс-минус как в Нью-Рино, чуть пожётче...

— Это как?

— Ну... если Аргентину знаешь — Гран-Чако, примерно. Конкретно, где собираемся селиться — типа Бахо-Чако.

Хе-хе. Не, там я не бывал, но кое-что слышал. «Пожётче», ага.

— Это которое «Зелёный Ад», что ли?

Игорь с некоторым раздражением отмахнулся.

— Это в XVIII веке называли. Тогда думали, что и в Штатах на Великих равнинах жить нельзя. А сейчас главная житница. И в Чако, кстати, сельское хозяйство процветает. Зато есть лес, уже найдены уголь и полиметаллы, в горах можно сразу мини-ГЭС ставить. Для сельского хозяйства, опять же, прекрасно подходит. Я лично буду второй вариант рекомендовать.

— А два поселения не рассматриваете? Кто хочет — туда, кто хочет — сюда.

Ответил Глеб.

— Рассматриваем, и это даже предпочтительнее. Но зависит от того, сколько желающих мы в итоге наберём и сможем перевезти. Если меньше трёхсот — думаю, разделяться было бы нецелесообразно.

Хм...

— А как вообще вы себе всё это на практике представляете? Вот приплыли на место, а поселенцы и говорят — большое спасибо, дальше мы сами, а своим уставом и исключительными правами пайщиков можете подтереться. После чего разбредаются по окрестностям. И что тогда?

Потенциальный отец-основатель Русского Юга задумчиво пригладил бороду.

— Не думаю, что так получится. Товарищество официально зарегистрировано по законам Территории, устав колонии в Ордене регистрируем. Со всеми переселенцами подпишем договор. Люди обычно следуют общим правилам автоматически, принуждать их не надо. Да и мы же там никакими диктаторами становиться не планируем. Вполне логично — кто оплатил переселение остальных, имеет право отбить деньги в первую очередь. Причём, никаких налогов в первые два года не будет, общие расходы колонии покрываются за счёт паёв. В любом случае — казна у нас, общее имущество у нас, Орден признаёт нас. Если кому-то хочется жить самому по себе — не вопрос. Возмещает стоимость своей перевозки, можно в рассрочку, мы же не звери. Удаляется на двенадцать миль от колонии и может делать там, что ему заблагорассудится. Вот только зачем кому-то демонстративно посылать нас на хрен, если мы и так никому не собираемся мешать? Хочет человек построить отдельную ферму подальше от всех — пусть строит, мы ещё и поможем. До тех пор, пока устав колонии признаёт и соблюдает, никаких проблем. Короче, не думаю, что будут большие проблемы в плане администрирования. Люди займутся своими делами, им не до интриг будет.

А вот это чёрт его знает. Люди — существа странные, от них всего можно ожидать. Вон, Элен хоть вспомнить. Эхе-хе-х...

— То есть, свой тройной участок земли можно получить и за пределами двенадцатимильного радиуса?

Обо собеседника посмотрели на меня с несколько настороженным интересом. Глеб отозвался первым.

— Ну... вообще, строго говоря, нет. То есть, взять-то можно, и хозяйствовать тоже, но формально колония участки свыше орденских норм на неосвоенных землях раздавать не может. Так что, теоретически кто-то вполне может на одной трети этой «твоей» земли обосноваться и решать вопрос придётся... внеюрисдикционными методами. С другой стороны, можно в договор внести, что никто из переселенцев и пайщиков так делать не будет, а потом, когда анклав создадим, всё это уже официально узаконить. В любом случае, земли-то там немеряно, не думаю, что возникнут проблемы.

— Это как посмотреть, хе-хе. Земля земле рознь.

Игорь, чуть прищутив зеленовато-карие глаза, подхватил мысль.

— Конечно, если там вдруг золото или алмазы окажутся...

Он сделал паузу, но я на провокацию не поддался, и «географу» пришлось продолжать самому.

— ...тогда могут возникнуть сложности.

Кто бы сомневался. Впрочем, стоит ответить, а то вобьют себе в головы невесть что.

— Если там вдруг найдутся алмазы и золото, на всей затее с *русской* колонией можно ставить крест. Сразу столько всякого народа набежит, что мы растворимся. Да и землю тогда чёрта

с два сохранишь, я уж не говорю о тройном наделе. В любом случае, нет у меня никакой инфы о золоте и алмазах, так что не надо так многозначительно переглядываться.

Бородатый и лысый опять переглянулись, правда, на этот раз, несколько смущённо. Глеб кивнул, мол, верим, и поинтересовался.

— Хорошо. А зачем тогда участок за пределами колонии?

— Да мало ли. Может, вы на север пойдёте, а мне южный вариант больше нравится. Обоснуюсь, землю самую лучшую подберу, найму нескольких работников, виноградники начну разбивать потихоньку. Это для примера. Или по дороге где-нибудь место приглянётся, для будущего города. Всякое бывает, короче.

А потом на этой приглянувшейся земле случайно найдутся асфальтовые озёра и нефть, например. Случаются же такие случайности? Случаются.

— Ну, да... в общем, по этому поводу всё сказал уже, добавить нечего. Особых проблем не вижу.

А вот я вижу.

— Ещё вопрос — а этот тройной надел частями можно получать, или только единым куском?

Опять переглядываются. Не насмотрелись друг на друга ещё, что ли?

Игорь осторожно ответил.

— По идее, можно тремя кусками, по одному гомстеду. Иначе получается противоречие с орденскими правилами, которые в самом начале колонизации устанавливались. Но, в общем-то, никто там за их соблюдением особо смотреть не будет, кроме нас же самих. Орден же это всё придумал не для того, чтоб пытаться что-то контролировать, а чтоб постоянных войн за землю избежать. Когда люди знают, что есть некие правила, они реже за оружие хватаются.

Ну, это понятно. Вот только...

— Если кто-то ещё начнёт создавать там поселения, в спорах с ними придётся именно правилами Ордена руководствоваться, так?

Два кивка. Глеб пару секунд задумчиво пожевал губу, после чего выдал заключение.

— Мутишь ты что-то, Виталий.

Мучу, разумеется. А как без этого? Пожав плечами, отбрыхиваюсь:

— Да что тут мутить-то? На хрена мне три квадратных мили виноградников, например? А так, взять участок для виноградника, участок для пастбища, и ещё один на берегу, под строительство и сады — совсем другое дело.

— Ну... логично, да. — если у Глеба какие-то возражения и есть, то он решил оставить их при себе и не педалировать тему. Спугнуть боится, хе-хе? — Так что решил? Присоединяешься к нам?

— Буду думать. Как что надумаю — сообщу.

Честно говоря, не уверен пока, что это стоящая затея. Заманчиво, но... мдя. А вот интерес к ней товарищей троцкистов, кажется, стал немного понятнее.

III

Свободная территория Невада и Аризона,

округ Льюис-и-Кларк, стрельбище «Додж-Сити»

Банг!

Мишень на рубеже тысяча ярдов без лишней спешки легла на землю, подумала несколько секунд и, ещё более неспешно, поднялась обратно.

— Ну, вот, а врал, что стрелять научился. — ехидность Ичасо за проведённый нами на стрельбище час уже почти достигла отметки, за которой я начну раздражаться.

— Попал же.

— Ага. С третьей попытки. Снайпер! Свои курсы точной стрельбы не думал открыть? Назовёшь «Третья пуля», ха-ха.

Блин. Вот же язва. Можно, конечно, было бы указать, что дует весьма приличный ветер, порывистый, к тому же. Но, во-первых, поза оправдывающегося мне очков в её глазах явно не добавит, а во-вторых — тот же самый ветер никак не помешал рыжей вредине тремя выстрелами положить мишени на пятистах, семистах и тысяче ярдах. И это при том, что у нас обоих семисотые «Ремингтоны», причём мой калибра.338 LM, 14 а у неё — 7,62. Не российского образца, конечно, а.300 RUM, 15 но всё-таки. В общем, оправдываться смысла нет, так что молча пожимаю плечами и встаю с мата.

Ичасо, уловив что-то присущим рыжеволосо-зеленоглазым ведьмам чутьём (ну, или банально прочитав у меня на физиономии) не стала продолжать подколки, вместо этого на секунду прижавшись ко мне сильным, гибким телом и чмокнув куда-то между лбом и щекой. О как! Что-то новенькое...

— Я уже настролялась! Теперь обедать хочу!

— Вот-вот. Прикрываешься голодом, чтобы спастись от моей неминуемой победы и своего позора.

Заметив вновь разгорающееся в зелёных глазах ехидство, поспешно капитулирую.

— Но, разумеется, кабальеро не может оставить даму голодной, так что пойдём есть. Или поедем?

— Поедем. В здешнем ресторане кроме стейков ничего нет, а я их редко ем. Ты, кстати, почему машину до сих пор не купил? Кабальеро не может быть безлошадным. 16 Да и вообще... — меня смерили скептическим взглядом — кабальеро из тебя как-то не очень...

Ну, вот, приехали.

— Чёй-то вдруг? Может, это я запылится малость, и проголодался. А отмыть меня, покормить и расчесать — очень даже из меня кабальеро. При правильном освещении если. И вообще, кто

тут меня слюнявить только что лез?

В зелёных глазах вновь затанцевали чёртики.

— Ах вон ты как заговорил? «Лезла слюнявить?» То есть, «кабальеро» не только безлошаден и не умеет стрелять, он ещё и обращению с дамами не обучен?

Смущённо развожу руками — грешен, мол.

— В добрые старые времена таких «кабальеро» пороли на конюшне.

Горячо киваю, сделав максимально похотливое лицо.

— Это можно обсудить!

Рыжая бестия громко фыркает:

— Ага, размечтался!

Мдя... вот, как-то так и общаемся.

Блин, жарко сегодня. Вообще, строго говоря, погода в Техасе и Конфедерации как-раз тот самый «Зелёный Ад» и есть, о котором мы с Глебом и Игорем говорили. Но, как было справедливо замечено, после приложения определённых усилий жить в таких условиях можно, и даже вполне комфортно. Уж всяко лучше, чем в оставшейся за ленточкой Москве. С другой стороны, название-то не зря появилось. Пока эти самые усилия приложишь, столько всякого нахлебаешься, что сам не рад будешь. Это если вообще доживёшь.

Ичасо возвращается к первоначальному вопросу уже в машине.

— Так чего безлошадным-то ходишь, кабальеро?

Пожимаю плечами.

— Да ещё не решил, здесь останусь, или подамся куда... А если буду переезжать, то машину либо продавать, либо перегонять — лишние хлопоты и расходы. Мне пока и без машины неплохо.

— А куда ты собрался отсюда? Я думала, тут самое место для твоего бизнеса.

Ишь, любопытная какая. Или просто светскую беседу поддерживает?

— Не знаю... конкуренция здесь высокая. С голоду не умрёшь, конечно, но и пробиться наверх сложно, мягко говоря. Плюс ещё «семьи» эти... не люблю я бандитов.

Басконка, убрав обе руки с руля, делает презрительный жест. Блин, вот нервничаю я, когда кто-то так делает.

— Да какие это бандиты. Обуржуазились уже, костюмы надели с галстуками. Настоящих бандитов здесь давно нет.

Недолго помучавшись в попытках выудить из памяти испанское название шуки, обращаюсь к внутричерепному файлохранилищу с языком Шекспира. Блин, надо же, на английском тоже не помню. Ладно, заменим на акулу. Она даже лучше. Ну, зубастее, в смысле.

— El tiburón fue comido, pero sus dientes permanecieron. 17

В испанском аналогичной поговорки нет (ну, или я её не знаю), но Ичасо сообразила тут же. Умная. И жутко сексуальная, эхе-хе-х. Что-то мне подсказывает — сегодня опять не выгорит.

— Да, снять шкуру до костей и сейчас могут. А если не здесь, то куда?

— Не знаю. Думаю пока.

— Насчёт Дальнего Юга думаешь, что ли?

Блин, вот же доставучая. Сказал ведь рус... испанским языком — не решил ещё. Чего мозг выносить?

— В том числе. Но пока не уверен, что это всё не «панама».

Так и не вспомнил, как на испанском «мошенничество». Надо спросить у кого-то. Но не у Ичасо, а то она снова подкалывать начнёт. Кстати...

— А Марк этот твой что думает? Поедет на Юг?

Зелёные глаза покосились на меня с явной иронией.

— Марк не «мой», он сам по себе.

Ну, приятно слышать.

— ...говорила, он просто из интереса забрёл, случайно. Не собирается они ни на какой Дальний Юг, что ему там делать?

Ну, я откуда знаю? Мало ли, какие планы могут быть у человека. Владельцем ранчо там решит заделаться, или виноградника. Высказываю мысль вслух, на что получаю в ответ искренний смех.

— Марк? Да ни за что на свете. Он живёт Борьбой!

Как-то она ухитрилась эту самую «Борьбу» с большой буквы произнести. Революционерка, чтоб её...

— ...сам-то что там делать будешь? Как-то ты не похож на человека, привычного к физическому труду.

Что есть, то есть. Окоп отрыть, и то мучение.

— Ну, мало ли, кто к чему непривычен. По крайней мере, там всё с нуля будет создаваться, и есть шанс занять место в первом ряду. А здесь только в задних остались, да и там тесновато.

— В аристократию метишь?

Ирония настолько густая, что, кажется, её можно пощупать в воздухе. Мдя, точно, не выгорит сегодня ничего. А жаль.

— Почему бы и нет? Только не говори, что у тебя самой амбиций ноль. Не поверю.

— Я такого и не говорю. Конечно, у меня есть амбиции. Только они направлены на борьбу за правое дело, а не свой кошелёк, как у тебя.

Ага, ты мне ещё лекцию прочитай. Дело у тебя, кстати, не правое, а левое, хе-хе.

— Не стоит делать о человеке скоропалительные выводы.

Не знаю уж, согласилась Ичасо с этой нехитрой мыслью, или по какой-то причине не хочет со мной ругаться, но спорить она не стала.

— Ты сама-то чем занимаешься тут? А то мы всё обо мне да обо мне.

— Да так...

— Да как?

Не всё же мой мозг выносить, я и сам умею заколёбывать. Раз уж надежды на эротическое продолжение дня явно бесплодны, может, хоть чего полезного узнаю. Ичасо строго поджала губы.

— Собираем деньги и добровольцев для Муйнака.

— Для кого?

— Не «кого», а «чего». Муйнак — столица АНДР.

А, точно, вспомнил. «Товарищ Хорхе» что-то такое рассказывал на той лекции в Порто-Франко, на которой, собственно, мы с Ичасо и встретились.

— Это те, что исламокоммунизм в Атласских горах строят?

Скрывать иронию я даже не пытаюсь, на что рыжая революционерка явно хочет ответить резко... но удерживается, почему-то.

— Да, те самые.

Хм... странно.

— И как собирается, хе-хе?

Видя, что девушка на грани взрыва, поспешно добавляю, стараясь имитировать максимальную искренность.

— Не, мне правда интересно. Просто как-то Нью-Рино не бросается в глаза как место, где коммунистические идеи будут популярны.

— Это потому, что ты не смотришь по сторонам и не думаешь головой, а заикнулся на своих кошельке и желудке.

Ну, прям-таки заикнулся. Я, может, тоже за высокие идеи и всё такое, ага. Когда есть, что в тот самый желудок закинуть. Правда, представление о «высоких идеях» у нас, боюсь, не совпадает от слова совсем.

— ...больше всего несправедливости, там и больше всего людей, готовых с ней сражаться. А где на Севере больше несправедливости, чем здесь?

О как. Уела, ничего не скажешь.

— Да чёрт его знает. Я, кроме как тут и в Порто-Франко, нигде на Севере и не бывал. Но, судя по рассказам, в том же Латинском союзе народ живёт куда как беднее, чем здесь, разве нет?

Помнится, она рассказывала, что у латиносов бывала.

Ичасо нерешительно пожевала губу. Как-то непривычно применять к ней слово «нерешительно», хе-хе.

— Да, но... там меньше именно *несправедливости*. Она же не от абсолютных показателей зависит, а от сравнительных. Здесь всё построено вокруг денег и власти, это прямо напоказ выставляется, этим гордятся. В Латинском союзе живут намного беднее, да, но там правительство думает о народе, о бедных, о тех, кто не может сам о себе позаботиться.

Ага. Правительство думает о народе, поэтому народ живёт куда беднее, чем другой народ, который думает о себе сам. Классика.

— ...в курсе, что в Нью-Рино нет ни пенсий, ни пособий, ни бесплатной медицины — ничего такого? Если у тебя нет денег и ты заболел — можешь сдохнуть на обочине, властям наплевать.

— А я, вроде как, видел благотворительную клинику какую-то, она же бесплатная, наверное?

Фурия революции пренебрежительно отмахнулась.

— Это кто-то по своей инициативе организовал. Те, кто наградил миллионы, бросают жалкие подачки, чтобы успокоить свою «совесть». В любом случае, погоды они не делают.

«Наградил», видите-ли. Наградил — идите в суд. Или сами его организуйте, если сможете. Опять же — всегда можно уехать, если что-то не нравится. Вот только, по какой-то странной причине, никто из «несправедливого» Нью-Рино в «справедливый» Латинский союз не рвётся. Наоборот, Баррьо-Бронсе растёт, как на дрожжах, скоро Чайнатаун обгонит, как мне говорили. Да и миграционный баланс между Фримонтом и *Социалистической Республикой Новороссия* совсем не в пользу последней, хе-хе.

Немного задумавшись и подобрав слова, рассказываю анекдот о внучке декабристов в 1917 году. Ну, знаете, заканчивается на: «...хотят, чтоб не было богатых. Странно, а дедушка хотел, чтоб не было бедных». Увы, впечатления анекдот не произвёл, Ичасо лишь хмыкнула и вновь уставилась на дорогу. Куда это мы едем, кстати? На юго-восток куда-то, полгорода уже проскочили.

Ладно, что толку обсуждать. Никто никого не переубедит, только разругаемся в конец. А я ещё не совсем утратил надежду на эротическое продолжение знакомства...

— Слушай, вот ты Латинский союз хвалишь. Не, я в курсе, что там левые в гражданской войне победили, но мне казалось, они для вас недостаточно левые. «Буржуазные перерожденцы», типа, не?

Что? Да нет конечно, чёрт его знает, как там по-испански правильно сказать «буржуазные перерожденцы». Приходится импровизировать: «*Se han convertido en la burguesía*», и всё

в таком духе. Ещё несколько «подкатов» к Ичасо, и смогу на языке Сервантеса политические диспуты вести. Не то, чтоб оно мне было сильно надо, правда.

— Да, они отошли от идеалов революции. Но, всё-таки, они лучше, чем те, кто заправляет здесь.

Мдя... «Отошли от идеалов революции», понимаешь. Вот если политики не касаться — замечательная девушка, весёлая и остроумная. Чуть коснись — и куда только всё уходит? Китайский болванчик какой-то остаётся.

— Понятно. Куда едем-то? Почти весь город уже проехали.

Снаружи мелькают живописные улочки зажиточной части Баррьо-Бронсе.

— Почти приехали. Тут отличный мексиканский ресторанчик, мне очень нравится.

— Хм...

— Что такое? Не любишь мексиканскую кухню?

— Мексиканскую кухню я люблю. Не пойму просто, как ты, с такими кулинарными пристрастиями, умудряешься себя в форме держать.

Улыбаясь, пожимает плечами.

— Спорт и секс, как же ещё?

— Это ты хорошо придумала, горячо одобряю...

— Ага, горячо одобряет он. Косоглазие не заработай, когда на мою задницу таращишься.

— Ничего страшного. Заработаю, буду в Чайнатауне за своего. А там и аренда дешевле, и от игровых автоматов местных за уши не оттащишь.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Аракчеев-стрит

Пена рванулась вверх, к краям медной турки, но я начеку — хватаюсь за деревянную ручку и быстро разливаю кофе по кружкам. Теперь ложку сахара, молоко и немного коньяк...

— Кабальеро решил сварить сеньорите кофе?

Ичасо, одетая в мою футболку, появилась в дверях кухни, заспанно шурясь и с демонстративным интересом втягивая носом воздух.

— Ага. Даже планировал подать его в постель, но сеньорита прибежала на запах. Тебе без молока и три сахара?

— Наблюдательный...

— А то... Ай! Чё кусаешься?!

— Чтобы не расслаблялся!

— С тобой расслабишься... всего вон разодрала. — демонстрирую укусы и царапины, обильно покрывающие ...э-э... да всего меня целиком, в общем-то.

— Вот и не расслабляйся. И вообще, это я игриво. Кабальеро не знает слова «романтика»?

— Это уже не романтика, а БДСМ какой... Ай! Сейчас-то за что? Я же хороший! Кофе сварил!

— Чтoб не ворчал. А кроме коньяка у тебя ничего нет?

— Чего сеньорита желает?

— Сеньорита желает каплю виски в кофе...

— Это можно.

— ...завтрак...

— Уже в процессе. — киваю в сторону накрытой крышкой сковородки на плите.

— ...и бурного утреннего секса вот на этом столе! В любом удобном кабальеро порядке, но чтобы секс был прямо сейчас, а завтрак — потом.

В фоновом режиме проскальзывает мысль, что несчастная кухонная мебель на такое не рассчитана и может не выдержать, но руки уже сами по себе подтягивают девушку поближе, мягко обхватывают её за плечи, разворачивают и подталкивают к столу...

...

— Ой, а что это?

Ичасо, до сих пор взлохмаченная и раскрасневшаяся после первого пункта программы, отхлебнула ещё глоток кофе и с интересом уставилась на тарелку.

— Это... мм...

Блин, как «сырники» на испанском?

— Что за «мм» такой? Получил, что хотел, теперь отравить меня хочешь?!

— Ай!!! Да что ж это такое-то?! То кусается, то царапается! И это в ответ на мои любовь, искренность, и кофе с виски!

— Ты мне зубы не заговаривай! Чем травить собрался?

— Это блинчики из творога, с мёдом и изюмом. Ну, или со сметаной можно, если хочешь.

Баскская революционерка с явным скепсисом потыкала пальчиком в один из сырников. Что именно она данным органолептическим методом пытается установить? На отравленность так точно не проверишь.

— А нормального завтрака у тебя нет?

Ну, вот, начинаются капризы. Эхе-хе-х, как там моя Элен в своём Кутаиси... или куда она там уехала? Китами... Кимати, точно! У неё таких взрывков не было.

— А что для тебя «нормальный завтрак»? И чем этот не нормален? Ты ведь даже не попробовала. Это вкусно!

Ичасо недоверчиво хмыкнула.

— Нормальный завтрак — это тортилья, 18 например. Или фруктовый салат и круассаны с джемом. Ладно, попробую твои сырны блинчики.

Это типа одолжение, что ли? Эх, старый добрый рабовладельческий строй, когда же тебя восстановят...

Несмотря на первоначальную настороженность, басконка в темпе умяла три своих сырника и ещё успела отобрать один у меня. Что, впрочем, не помешало ей пожелать «В следующий раз лучше яичницу с беконом сделай, если готовить не умеешь».

— С какого это перепугу я вдруг «не умею готовить»? Вот привяжу тебя ночью к кровати, и буду пороть по твоей красивой попе, пока не признаешь, что мои завтраки самые вкусные на свете! Или сам кусаться начну!

— Тебе кусаться нельзя.

— Почему это? Ты же кусаешься!

— Мне можно. Ты толстокожий, на тебе всё быстро пройдёт. А у меня кожа нежная, буду потом месяц с твоими укусами ходить.

— Зато все будут видеть, что у сеньориты есть зубастый кабальеро. И ни фига я не толстокожий, а нежный и чуткий. В душе.

— Как бы этому зубастому зубы-то не выбили. А насчёт души — в следующий раз вскрою тебя, посмотрю, какая она там у тебя. И есть ли вообще.

— Не согласный я так!

— Кто бы тебя спрашивал. И вообще, хватит тут рассиживаться. Мне через час нужно выходить, а я ещё душ не принимала.

— Ну-у... принимай...

Ичасо снисходительно вздохнула.

— Витали, до чего ты глупый иногда. А сексом я в душе с кем буду заниматься? Сама с собой, что ли?

Вот, как-то так. Сам офигеваю. Этак скоро надо будет устриц на завтрак и ужин есть. Ну, или что у них тут за природный афродизиак?

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Лазарев-стрит

Мм... нет, всё-таки, этот район для игрового зала не подходит. Проходимость есть, но «не та». Ну, я уже на примере «Краснопресненской» и «Орехово» объяснял, помнится. Людей с деньгами тут хватает, но они не отдыхают, а работают. После восьми вечера даунтаун вымирает. Надо где-то в районе бульвара Александра Второго искать, народ отдыхает и развлекается там. Вот только нормальное помещение в тех краях найти — проблема, мягко говоря. Ладно, будем искать...

Что? Да нет, никаких окончательных решений пока не принимал. Может, здесь останусь, может, «на юга» подамся, да и другие варианты есть — хоть в Виго съездить, например, посмотреть, что там и как. Не решил ещё, плыву по течению. Ну, а в процессе раздумий, почему бы не поискать место под зал? Вдруг надумаю осесть в Нью-Рино.

— Виталий Сергеевич?

Кому это я пона... ага. Какие люди и на свободе. Полковник ...э-э... Баскаков? Нет... Хреновая у меня на имена память. Булатов, точно. В легком светлом костюме и соломенной шляпе с широкими полями. Здесь многие так ходят, особенно из старшего поколения. И необходимая солидность соблюдена, и не слишком жарко.

— Здравствуйте, Марат Феликсович.

Товарищ полковник широко улыбнулся, демонстрируя радость от встречи. А вот у меня, честно говоря, как-то особой радости и нет. Да и вообще никакой нет, если уж совсем откровенно. Я из-за шпионских игр этих уродов лишился бизнеса и места в обществе. Вполне меня устраивающем обществе, между прочим.

— Вы не сильно спешите? Как насчёт чашечки кофе?

Ну, не убегать же от него, оглашая криками окрестности. Раз уж целого полковника прислали, значит, сильно хотят побеседовать.

— Да особо не спешу. Пойдёмте на бульвар, я там хорошее место знаю.

— С удовольствием!

Эхе-хе-х... Сказал бы я тебе... Ладно, посмотрим, что им надо.

В молчании доходим до французской кофейни-пекарни на Александра Второго. Интересно, а как вообще они на меня вышли? Либо кто-то из местной агентуры сообщил (но для этого надо было ориентировку разослать, или как уж там это правильно называется), либо через банк. Кредиткой я здесь пользовался, а предполагать, что у одного из самых мощных местных государств нет своих людей в Банке Ордена было бы несколько наивно, пожалуй.

Располагаемся на улице, за маленьким круглым столиком под зонтиком весёленькой жёлтой расцветки. Я заказываю большую кружку капучино и пару булочек, Булатов ограничивается двойным эспрессо.

— Зря выпечку не взяли, она тут очень вкусная.

Чекист с лёгким огорчением разводит руками.

— Да я бы с радостью, но сладкое мне совсем бесполезно. Врачи уже лет пять как запрещают категорически.

— Бывает...

— Увы. Как вы тут устроились, пока что?

— Нормально, спасибо.

Хотел поговорить — говори, а я тебе помогать не собираюсь. И вообще, так и подмывает послать на три буквы. Почему удерживаюсь? Ну, а смысл? Это всё равно, что бить кулаком по каменному углу, о который головой ударился. Голове легче не станет, а вот кулак заболит. Здесь результат получится примерно тот же.

— Виталий Сергеевич, прежде всего, от лица командования хочу выразить вам благодарность за проведённую операцию. Поверьте, вы сделали важное и правильное дело.

Официантка принесла поднос с кофе и выпечкой, избавив меня от необходимости отвечать. Ум... божественно пахнет! Жадно вгрызаюсь в ещё тёплую «улитку» с корицей. Надо ещё заказать, что-то я проголодался. Или что-нибудь посуше взять?

— Девушка, принесите меню, пожалуйста.

Чекист, проводив взглядом официантку, возвращается к теме.

— За большой вклад в дело защиты Отечества, обеспечение государственной безопасности, закрытым постановлением Центрального исполнительного комитета вы награждаетесь медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» с мечами второй степени.

Ну надо же. Будет вторая медаль, вдобавок к «За оборону Славянска». До чего же я героический, аж самому страшно. Главное, в родезийской полиции её не засветить, а то не поймут, хе-хе. Хотя, пошли они, жлобы... «За оборону Дурбана» так и не дали.

Булатов, тем временем, уже протягивает мне извлечённую из внутреннего кармана пиджака коробочку с прозрачным верхом. Что хоть за медаль-то... ага, серебряная, похоже, с красным крестом и гербом Новороссии, сверху мечи и красная лента... ну-ну.

— Спасибо.

Убираю в сумку. А? Да, так вот с сумкой для айпада и хожу до сих пор. Удобнейшая штука — хоть пистолет в неё прячь, хоть книгу, хоть медаль.

— Девушка! Мне два куска пирога с ветчиной, грибами и сыром, пожалуйста.

На лице товарища чекиста проскальзывает некая смесь разочарования с неодобрением. Ну, а ты что ожидал, дядя? Что я встану и «Служу Отечеству!» закричу?

— Мы видели сигнал опасности для вашего связного. Вы не могли бы уточнить, что произошло?

Это такой вежливый вопрос не сдрейфил ли я и не поставил ли сигнал в качестве «отстаньте от меня все», видимо.

— Мне его фото показывали в Си-Ай-Ди 19 Кейптауна и спрашивали, какие у меня дела с новороссийским шпионом Юрием Самариним.

— И что вы ответили?

— Что заходил ко мне в зал пару раз моряк с новороссийского корабля, с которым мы выпили пива и немного поболтали, а больше мне о нём ничего неизвестно.

Булатов одобрительно кивнул.

— Правильно.

Спасибо, млять, за одобрение. Как бы я без него жил, даже и не знаю.

— ...не могли бы подробно рассказать, что именно произошло после операции?

— Зачем? Что было, то прошло.

— Поверьте, самые малозначительные, на первый взгляд, подробности могут оказаться весьма важными. Я, всё-таки, больше тридцати лет в этом деле.

Послать его всё-таки, может? Ладно, это всегда успеется. Рассказываю. Чекист внимательно слушает, иногда задавая уточняющие вопросы. Наконец, заканчиваю. Булатов молча сидит пару минут с задумчивым выражением лица. Я, пользуясь моментом, приканчиваю остатки пирога. Очень вкусно, кстати. Зря я тут сладкой выпечкой ограничивался.

— А за сколько зал продали, если не секрет?

Не спеша прожёвываю, допиваю кофе и только после этого отвечаю.

— Секрет.

Собеседник чуть разочаровано морщится.

— Виталий Сергеевич, я понимаю, что вы огорчены тем, как всё прошло...

Молча смотрю на него.

— ...но это неизбежные в нашем деле случайности. Да и финансово вы никак не пострадали, даже наоборот, скорее — продали бизнес на пике, за максимальную цену...

Моё раздражение прорвалось наружу.

— Зачем задавать вопросы, на которые у вас есть ответы? Может, мне вас ещё поблагодарить за эту подставу?

Булатов вновь напустил на себя тот самый вид «доброго дедушки, взирающего на непутёвого внука», что бесил меня ещё в нашу первую встречу.

— О какой «подставе» идёт речь?

— А вы не знаете?

— Нет.

— Тогда не вижу смысла в дальнейшем разговоре.

«Добрый дедушка» укоризненно нахмурился.

— Нет уж, сказали «а» — говорите и «б». Вы обвинили нас в некой «подставе». Объяснитесь, пожалуйста.

Пару секунд раздумываю, не стоит ли просто подняться и уйти, но, в итоге, решаю ответить. Наелся, лень вставать.

— Когда я соглашался вам помочь, то ставил условие — моя деятельность не должна быть направлена против интересов страны проживания. Вы с ним согласились. Когда Юра сказал, что нужно сделать, я уточнил — сотрудничает ли Умар с Родезией. Мне было сказано, что нет, а в итоге оказалось, что да. Значит, либо вы меня обманули, либо вы некомпетентны.

— Не совсем так. Я читал рапорт Самарина. Он ответил, что у него нет такой информации. И у него её действительно не было, откуда? Человек работает на строго определённом участке.

— Но у вас была.

— У меня лично — нет, разумеется. Я вообще в Порто-Франко работаю, совсем по другим задачам, и ничего о вашей операции не слышал до недавнего времени.

— У вашей конторы.

— Конечно, Разведуправление было в курсе контактов Набтаба. Он давно находился в нашем поле зрения. Но такого рода информацию до исполнителей доводят только в том случае, если это нужно для успеха операции. В данном случае необходимости не было.

— Вы нарушили наш договор.

Булатов поморщился.

— Виталий Сергеевич, разведка — это не бизнес, и уж тем более, не детский сад. Единственное, что имеет значение — выполнение задачи. Ни чьи чувства и «обидки» в расчёт не принимаются. Задача выполнена, уничтожен опасный враг нашей страны и нашего народа. Вашего народа. И теперь делать губы бантиком как-то по-детски, вам так не кажется?

— Нет.

Полковник с разочарованием развёл руками.

— Ну, потом поймёте, что я прав. Предлагаю перейти от дел минувших к текущим.

Ну, понятно, не просто же так он приехал из Порто-Франко. Ладно, послушаем, глядишь, чего интересного услышим. Впрочем, кое-какие догадки насчёт того, о чём пойдёт речь, у меня есть.

— Какие у вас планы на будущее?

— Неопределённые.

— Ну, варианты-то есть какие-то?

— Конечно. В процессе рассмотрения.

Спрашивать «не поделитесь-ли?» Булатов не стал, видимо, предчувствуя (и совершенно правильно), что ответом будет «нет».

— Интересуетесь этой затеей с колонией на Дальнем Юге, как я слышал?

Ага. Слышал он. Блин, сначала троцкисты, теперь эти... что им там всем, мёдом намазано, что ли?

— Интересуюсь.

— Собираетесь стать пайщиком.

— Один из вариантов.

Чекист удовлетворённо кивнул.

— Нам бы хотелось, что бы вы это сделали.

— Вам-то зачем? За тридевять земель же...

Вообще, конечно, очень даже понятно, «зачем». Новороссы как бы не больше всех крупных игроков в местной песочнице заинтересованы в том, чтобы проект либо провалился, либо перешёл под их контроль. Иначе, если там возникнет сколь-нибудь рабочая альтернатива их социализму, это сразу переключит часть переселенческого потока из-за ленточки на Дальний Юг. Да и из самой Новороссии недовольные потянутся...

Булатов не стал вилять и рассказывать сказки в духе «да так, из общего интереса».

— Потому что политическое разделение русского народа было бы величайшей трагедией, которой надо избежать любыми средствами.

Ишь, какой. «Любыми средствами». Потроллишь его немного, что ли?

— Хм... почему? Кому нравится социализм — едут к вам, кому капитализм — на юг. Оппозиции нет, все довольны. Страны далеко, пересечения интересов тоже нет. Идеальный выход, по моему.

Новоросс печально вздохнул.

— Всё несколько сложнее, чем вам представляется. Проект реализуется при поддержке Ордена. Негласной, да, но поддержке. Без этого Больших даже суда не смог бы найти. Вы в курсе, что единственная страховая компания, которая согласилась — это американская «Эф-Эл-Ай-Си»? Основным её акционером является Орден. Через подставных лиц, конечно. А без страховки ни один капитан в море не выйдет, особенно к чёрту на рога. И это только страховка. А ещё сам факт опубликования результатов экспедиции в столь короткий срок. Выдача разрешения на закупку и провоз тяжёлого вооружения. Само по себе оружие не столь важно, но это ведь знак, что Орден воспринимает всю затею всерьёз. Ни одна из прошлых «панам» до этой стадии не дошла, орденцы «изучали вопрос» до тех пор, пока организаторы аферы не скрывались с деньгами. Да, всё это косвенные улики, но вместе они складываются в картинку...

Пожимаю плечами.

— Так какая разница-то? Ну помогли, допустим, орденские Глебу из каких-то там своих соображений. Как это отменяет аргументы «за», которые я уже приводил?

Собеседник цокнул языком.

— Вот то-то и оно, «из соображений». Не из любви же к русскому народу, с учётом того, кто там в Ордене заправляет. Согласны?

— Допустим. И?

— И то, что отношения у нас с Орденом довольно напряжённые, мягко скажем. Только у англичан такие же, больше ни у кого. Причём, если англичане поругались сравнительно недавно, года четыре назад, то с нами контры были всегда. И будут дальше. Англичане-то помирятся, вот увидите. Для Ордена они *свои*, просто сбившиеся с пути. А мы — *чужие*. И если Орден помогает в основании русской колонии на Дальнем Юге — значит, у них уже есть план, как нас между собой стравить. В чём в чём, а в этом они мастера. Нельзя этого допускать!

Он чуть подался вперёд, взволновано схватившись за край столешницы. Ну, или делая вид, что взволновано.

— ...нельзя допустить, чтобы русские враждовали с русскими! А для этого, нам нужны свои люди в колонии! И не просто источники информации, но и те, кто принимает решения! Хотя бы, как канал связи!

Ага. Свежо питание, но... с трудом, ага. Нет, я вполне верю, что у Ордена есть какие-то идеи насчёт колонии. Даже странно было бы обратное, прямо скажем. А «с трудом» — это я о чистоте помыслов товарищей чекистов. Знаю я эту породу — им везде нужны «свои кадры, с подписочкой». По иному они просто не могут, физически неспособны. Никакой свободы воли, только контроль и отчётность, хе-хе.

— Ну так в чём проблема? Дали своему агенту четверть ляма, он пришёл к Глебу — тот его с распростёртыми объятиями примет.

Булатов помотал головой.

— Нет, это не вариант. Дело даже не столько в деньгах, хотя и это важно, сколько в правдоподобии легенды. Больших не дурак, будет проверять прошлое желающих. У человека должна быть история, и из этой истории должно быть чётко понятно — откуда деньги и почему их хозяину на месте не сидится. Вы, в этом плане, идеальный кандидат.

Хм... ну, пожалуй. Уж до истории с Набтабом Глеб точно вряд ли доберётся. Если только ему кто-то из того же Ордена не подскажет. Хотя — маловероятно. И далеко не факт, что они вообще в курсе, и сама по себе история весьма мутная.

— Если вас эта затея так напрягает, почему же вы тогда Глеба не это... «того»?

«Любящий дедушка» усмехнулся на изречённую внуком глупость.

— У вас несколько превратное представление о нас. Глеб Больших — обычный, нормальный человек. Да, он заблуждается во многих вещах, на мой взгляд, но он не сознательный враг. Таких мы не «того», как вы выражаетесь.

Ну-ну. Нет, может, оно и так, конечно. А может, вы просто не хотите, чтобы колонию

на Дальнем Юге основали какие-нибудь тайцы, потому как тогда-то вы управление ей точно не перехватите, а у вас амбиции играют. Впрочем, ладно, меня вот другая фраза заинтересовала.

— А что значит «не столько в деньгах»? Я надеюсь, вы мне не предлагаете самому пай оплачивать, из личных денег?

— Виталий Сергеевич, денег у вас после продажи бизнеса более, чем достаточно.

А не пойти ли тебе...

— Не надо считать деньги в моём кармане. Я с этим как-нибудь сам справлюсь. Если я плачу, то и никакого сотрудничества с вами не будет. Ещё чего не хватало, за свой счёт ваши шпионские игры оплачивать.

Громко фыркая со слегка наигранными иронией и возмущением. Не, ну а что? Если и правда они мне из своих фондов пай оплатят, совсем неплохо получится! Тогда можно и правда попробовать в Рокфеллеры выбиться, хе-хе...

Впрочем, товарищ полковник грубо обломал мои мечты, заявив, что об этом не может быть и речи. Правда, тут же закинул крючок — мол, если я таки соглашусь принести присягу и опогонится, тогда совсем другое дело — можно будет подать командованию предложение в выгодном свете, и, возможно...

— Марат Феликсович, вы меня совсем за дурака держите? Я стану вашим сотрудником, а потом вы разведёте руками и скажете: «Извините, младший лейтенант Чернов, командование ваше предложение не утвердило. Кру-гом! На Дальний Юг шаго-о-ом марш!». А там уже рыбка задом не плывёт, и никуда мне от вас не деться. Нет уж, спасибо. Хотите, чтоб я поехал на Юг и там с вами сотрудничал — не вопрос. Оплачиваете стоимость пая, и я готов. Не думаю, что двести пятьдесят тысяч — такая уж неподъёмная сумма для вашего бюджета.

Собеседник попробовал сделать ещё пару заходов, но безуспешно — я упёрся. Ну, а что? Какого хрена я должен на них бесплатно работать? Особенно после того, что они уже устроили в Кейптауне. А это была явная подстава, как бы меня тут сейчас пожилой чекист не «лечил».

Наконец, Булатов сдался. По крайней мере, на время.

— Ладно, Виталий Сергеевич, вы ещё подумайте над всем, что я вам говорил. Я пока что буду в Нью-Рино, вот мой телефон. — он протянул мне через стол маленькую бумажку. — Как решитесь — звоните. Ваш телефон тоже дайте, пожалуйста.

Ага, очень смешно.

— Я думаю, раз уж вы меня на улице отловили, то и мой номер для вас секретом не является. В крайнем случае — найдёте, я в вас верю. Удачи.

— До свидания. — без малейшего раздражения кивнул полковник.

Оставив деньги на столе, встаю и выхожу на тротуар. Блин, мне только чекистов не хватало для полного счастья. В Кейптауне всё обломали, сволочи, теперь тут пытаются. Нет уж, хрен им. «Сами-сами», ага. Включая финансовые вопросы. А вот с Глебом, наверное, имеет смысл поговорить ещё раз...

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Лас-Вегас-Стрип,

ночной клуб «Мулен Руж»

Что-то я перебрал с алкоголем. Ещё и мешал всякое с разным... завтра буду «болеть», эхе-хе-х. Ладно, завтра будет завтра, а пока что кабальеро отдыхает, и сеньорита тоже. Вообще-то, строго говоря, она мадмуазель, а не сеньорита, ну да не важно. В конце концов, из меня самого кабальеро, как... мдя. Не очень, в общем.

—!

Ичасо что-то сказала, но я не расслышал. Всё-таки, с громкостью музыки тут немного переборщили.

— Что?

Девушка подалась вперед и прокричала мне в ухо:

— Я говорю, очень чувственное представление! Я бы с ними не отказалась немного пошалить, ха-ха!

— Я бы тож... Ай! Провокаторша!

Ичасо невинно улыбнулась и запустила когти поглубже в мою руку. Правда, через пару секунд жарко поцеловала в губы. Не убирая когтей. Ведьма, говорю же.

На сцене трио из блондинки, негритянки и азиатки, облачённых только в перья (и то не слишком много), показывают что-то среднее между эротическим танцем и собственно сексом. Интересно, где они такую высокую азиатку взяли?

— Я в комнату для девочек!

— Так «девочки» -то ещё на сце... Ай!

Ну вот что ты с ней будешь делать.

А? Да нет, ничего пока не решил. Живу, отдыхаю, трачу деньги помаленьку. Вообще, конечно, пора бы с этим заканчивать, и как-то определяться, но пока не получается. Ладно, успеется.

Номер закончился, света в зале немножко добавилось, музыка стала потише, и почтенная публика потянулась на свободное место у сцены — танцевать. Вообще, неплохое заведение. Оформлено под то самое кабаре из одноимённого фильма. Ну, смотрели, наверное.

Нахожу глазами возвращающуюся из «дамской комнаты» Ичасо как раз вовремя, чтобы увидеть, как к ней подкатывает какой-то хмырь. Судя по жестам, приглашает танцевать. Моя басконка (ну, условно моя, конечно, но всё-таки) отрицательно машет головой, хмырь проявляет настойчивость, девушка пренебрежительно отмахивается и идёт к нашему столику. А хмырь, что интересно, за ней. Ну-ну.

Ичасо садится, хмырь на секунду замирает, явно оценивая помеху в моём лице. Ну а я, соответственно, оцениваю его.

Неопределённый возраст, от тридцати до пятидесяти. Худая, угловатая физиономия, длинный острый нос, светлые волосы, длинные и прямые. Чёрные брюки, светлая рубашка с длинным рукавом, кобуры под ней не видно... ага, а левая кисть-то у него забита. Не могу отсюда понять, зонновскими партаками или просто татуировками, но вообще типаж типичного урки с просторов «одной шестой». Есть какая-то... дёрганность, что ли.

Хмырь подошёл вплотную к столику и на смеси жестов и ломанного английского («вонт дансинг виз ю», 20 ага) пытается пригласить Ичасо на танец. Блин, ну это уже явная наглость.

— Уважаемый, девушка не хочет.

Хмырь радостно всплёскивает руками. Ага, точно, партаки на руке.

— Братан, да не вопрос, чё. Откуда сам? Я из Читы.

Млять. Зря я на русском ответил.

— Из Москвы.

На лице хмыря проскользнула непонятная гримаса.

— Масква... Чё, мы тут с пацанами, тоже с дамами отдыхаем, вон там. — он кивнул куда-то в сторону. Ага, вижу — столик через пять-шесть от нас, у стены, в отдельной кабинке на диванах развалилось с полдюжины таких же, в рубашечках, и четыре «дамы» откровенно шалавистого вида.

— ...к нам, поговорим. Земляку всегда рады.

Ага. Твои «земляки» в овраге лошадь доедают.

— Давай в другой раз. Сегодня с девушкой вечер провожу.

— Так и даму с собой бери, чё. Выпьем, обсудим, чё-кавэ...

Вот же прикопался.

— Не, дружище, в другой раз.

— Ну, смотри...

Хмырь кивнул на прощание и отчалил. Наконец-то.

Ичасо, до этого невозмутимо наблюдавшая за непонятной ей беседой, поинтересовалась:

— Что это за злой клоун?

С максимально беззаботной физиономией отмахиваюсь.

— Да вот именно, что «злой клоун». Местный русский криминал. Звали присоединиться к их пьянке.

Басконка покачала головой.

— Не стоит. На редкость мерзкий тип, у него это на лбу написано.

Да уж сам заметил, хе-хе.

— Ну, вот я и отказался.

— У тебя нет проблем с Рашенз?

— Нет, я с ними вообще не общался. Ладно, чёрт с ними, ни к чему на обсуждение этих уродов время тратить.

Девушка с готовностью кивнула.

— Правильно, время тратить мы не будем. Пойдём лучше танцевать!

Смущённо развожу руками.

— Танцор из меня неважный. Это если очень мягко говорить.

— Ну, вот и потренируешься. Всё равно придётся — я танцевать люблю! Или я буду танцевать с кем-то другим...

Вот это она зря. Не знаю уж, у кого как, а у меня такого рода попытки пробудить ревность и «соревновательность» вызывают только раздражение и желание послать куда подальше. Впрочем, ладно, потанцую. Один хрен, пьяный, ха-ха.

Под медленную музыку всё шло достаточно неплохо (ну, на мой взгляд, не знаю уж, что там Ичасо по этому поводу думала), а вот когда мелодия сменилась на что-то быстро-ритмично-зажигательное, мои неловкие движения вызвали у партнёрши сначала смех, а потом и раздражение. Причём, кажется, не шутовское, а самое натуральное. По крайней мере, насмешки стали весьма злыми и едкими, что, в свою очередь, вызвало злость уже у меня. Которую (не в последнюю очередь, благодаря алкоголю) я не слишком усердно скрывал. Возвращаемся за столик недовольные друг другом.

— Знала бы, что ты такой неуклюжий, пошла бы с тем мобстером танцевать.

Короткий хохоток в конце фразы вроде как подразумевает шутку, но у меня настроение уже испорчено, да и количество выпитого не располагает к сдержанности.

— Ну так в чём проблема? Вон он сидит! — киваю в сторону блатной компании. Ичасо зло поджимает губы и встаёт. Блин, неужели и правда к ним пойдёт? Сама же говорила, мерзкий тип...

Нет, опять скрылась в направлении «дамской комнаты». Что-то я разнервничался, надо бы успокоиться. Блин, всё с этого хмыря началось, разозлил меня...

А хмыря-то, кстати, уже и нет. По крайней мере, я его не вижу. Зато от их компании отделилось другое тело и направляется прямиком ко мне. Блин, этот ещё отвратнее. Первый хоть впечатление какого-никакого авторитета производил, а тут явная сывка. Мелкий, тощий, вертлявый. Ну и чего ты ко мне прёшься, уродец?

— Ауе, земля!

— Привет.

— Давай к нам, поговорим, чё-кавэ...

Млять, неужели с первого раза непонятно?

— Нет.

— Да ты чего, братан? От сердца же предлагаем.

— Не, дружище, настроения нет сегодня.

— Чё, пацанами брезгуешь, что ли?

Ясен пень, брезгую. Какой нормальный человек вами, уродами, не брезгует?

— Я же сказал, настроения нет. Со слухом плохо?

Вертлявый подался вперёд, почти нависая надо мной. Глаза у него какие-то... странные. То ли обширился, то ли с головой реальные проблемы.

— Чё ты сказал?! Тебя пацаны как человека за стол приглашают, поговорить, а ты брезгуешь?! Ты кто такой вообще?!

Млять, да как же ты меня достал, ушлёпок! Капли слюны, вылетевшие изо рта вертлявого вместе с криком и попавшие мне на руку, окончательно срывают планку.

— Иди на хер!

Подскакиваю, стул с грохотом отлетает в сторону. Урка, отскочивший было назад, резко подаётся обратно.

— Чё ты сказал, падла?! Да я тебя!..

Рука вертлявого дёргается ко мне, и я практически на автомате бью его в скулу. Удар выходит так себе, толчок скорее, но противник падает на пол, опрокидывая при этом стул Ичасо. А вот и она, кстати, вернулась уже, стоит чуть поодаль и с ироничным удивлением наблюдает за разыгравшимся представлением.

Вертлявый, что-то истерически вереща, вскакивает на ноги, его дружки вскакивают с диванов и в хорошем темпе подбегают поближе, но тут появляется охрана заведения. Два... нет, уже три здоровенных мужика с короткими резиновыми дубинками в руках, кобуры на поясе, но оружие пока не достают... ага, четвёртый стоит немного подальше, уже с пистолетом.

— Спокойствие, джентльмены! Все разошлись обратно по своим местам!

К некоторому моему удивлению, урки лезть в бычку не пытаются и спокойно возвращаются на место. Ну, почти спокойно — «пострадавший» пару раз выкрикивает что-то в духе «да я тебя на куски порежу!».

Старший из охранников, спокойный блондин с кулаками размером в два моих, поворачивается в нашу сторону.

— Сэр, я настойчиво рекомендую вам с девушкой покинуть заведение прямо сейчас. Такси мы обеспечим и проследим, чтобы никто из этой компании вслед за вами не выскочил.

Ну, разумно. Киваю.

— Да, спасибо.

Ичасо с наигранно-восторженным выражением лица три раза хлопает в ладоши.

— Да уж. Кабальеро умеет сделать вечер интересным, ничего не скажешь.

Хочется ответить, в каком месте я видал её остроумие, но усилием воли сдерживаюсь. Пожалуй, демонстраций характера на сегодня хватит. Как бы с последствиями того, что уже надемонстрировал, разбираться не пришлось.

IV

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Аракчеев-стрит

Ох ты ж млять!

Резкое движение спросонья вызвало вспышку боли внутри черепа. Подождав несколько секунд, пока не полегчает, уже куда осторожнее тянусь к надрывающемуся телефону. Какая сволочь звонит? Номер не определён...

— Да?

— Доброе утро. Выспался?

Блин, не пойму что-то, чей голос.

— Кто это?

— Не признал, что ли?

— Ээ... нет.

— Клим это. Вчера виделись, в кабаке.

Ничего не понимаю. Это который Ичасо хотел пригласить потанцевать, что ли? А откуда у него мой телефон? Чёрт, башка раскалывается.

— Ага, вспомнил.

— Ты близкого моего вчера при людях послал и по лицу ударил. Тоже помнишь? А он правильный пацан. Надо встретиться, обсудить, как решать будешь.

— Да нечего тут решать. Он сам полез, вот и выхватил.

Сказал, и понял — зря. Тут на базаре не съедешь.

— Шустрый тебя вежливо за стол пригласил, с людьми поговорить. Ты его оскорбил, ударил.

Другие пацаны тоже видели, всё так и было. В общем, что по телефону болтать? Приезжай, обсудим.

— Нечего мне с тобой обсуждать.

Голос в трубке сердитее не стал, наоборот, такое впечатление, собеседника вся эта ситуация чем дальше, тем больше забавляет.

— Ну, не хочешь к нам приехать — мы к тебе сами заедем. Ты же на Аракчеева, так? Не прямо сейчас, не переживай. Часа через два. Умоешься пока, позавтракаешь...

Суки, и адрес уже пробили! Да какое там «уже», понятно всё...

— Не, я «болею» сегодня после вчерашнего. Давай завтра, в...

Лихорадочно думаю, где бы назначить встречу. Эту уроды явно действуют в русских районах. Хорошо бы их выдернуть куда-то за пределы «зоны комфорта», но далеко не поедут, скажут «нафига в такую даль переться», и не возразишь особо ничего. Значит, нужно во Фримонте, но в таком месте, откуда меня силой не увезёшь.

— ...«Царской охоте», часов в пять.

Дорогой ресторан на бульваре Александра Второго, солидные люди собираются. Но именно солидные, а не *авторитетные* — офис шерифа наискосок через улицу. Не то, чтоб это грозило им какими-то неприятностями, не те порядки в округе, но, тем не менее, блатные предпочитают другие места.

Клим хмыкнул с явной иронией.

— «Охота» так «Охота, не вопрос. Но в пять поздно, у меня дела ещё вечером. К трём там будь.

— Хорошо.

— Ну, «лечись» тогда. До завтра.

Ещё один ехидный смешок, и собеседник отключился.

Млять! Млять! Млять!

Со стоном принимаю сидячее положение. Блин, до чего же мне хреново-то... Пару секунд помучавшись между дикой жаждой и не менее интенсивным желанием посетить туалет, делаю выбор в пользу второго.

Едва успев сделать дела, чувствую накатывающий приступ тошноты и поспешно склоняюсь над унитазом.

Бу-э-э!

Фуф... Вроде, полегчало немного. Прохожу на кухню, достаю из холодильника литровую бутылку минералки и жадно присасываюсь. Чуть получше стало. Блин, кефира нет. Я им обычно с похмелья спасаюсь. Завтракать точно не буду, одна мысль о еде вызывает тошноту. Да и не до того, думать надо, а не жрать.

То, что это всё не нелепая случайность, а целенаправленная подстава — однозначно, к гадалке

не ходи. Кто-то этих ублюдков на меня навёл. А вот кто...

В «Мулен Руж» я раньше не бывал. Место для приятного вечера выбирала Ичасо. И, кстати, ко мне она вчера ехать отказалась. Не то, чтоб я сильно настаивал, впрочем. Её рук дело? Возможно, но не факт. Мы ещё вчера утром определились, что пойдём, я звонил со своего телефона, столик бронировал. Потом в такси звонил. Думаю, больших проблем получить доступ к чужому телефону тут представляет. Не для всех, конечно, но если кто-то целенаправленно такими вещами занимается, технология у них должна быть отработана.

Пришли вчера эти твари до нас или после — не заметил. Хотя, какая разница... Блин, что-то мне опять хреново, и даже очень.

Накатывает очередной приступ тошноты, приходится снова бежать в туалет.

Бу-э-э!

Тьфу, гадость... Прополоскав рот, возвращаюсь обратно на кровать.

Какие ещё варианты, кроме Ичасо? Ну, самый очевидный — Булатов. Разводка стара, как мир — наехали бандиты, закошмарили, приходится обращаться к ментам (в данном случае, к чекистам, но не суть), те бандитов отогнали, и вот ты уже должен им по гроб жизни. Да и, будем слегка циничными, товарищ полковник вполне может просто-напросто хотеть слегка пополнить свой пенсионный фонд. «Социализм или смерть!» — оно хорошо, конечно, но только как кумачовый транспарант на стене. А в жизни возможны варианты, мдя...

Кто ещё мог навести? Глеб? Хм... маловероятно, конечно, но возможно. Занимаясь строительным бизнесом в местечке типа Нью-Рино, общения с криминалом не избежать никак. Так что, нужные знакомства у него точно есть. Зачем ему? Ну, во-первых — деньги. Они лишними не бывают, как известно. Во-вторых, он может таким образом попытаться натолкнуть меня на решение, что оседать в Нью-Рино не стоит, а лучше присоединиться к нему. Натянуто, конечно, но возможно. Люди и не такие вещи отмачивают, как показывает практика. Меня вот как-то товарищ, с которым мы вместе огонь и воду прошли, чуть на отправил в места не столь отдалённые из-за каких-то вшивых десяти штук баксов. Он их так и так лишился, в итоге, но и я потом больше ментам отдал, пока отмазывался, мдя. Ладно, не время для ностальгии.

Кстати, не будем забывать — кроме Глеба, там ещё и этот был, как его... «географ». Игорь, точно. Тоже чувак непростой.

Кто ещё мог? Юра. Я, долбодятел, расхвастался, что продал зал в Кейптауне. Кто за язык тянул? Эхе-хе-х... Он тут давно, занимается игоркой, знакомства среди блатных есть, к гадалке не ходи.

Собственно, мог никто из знакомых и не наводить. Если банда специализируется именно на таких делах, вполне могли завербовать кого-то в Банке Ордена. Человек приехал, воспользовался кредиткой, «крот» его пробивает по базе. Оп-па, полляма на счету. Клиент нарисовался, инфа уходит Климу, а дальше уже дело техники. Кстати, меня же ещё в Кейптауне предупреждали Ян с Харрисом, что тут есть любители раскулачить богатых новичков. А я, чудак на букву «м», расслабился. За что и получил.

Ладно, это всё лирика. Главный вопрос, как обычно, не «кто виноват?», а «что делать?». На базаре не съедешь, это сто процентов. Не те люди. Если считать их людьми, мдя. Гуся выведут в момент, это у них отработано до автоматизма. После чего зададут сакраментальный

вопрос: «Чем отдавать будешь, здоровьем или деньгами?». А я ничем не хочу отдавать, мне и то нужно, и другое.

Какие варианты? Ну, первый, ясен пень, это сваливать прямо сейчас. Вообще, в смысле, из Нью-Рино. Но что-то я не очень верю, что они такую возможность не предусмотрели. Скрутят, отвезут куда-то... понятно, в общем.

Обратиться к местным авторитетам? Хм... Не, не прокатит. Семья Шемрок за меня заступаться не будет, я для них никто. Харрис обещал, что не кинут, если что, а тут речь совсем о другом. К Рашенз смысла ещё меньше — по понятиям я виноват, беспредела со стороны этих уродов формально нет. Пусть даже все всё понимают, опять-таки — я здесь никто. Да и вообще, кто сказал, что тот же Клим сам не из Рашенз? Никто не сказал.

Остаётся единственный вариант — новороссы. Думаю, у них возможность отбрить Клима с его кодлой есть. Со спецслужбами блатные связываться не будут, не их весовая категория. Правда, есть очень большая вероятность, что именно Булатов всю эту хрень и организовал, ну да тут уж ничего не поделаешь. Ситуация реально безвыходная. Суки!

Попив ещё минералки, беру с комода бумажку с номером телефона полковника. Так, а если он за этим не стоит, но телефон мой Клим сотоварищи прослушивают? Вполне могут. К счастью, я запасливый, у меня ещё есть и телефон, и симка. Даже несколько, но сейчас одна нужна. Хм... а в квартиру жучок не могли поставить? Могли, чего ж не могли. Значит, отсюда звонить не стоит.

Подхожу к балкону и выглядываю во двор. Пусто. Ну, понятно — позднее утро рабочего дня, взрослые на работе, дети — в школе или детском саду. Вот со двора-то я и позвоню.

Лень и головная боль (не, в обратном порядке) призывают выйти как есть, в шортах и шлёпанцах, но заставляю себя нормально одеться, обуться и взять оба пистолета. Мало ли, кто там может меня во дворе ждать...

Впрочем, никто не ждёт, как выяснилось. Ну и славно. С облегчением плюхнувшись пятой точкой на скамейку под цветущим деревом, набираю номер чекиста.

— Алло?

— Здравствуйте, Марат Феликсович. Это Чернов.

— Доброе утро, Виталий Сергеевич!

Никакого злорадства или ехидства в голосе полковника нет, исключительно вежливая доброжелательность. Ну-ну.

— Поговорить бы надо.

— Э-э... я прямо сейчас немного занят. В обед нормально будет? В час, скажем?

— Да. Куда подъезжать?

— А давайте туда же, где в прошлый раз общались. Отличный кофе у них там. И пироги вы хвалили, помнится?

— Хвалил. Договорились, тогда, в час.

— Прекрасно. До встречи.

Так, ещё три часа, с копейками. Поспать вряд ли получится, слишком много нервов, но хоть душ приму, и схожу в магазин за кефиром. Глядишь, полегчает.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, бульвар Александра Второго,

кафе-пекарня «Ле буфет»

— ...вот, ну и позвонил вам.

Булатов задумчиво кивнул.

— Понятно. Правильно сделали. Здесь таких хватает — охотятся на новичков с деньгами. Но опасны они для одиночек, столкнутся с реальной силой — уползут обратно в подворотню. Я, конечно, здесь проездом, и всей местной спецификой не владею, но, полагаю, большой проблемы загнать этих урок туда, откуда они выползли, не составит.

Не могу придумать ничего умного в ответ, так что просто тяжело вздыхаю. Всё-таки, до сих пор хреново мне, хоть немного и отпустило. Чекист улыбнулся.

— Не переживайте, Виталий Сергеевич, мы *своих людей* в обиду не даём. Решим вашу проблему.

«Своих людей» он заметно выделил голосом, но я не возражаю. Пока что, во всяком случае. Не до возражений сейчас, для них и попозже можно будет время найти.

— Я, с вашего, позволения, отлучусь на минутку. — с этими словами Булатов встал и пошёл в сторону туалета. Ишь, как вышагивает. Спина прямая, плечи развёрнуты, выправка... прям дореволюционный офицер, ага.

Невидящим взором гляжу на акварель с Эйфелевой башней, пытаюсь прикинуть дальнейшее развитие ситуации. Не то чтоб я много понимал в работе спецслужб, зато я неплохо знаком с «работой» кидал, отжимщиков и всякого рода «оборотней в погонах», а психология есть психология, она везде работает плюс-минус одинаково. Когда человека хотят на что-то развести, на него, чаще всего, не просто тупо давят, пока он не сломается. Это непродуктивно, ибо на такое давление можно и ответку получить, даже от сущего божьего одуванчика. Нет, сначала «клиента» начинают «качать». Напоминает контрастный душ — резкие и сильные отрицательные эмоции, вот как у меня, например, с этим утренним звонком, затем почти-что приходит избавление, клиент уже облегчённо выдыхает... и тут оказывается, что всё не так просто, опасность никуда не ушла, ты начинаешь дёргаться, хватаешься за все подворачивающиеся шансы... ну, дальше уже от специфики зависит. Смысл в том, чтобы этими «качелями» вывести человека из равновесия, а там уже его прогнать — как два пальца об асфальт. По крайней мере, в мире (около) криминального бизнеса это так и, полагаю, мир рыцарей плаща и кинжала в этом плане отличается не сильно. Что из этого следует?

А следует из этого то, что, раз уж Булатов меня успокоил в духе «фигня вопрос, порешаем»,

сейчас должно оказаться, что вопрос-то совсем не «фигня», и порешать его очень-очень трудно, если вообще возможно. Причём, что забавно, оно так по любому должно оказаться, независимо от того, подстроена вся ситуация новороссами или нет. Даже если нет, они однозначно попробуют её обернуть себе на пользу, иначе просто глупо было бы. Ладно, поглядим...

Тяжко вздохнув над своей нелёгкой судьбой, оглядываюсь по сторонам. Сегодня мы внутри расположились, а не на веранде. Во избежание, так сказать. Слежки я за собой на пути сюда не заметил, ну да это ни о чём не говорит. Я, в конце концов, большую часть жизни был обычным авантюристом и предпринимателем в одном флаконе, меня слежку обнаруживать никто не учил.

А ничего здесь, симпатичненько. Ничего специфически французского нет, правда, кроме маленьких картин с парижскими видами. Хотя, а как вообще оно должно выглядеть, это самое «специфически французское»? Хрен его знает. Я вообще Францию как-то не очень, да и самих французов тоже.

Булатов вернулся из туалета минут через пять. Наверное, с кем-то по телефону общался, пока я не слышу. Ну, или с простатитом боролся, тоже вариант. Возраст дело такое...

— Вы же никуда не спешите, Виталий Сергеевич?

Ну, вообще, конечно, я бы лучше дома повалялся, на диванчике, но неотложных дел и правда нет, что я и отвечаю.

— Замечательно. Через полчаса мой коллега подъедет, он здесь на постоянной основе и владеет ситуацией куда лучше меня. Тогда уже и обсудим конкретику, как вам помочь.

— Спасибо.

— Ну что вы, не за что. Русские же должны помогать друг другу.

Молча киваю. Намёк ясен, да и деваться мне особо некуда, но, по крайней мере, постараюсь вслух на себя брать как можно меньше обязательств. Собеседник, впрочем, и не настаивает, перейдя, вместо этого, к светским беседам. Ну, в его понимании.

— У девушки, которой вы тогда просили помочь с трудоустройством, всё нормально, я проверял перед отъездом.

Пару секунд пытаюсь сообразить, о ком это он, потом доходит. Ну конечно, Соле. Нет, я её не забыл, разумеется, но со всей сегодняшней (да и вчерашней) нервотрёпкой как-то не до того было.

— Учительницей так и работает?

— Да. А вы связь не поддерживаете?

Качаю головой.

— Да нет... смысл? Не верю я в романы по переписке.

Пожилой чекист медленно кивает.

— Да, пожалуй. На расстоянии любовь не работает, долго, по крайней мере. По себе знаю.

Это вот он зачем? Мне его личная жизнь как-то глубоко до лампочки. Или это по методичке так положено? «Установление доверительных отношений» и всё такое?

— ...здесь не нашли себе пока никого?

Ага. Понятно.

— Марат Феликсович, это вы мне так деликатно даёте понять, что в курсе, с кем я встречаюсь? Или что?

Он чуть смущённо откашлялся. Хотя... чекист и смущённо? Притворяется, наверное. Имитирует человеческие эмоции.

— Раскусили старика, да. Вы в курсе, кто ваша девушка?

— Если вы ФИО имеете в виду, то в курсе. Насчёт политических воззрений тоже.

Булатов хмыкнул с непонятым выражением.

— Воззрений, да. Она, вообще-то, заочно приговорена к смертной казни в Халифате за терроризм, убийства и преступления против ислама.

Без всякой наигранности равнодушно пожимаю плечами.

— И что? Учитывая специфику Халифата, это скорее в её пользу говорит. Насколько я понимаю, Халифат же враг Новороссии, так что вам-то с чего переживать?

— Ну... не совсем так. С Халифатом у нас проблем особых нет, торговля идёт и всё такое. С Имаматом да, сложно, но они же Мекке не подчиняются. Впрочем, вы правы, здесь на это всем наплевать, нам тоже. Но она и в Латинском союзе была за терроризм заочно приговорена к смертной казни, вообще-то. А там для этого надо было реально постараться.

Надо же, шустрая какая. Хотя, на это мне тоже наплевать. В конце концов, я в этом плане и сам не без греха, хе-хе.

— Так победили-то там в итоге именно те, за кого она «террористила», нет?

Новоросс пошевелил в воздухе пальцами правой руки. Мол, «не всё так однозначно».

— Не совсем. Там умеренные левые к власти пришли, но амнистировали в итоге всех, да. Радикалов выдавили, сейчас они в Атласских горах воюют.

— К вашему облегчению? И сами выпиливаются потихоньку, и Мекку ослабляют?

— Возможно, возможно... скажем так — у нас с этой публикой неважные отношения, мягко говоря.

— Ага, я слышал. Кем они вас там считают? «Фашистскими перерожденцами»?

— Вроде того. Если не секрет, как вы с ней уживаетесь? Я имею в виду, у вас же диаметрально противоположные взгляды на жизнь...

Любопытный какой.

— Личная жизнь, Марат Феликсович, потому и называется личной, что она личная. И обсуждать её с кем-то не в моих привычках.

— Как скажете, как скажете. Но, простите уж старику его настойчивость, вы бы с ней поосторожнее. Она очень опасна.

Заботливый какой. Да уж сам догадываюсь, что опасна. Но, блин, это же понимание и возбуждает, знаете ли.

— Постараюсь.

Анонсированный ранее «местный коллега» появился минут через сорок. Жилистый, коротко стриженный мужик моего примерно возраста, с тонким шрамом, уходящим с правой щеки на шею, потёртой кожаной папкой в руках и усталым выражением лица водителя газенвагена с пятнадцатилетним стажем. Знаете, есть такие люди, вроде ничего особенного, но при взгляде на них сразу представляется уходящий за горизонт ряд безымянных могил на их личном кладбище. Я бы ему денег не хотел задолжать, короче.

— Паша.

— Виталий.

Заказав у подошедшей официантки двойной эспрессо (это у них там фирменный знак, что ли?), Паша, без долгого предисловия, перешёл к делу.

— Короче, так. Попал ты, Вить, серьёзно.

Ну, вот, я же говорил. Обратный ход «качелей». «Вить», кстати, это Виктор, а не Виталий, ну да ладно. Не до того сейчас.

— ... банда, так и называется — «Читинские». Перешли ленточку всей кодлой почти год назад. С той стороны на них висит три десятка убийств, как минимум, и ещё много чего. Их там прижали, но они откупились у ментов и те их перекинули сюда. Реальные отморозки — убивали за всё подряд, хоть за ларёк, хоть за косою взгляд. У них типа «фирменного знака» было — вывезти за город, пробить ломом грудину и так оставить.

Млять. Не хочу я так.

— ... обосновались в Нью-Рино, во Фримонте. К Рашенз не пошли, да те бы их и не взяли, слишком уж большие уроды, даже для местных авторитетов. Но долю на общее засылают, особо не беспределят пока, так что им дают резвиться. У них два борделя, на Хитровке и на Молдаванке, плюс наркота там же. Регулярно ставят кого-то на деньги, обычно новичков. Оформляют красиво, по понятиям, не придерёшься. Как минимум двоих убили, кто артачился. Старший у них — Павел Климин, он же «Клим». Тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, уроженец города Краснокаменск Читинской области. Одна ходка по малолетке, затем ещё дважды...

Интересно, всё-таки, чекисты это организовали, или как? В принципе, он же мне сейчас любую лапшу на уши вешать может, я-то никак не проверю. Может, этот Клим вообще в звании майора, примерный офицер и семьянин.

— ...розыске за убийства, разбой, организацию преступного сообщества...

Хотя не думаю. Ну, что майор, в смысле. Такое не сыграешь, это реально надо быть блатной мразью. Впрочем, не стоит переоценивать собственную проницательность. Каких только «артистов» не бывает.

— ...в банде сейчас десять-двенадцать человек. Плотно мы ими не занимались, точнее сказать не могу.

Ну-ну.

Булатов, до этого внимательно слушавший коллегу, подключился к разговору.

— Павел, это всё хорошо, но ты главное скажи — проблему можем решить? Виталий же не просто хороший человек, он наш сотрудник, хоть и внештатный пока. Большое дело для страны недавно сделал. Надо помочь. Если не сможем — придётся эвакуировать.

Куда это они меня «эвакуировать» собрались? Надеюсь, не в укромное место, чтобы банковский счёт выдоить?

Взгляд светло-карих глаз «водителя газенвагена» без особого выражения скользнул по мне и вернулся к полковнику.

— Сможем, Марат Феликсович.

Булатов удовлетворённо кивнул.

— Ну, вот и хорошо.

Я же говорю — качели. Что, Впрочем, серьёзности ситуации не отменяет. Не хочу я как-то, чтобы мне грудину ломом пробивали. Придётся играть по правилам товарищей чекистов. Пока, во всяком случае.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, бульвар Александра Второго,

ресторан «Царская охота»

С Пашей мы встретились заранее и к ресторану подъехали уже вместе, на его машине. Во избежание, так сказать. Припарковались на уходящей вглубь переулочка стоянке, я уже собрался было выходить, когда коллега Булатова решил ещё раз напомнить порядок действий.

— Ты, главное, сиди молча, и не говори ничего, если я тебе не кивну. Толку от всего, что ты скажешь, один хрен не будет. На базаре тут не съедешь, только глубже вляпаться можно.

— Понял.

Ну, в самом деле, чем тут могут слова и аргументы помочь? «Ты виноват уж тем, что хочется

мне кушать», только и всего.

Наряженный в меха мужик на входе отработанным движением распахнул тяжеленую, на вид, дверь из тёмного дерева и вежливо поздоровался. Отвечая, про себя удивляюсь, как это он ещё не помер в таком прикиде. На улице температура под тридцать пять, не меньше. Впрочем, судя по распаренному лицу несчастного, недолго осталось.

Внутри царит прохладная полутьма, приятно контрастирующая с раскалённым на солнце бульваром снаружи. Три часа — почти что самое пекло.

Симпатичная блондинка в строгом костюме, без всяких там «под старину» осведомляется, ожидают ли нас, но мы уже нашли глазами Клима за столом справа, у стены. Спасибо, девушка, нас таки ожидают.

Клим, разумеется, пришёл не один. Кроме «пострадавшего» Шустрого, за столом на «блатной» стороне сидит темноволосый крепыш с лёгкой монголоидностью на физиономии. Светлая рубашка с короткими рукавами открывает могучие лапищи, в которых пивная кружка кажется совсем небольшой. Наколки тоже присутствуют в ассортименте. Силовая поддержка, типа? Кстати, интересно — что в прошлый раз Клим был без кобуры, что сейчас. Не уважает огнестрел? У Шустрого в «Мулен Руж» я кобуры тоже не заметил, а сейчас и не разглядишь — он у стены сидит, туши остальных урок его закрывают. Но вот у крепыша кобура точно есть, выглядывает из-под рубашки.

— Пришёл?

Молча киваю. А то, блин, не видно.

Взгляд голубых глаз блатного перешёл на Пашу. Тот, впрочем, нисколько не смутился, молча отодвинул стул и сел. Клим хмыкнул и приступил к делу, сразу беря быка за рога.

— Ну что, вину признаешь свою? Человека... э-э..., братан, я не понял, ты сюда позвонить зашёл, или чё?

Паша, которому и адресована недовольная реплика, не обратил на неё ни малейшего внимания.

— День добрый. Ага, на месте. Передаю трубку. — с этими словами новоросс протянул телефон Климу через стол. Урка посмотрел на мобильник с явным подозрением.

— Кто это?

— Ну так ты трубку-то возьми, и узнаешь. Или телефона боишься? — в голосе Паши, обычно сипловато-равнодушном, проскользнула ирония. Клим зло фыркнул и протянул руку к мобильнику.

— Слушаю.

— ...

— Сильвер, приветствую.

Оба подручных блатного синхронно взглянули на старшего, видимо, «Сильвер» им о чём-то говорит. На лице самого Клима удивление стремительно переходит в злость.

— Сильвер, да этот фраер...

— ...

— Не, ну ты пойми, он же...

— ...

— Я услышал. Да.

— ...

— А чё так ма...

— ...

— Как скажешь. Да.

Уголовник завершил разговор, несколько секунд поиграл желваками, явно пытаюсь успокоиться, после чего со злостью запустил телефон по столу в нашу сторону, где Паша его и подхватил плавным и очень быстрым движением. Я вот так не смог бы. «Напарник», повернувшись ко мне, сделал жест, как будто что-то выкладывает на стол. Лезу в сумку, достаю заранее приготовленную пачку эки, кладу на середину стола.

Клим брезгливо смотрит на деньги, зло выдыхает и переводит взгляд на Пашу.

— Десять тысяч — мало! Этот фраер Шустрого при людях послал и ударил! За такое...

Голос «водителя газенвагена» совершенно равнодушен и невыразителен.

— Не согласен — позвони Сильверу. Скажешь, что его слово неправильное, ты здесь теперь сам решаешь.

Предложение явно не вызвало у Клима ни малейшего энтузиазма, но и терять лицо, жалуюсь на несправедливость жизни, он не стал. Вместо этого уголовник кивнул Шустрому на деньги (тот их с презрительным видом взял со стола) и повернул голову ко мне.

— Смотри, фраер, люди-то тебя запомнили. Я за всех...

В голосе Паши, казалось бы, ничего не изменилось, но как-то он умудрился вложить в тембр смутную картинку того самого персонального кладбища, уходящего за горизонт.

— Если с ним не то что случится что-нибудь, а просто один из твоих клоунов рядом промелькнёт случайно — я тебя лично в кислоте сварю. Потом всю твою кофлу, но начну с тебя. От нас не убежишь и не спрячешься.

Лицо Клима скривилось в гримасе, но он пересилил себя и ничего не ответил, вместо этого кивнув темноволосому здоровяку.

— Пойдём, Бурят.

Урки загрохотали стульями, вставая, а я перехватил какой-то совершенно отороженный, безумный взгляд Шустрого. Как будто... блин, не знаю даже, с чем сравнить. Слово бешеная собака из клетки смотрит. Но длилось это пару секунд, не больше, вертлявый отвернулся

и поспешил вслед за своими, уже идущими к выходу.

Поворачиваюсь к Паше.

— Спасибо!

Тот медленно кивает.

— Ты посматривай, всё равно. Это публика такая, никогда не угадаешь, что им в голову взбредёт. Лучше бы тебе из Нью-Рино съехать, на время. Ну, или из Фримонта, хотя бы.

Эхе-хе-х... Похоже на то.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Лазарев-стрит,

офис паевого товарищества

«Колонизационное общество «Русский Юг»

Фигуристая брюнетка-секретарша на этот раз выглядит как-то менее дружелюбно. Сидит надувшись, как мышьяк на крупу. С чего бы это, любопытно? Впрочем, пофиг. Главное, подтвердила, что Глеб у себя.

Бородатый здоровяк вновь не один, и компанию ему опять составляет лысый и загорелый Игорь, «географ» который. «Правая рука», что ли? Ну, а почему нет... без этого никак.

Меня видеть рады, вроде как. Здороваемся.

Киваю на дверь.

— Что-то у вас секретарша грустная сидит.

Глеб, кажется, немного смутился, но быстро сделал беззаботную морду лица.

— Аalinka-то? Аа... — он пренебрежительно махнул рукой. — Бабы-дуры, что сказать. Ничего, пройдёт это у неё.

Ну-ну.

— А ты что, решил-таки, значит?

Киваю.

— Почти. Вопрос перед этим обсудить один хотел.

Глеб жестом пригласил всех присутствующих на расставленные у журнального столика диваны.

— Давай обсудим. Игорь мой зам, так что от него у меня секретов нет.

Хм... А если у меня есть, например? Впрочем, так оно и лучше будет, пожалуй.

Приставляю ладони к ушам, словно к чему-то прислушиваюсь, затем поднимаю вверх указательный палец и описываю им круг. Пантомима, думаю, яснее некуда. Глеб слегка приподнимает брови, но отвечает:

— Нормально, каждое утро проверяем. Мало ли... а что за дело такое секретное.

Проверяют — это хорошо... Гарантии не даёт, конечно, ну да что её вообще даёт?

— Да не, чтоб очень уж секретное... но конфиденциальное. Деловое предложение есть.

Бородач сделал поощряющий жест. Продолжай, мол. Ишь, шустрый какой. Погоди, хе-хе.

— Кстати, как процесс в целом идёт? Пайщиков прибавилось?

Глеб кивнул и пробарабанил толстыми пальцами по столешнице.

— Да. На сегодняшний день восемь паёв оплачены.

Получается, прибавились двое за ...э-э... почти две недели. Ну, не сказать, чтоб сильно впечатляло. С другой стороны, какой-никакой, а прогресс.

— ...поселенцев уже около трёхсот пятидесяти точно определившихся, кто тут хозяйство и имущество распродаёт. Идёт процесс, в общем, идёт. Так что за предложение у тебя?

Ну, хиреющим предприятие не выглядит, так что, пожалуй, рискну. Эхе-хе-х, вот вечно меня моя страсть к авантюрам заносит чёрт знает куда. Почти как тот мужик из анекдота, у которого двое собутыльников упали замертво, а он тянется к бутылке и кричит «По-мо-ги-те-е!..»

— У меня есть информация о примерном местонахождении района с асфальтовыми озёрами на Дальнем Юге. Один я разработку не потяну, нужны партнёры. Но так, чтобы мне информация за часть моей доли инвестиций зачлась.

Слово «часть» я голосом выделил, дабы меня сразу не послали в пешее эротическое путешествие. Или, учитывая простоту местных нравов, не привязали к стулу и не начали тыкать паяльником в нежные места, дабы стимулировать словоохотливость.

Глеб задумчиво хмыкнул и с немым вопросом посмотрел на Игоря. Я, собственно, тоже, потому как в геологии ни черта не соображаю, этих самых асфальтовых озёр в глаза не видел и вообще, весьма смутно себе представляю, что с ними делать. Желтов, оказавшись в фокусе внимания, чуть растеряно поёрзал на месте.

— Асфальтовое озеро — это хорошо.

Начало многообещающее, хе-хе.

— ...даже не столько самим битумом, хотя и это штука полезная, сколько тем, что это признак наличия нефти.

Решаю добавить хороших новостей:

— Ещё там выходы газа на поверхность есть.

Игорь удовлетворённо кивнул.

— Вот, я же говорю... — он повернулся к Глебу. — Это нам кучу проблем закроет, отличная новость!

На лице Больших, впрочем, пока отражается скорее задумчивость, чем радость.

— Закроет или нет — это смотря как с логистикой будет. И вообще, не факт ещё, найдётся что-то или нет. Ты сам этих озёр не видел?

Приходится честно мотать головой.

— Нет. Но все остальные сведения, которые есть в отчёте экспедиции, я знал раньше, и все они подтвердились. Понятно, что голову на отсечение не дам, но, если бы сам не был уверен — деньги бы не вкладывал.

Немного преувеличиваю насчёт «все подтвердились», ну да ладно. Моя задача не получить премию «Самый честный человек года», а убедить их стать моими деловыми партнёрами на выгодных мне условиях.

— Допустим. — Глеб опять погладил бороду. — Игорь, а во что, примерно, разработка обойдётся? И что вообще нужно? Ты же нефть искал у «вояк», когда ещё Протекторат был.

Худощавый геолог ухмыльнулся:

— Не только у «вояк», но и за ленточкой искал, в Восточной Сибири. Что нужно... нужна будет мобильная буровая, во-первых... — Глеб попытался что-то сказать, но Игорь его остановил. — Нет, не та, что мы под воду берём, отдельная. Иначе в сроки не уложимся, мы же не знаем, сколько это всё займёт. На базе трёхосного грузовика, с глубиной бурения до пятисот метров... тысяч в пятнадцать обойдётся, минимум. Плюс трубы и прочее оборудование, плюс второй грузовик, без него никак — ещё столько же. Но это на поиск чисто, а вот переработка посложнее будет. ФУСОИ 21 я видел, как монтируют...

Заметив наши непонимающие взгляды, он пояснил:

— Ну, мини-НПЗ, в смысле. Типа как в Чечне в своё время использовались, в курсе?

Киваем. Я по телевизору видел, когда его ещё смотрел.

— Вот... только у «чехов» самопальные были, и продукт они давали такой, что от него любой движок максимум за три месяца сдыхал. А есть и нормальные. Но они и денег нормальных стоят. Я тут узнавал, кстати, в рамках нашей подготовки. Брать-то мы не планировали пока, не знали же про нефть, но так, на всякий пожарный. В Демидовске выпускают, на любой вкус и цвет, для халифатчиков и индусов, в основном. Ну, на любую мощность, в смысле. Если по ценам — примерно получается, грубо говоря, две тысячи экю за кубометр в сутки.

Что-то я не понял. Если себестоимость кубометра бензина выходит две тысячи экю, с таким же успехом можно заправлять машины кровью девственниц, а как присадки использовать золотой песок и толчёный рог единорога. Экономического смысла получится примерно столько же, но хоть повеселимся.

Судя по лицу Глеба, он тоже в математику не въехал.

— Игорь, я что-то не понял. Почём кубометр выходит?!

Наш «географ» досадливо цокнул языком.

— Да не кубометр, а стоимость установки, в зависимости от мощности. На десять кубов перерабатываемой нефти в сутки будет стоить двадцатку эю, а на сто кубов — уже двести штук. Ну, примерно.

Ага, понятно. Хотя...

— А выход какой с них? И затраты?

Игорь задумчиво наморщил загорелую лысину.

— Я видел, как работает шестидесятикубовая установка. Она в сутки сжигает где-то тонну-и-семь соляры. Но она эту соляру сама и вырабатывает, так что не страшно, нам же за сырьё не платить. Плюс обслуживание, зарплата и так далее. А насчёт выхода так не скажешь, это же от сырья зависит. Может и одна десятая быть, и три четверти. Пока не попробуем, не узнаем.

— Ну, нам много-то пока и не надо...

Глеб меня тут же перебил.

— Надо заранее на перспективу закладываться. Неизвестно, когда удастся обновиться, если что. Особенно с учётом того, кто их производит. Узнают, что для нас — вполне могут отказать. А за ленточкой покупать — золотой станет. Да и тоже не факт, что волокитить не будут...

— Ну, у демидовских можно и втёмную купить.

— Там тоже не идиоты сидят. У них работяги всяких «особо бдительных» знаешь, сколько кормят?

Да уж догадываюсь, хе-хе. Даже знаю нескольких таких.

— А ты чего сам-то не узнал? — это Глеб интересуется. Типа замечание мне сделал, что ли, что я неподготовленный пришёл? Ну-ну.

— Ты головой-то думай. Нефть — дело такое, начну интересоваться, слухи тут же пойдут. Тебе оно надо?

Здоровяк пару секунд подумал, после чего нехотя кивнул.

— Ну, да, правильно. Ладно, у меня знакомый есть в Нью-Галвестоне, через него можно заказать. Там привозную нефть перерабатывают, никто не удивится. Сколько демидовские заказ будут выполнять? Я не думаю, что у них готовые заводы на складах лежат, не до такой степени там социализм пока.

Все присутствующие, включая меня, иронично хмыкнули. Игорь развёл руками:

— Понятия не имею, надо узнавать. Может, месяц, а может и больше.

Глеб в очередной раз пробарабанил по столу пальцами. Видимо, ещё один характерный для него жест, вроде поглаживания бороды. Ну, у всех такое есть. Я вот, когда надо много и быстро думать, пальцем по переносице провожу.

— Тогда надо шевелиться, а то опоздаем. Игорь, по объёму эта установка какая.

— Шестидесятикубовая, уложенная для перевозки — где-то два двадцатифутовых контейнера. Собранный побольше, конечно.

— Установка... плюс два грузовика, плюс трубы, плюс оборудование для лагеря, плюс листы для сварки резервуаров, плюс команда рабочих... джип ещё понадобится, хотя бы один...

Глеб на несколько минут ушёл в транс, что-то шепча себе под нос и загибая пальцы. Мы с Игорем уважительно примолкли. Наконец, наш будущий фюрер закончил подсчёты.

— По грубой прикидке, на предприятие нужно двести пятьдесят тысяч, без учёта перевозки. Это с тем расчётом, что мы берём установку на шестьдесят кубов, и первый год работаем без прибыли. Так оно и будет реально, проект долгосрочный, пока что задача — застолбить место, не дать появиться конкурентам. Моё предложение — создаём предприятие на троих, с равными долями. Поскольку информацию нашёл ты, за перевозку оборудования заплатим мы. Это где-то тысяч сорок ещё выйдет, вместе с доставкой установки из Демидовска. Ты как, Игорь?

Лысый покряхтел, борясь с амфибиотропной асфиксией, но кивнул. Интересно, всё-таки, откуда это у геолога такие капталы?

— ...расходы увеличатся — докапитализируем также, в равных долях. Согласен?

Хм... не совсем то, на что я рассчитывал. С другой стороны, я же прекрасно понимаю, что просто приплыть и сказать «это моя корова и я её дою» — не получится. И даже не в том дело, что кто-то там меня пристрелит (хотя, и эту возможность исключать нельзя). Я просто не потяну, ни финансово, ни, что ещё важнее, организационно.

— Согласен.

Скрепляем договор рукопожатием.

— Ты пай когда внести сможешь?

— Да хоть сегодня, пока банк открыт.

Глеб энергично кивает.

— Отлично. Сейчас Алине скажу, она документы подготовит, на включение тебя в состав пайщиков. По предприятию завтра уже тогда.

Игорь, нетерпеливо поёрзав пятой точкой по дивану, не выдерживает.

— Где озёра-то эти?!

Наткнувшись на мой ироничный взгляд, уже тише добавляет:

— Ну, примерно хоть скажи. Мы же тут не просто так сидим, чай гоняем. У меня от этого планирования уже ум за разум заходит. А тут столько переделывать всего придётся.

Хм... логично. Да и они оба понимают, думаю, что кидать меня тут не стоит.

— Говорю всё, что знаю. Озёра находятся недалеко от устья...

«Географ» огорчённо выдохнул. Ну, а что он думал? Что они прямо у будущей столицы окажутся? Увы. Кстати, надо спросить, где в итоге селиться-то решили.

— Там есть «вечные огни» от выходов газа. Вахтенные экспедиции заметили ночью отблески на холмах, уже на обратном пути.

— Возле устья... — пробормотал Глеб. — Придётся кое-что переделать в планах.

— Жаль, что не севернее. — посетовал на судьбу Игорь. Больших небрежно отмахнулся:

— Ничего страшного, главное — река рядом, логистика нормальная. Может, оно и к лучшему, что не севернее. Теперь точно придётся поселение в устье основывать, а мы уж было отказались. На перспективу это важно. А то мы бы сейчас на север все поднялись, но Орден-то про нефть знает. Слили бы кому-то инфу, и быстренько бы там образовался другой анклав, перекрывающий нам выход в океан. Как раз в их духе подлянка.

Игорь вздохнул ещё раз.

— Охренеешь там в устье жить. Холодно, и ветры такие, что пипец просто.

Тут уже я вмешиваюсь.

— Да ладно, не преувеличивай. Это же Южная Патагония примерно выходит. Сколько там за ленточкой народу живёт в таких условиях? Тысяч триста, если не больше? И ничего, нормально.

Глеб решительно встал с дивана.

— Ладно, я сейчас Алинке задачу поставлю, и будем думать дальше. Хорошо бы отметить, конечно, но не до того пока. На выходных надо будет собраться, заодно и с остальными пайщиками познакомимся. Только про наше предприятие пока говорить не надо. Информация утечёт, и нам могут начать палки в колёса вставлять. Осторожно надо действовать. Понятно, что всё равно до отплытия известно станет, но чем позже — тем лучше. Согласен?

Киваю. Согласен, конечно. Мне вот только интересно, что уважаемый Марат Феликсович на всё это скажет, когда узнает. И его коллега, с лицом водителя газенвагена.

V

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Аракчеев-стрит

Блин, вот точно же что-то хорошее и приятное снилось! Но стоит открыть глаза — и всё, как отрезало, ничего не помню. Только смутное приятное воспоминание. Эхе-хе-х... Да слышу я, слышу. Какой урод звонит в такую рань?

На экране телефона светится надпись «Itxaso». Надо же, нарисовалась. Больше недели ни

слуху, ни духу. Ладно, пообщаемся...

— Алло-у-у? — не могу удержаться от зевка.

— Привет! Ты что там, спишь ещё, что ли?

Голос бодрый, даже несколько чересчур, я бы сказал. Не в том плане, что закинулась чем-нибудь *этаким*, а скорее натужно-бодрый. Опасается, что я ещё злюсь за тот вечер, что ли? Ну, возможно...

— Ага-а-у-у-у! Рано же ещё. А тебе чего не спиться?

— Так всю жизнь проспичь!

— Уже не просплю — ты же разбудила.

— Планы на сегодня есть какие-то?

Ну, вообще-то была мысль к кое-чему прицениться, что может пригодиться на юге, но это не к спеху. В офисе у Глеба я сегодня появляться не планировал, так что...

— Да нет, никаких пока. Есть предложения?

— Да я подумала, можно вместе позавтракать где-нибудь, потом на стрельбище съездить. А дальше видно будет...

— Конечно! Где встречаемся?

Она живёт в Спрингфилде, это не так уж далеко от Фримонта. Можно где-нибудь в центре пересе...

— А давай я за тобой заеду. Всё равно с утра по центру мотаюсь. Полчаса тебе умыться хватит?

— Хватит. Хорошо, жду тогда.

— Вот и жди! Можешь даже скучать по мне и вздыхать печально.

— Слезу пускать?

— Нет, это уже перебор. Скоро буду. Побриться не забудь!

Хм... любопытно. Нет, это я не о «побриться», Ичасо мне сразу сказала, что щетина её бесит. Сам факт звонка любопытен. Как-то не производит она впечатление девушки, которая станет звонить первой после ссоры. Хотелось бы, конечно, верить, что я на неё произвёл столь неизгладимое впечатление, аж прям... мдя. Но верить я в это не собираюсь, потому как реалист. Ладно, будем посмотреть.

Выбираюсь из постели и шлёпаю в ванную. Блин, ковёр купить, что ли? Ну, или хоть половик какой, они недорогие. Не очень я люблю вот так, босыми ногами по плитке, даже в жару.

Успеваю не только побриться, но и в темпе принять душ. Кто знает, как оно повернётся, хе-хе. Пока вытираюсь, телефон звонит вновь. Чего, мол, копаешься, когда сеньорита уже тут. А нефиг приезжать раньше. Что? Нет, разумеется, я так не ответил. Но подумал. Быстро одеваюсь, беру чехол с винтовкой и спускаюсь вниз. Ичасо сидит в машине, нетерпеливо

барабана пальцами по рулю. Сегодня она, вопреки обыкновению, в блузке и юбке.

— Привет!

— Привет!

Тянется ко мне для поцелуя. Отвечаю с удивившей меня самого страстью, девушка на секунду замирает, но тут же подключается. Внезапно нахлынувшее возбуждение вытесняет все планы, мысли и подозрения.

— Хочу тебя!

Рыжая амазонка хихикает.

— Прямо в машине, что ли? Потом соседи коситься будут!

— Да и чёрт с ними.

Всё равно, я тут не планирую задерживаться дольше, чем до конца сухого сезона.

— Ну уж нет! Сеньорита не может позволить себе скомпрометировать кабалье...

Закрываю ей рот поцелуем, залезаю рукой под блузку и провожу ладонью по плоскому животу сверху вниз. Ещё ниже...

— Хочу тебя!

Довольно улыбается.

— Я тоже соскучилась! Ладно, пойдём наверх. Потом позавтракаем.

Поднимаемся ко мне, смеясь и целуясь прямо на лестнице, я почти минуту не могу открыть замок (а вы попробуйте, когда вас так отвлекают!), наконец оказываемся в квартире, подхватываю её на руки и несусь к постели. Надо же, как меня торкнуло. Влюбился, что ли?

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, бульвар Александра Второго,

кафе-пекарня «Ле буфет»

Ум!.. Вкусно! Растерзав тёплый, нежный круассан, тянусь за следующим.

— Я же говорил, хорошо тут!

Ичасо кивает, согласно «угукнув» с набитым ртом. У неё тоже после секса аппетит бьёт рекорды.

Вообще, интересно мозг работает. Пока к нему приливают гормоны (а кровь — к другим местам), вместе с ними лезут и всякие романтические мысли, и кажется, что прямо жить без

кого-то не можешь. Но вот стоит это напряжение сбросить (чем мы целый час и занимались), как мысли переходят на другую колею. Что-то вроде «да ну их нафиг, все эти лишние хлопоты, и так нормально». Интересно, это только у мужиков так, или у женщин тоже? Спросить, что ли, у Ичасо, хе-хе...

— Что делал эти дни?

Блин, ну вот. Боюсь, фразы «дорогая, ты мне очень нравишься, но я скоро уезжаю» избежать не удастся. Нет, можно, конечно, некоторое время подержать её в неведении, но смысл?

— Да дела всякие решал, в основном. Я решил пайщиком стать в той конторе, что колонию на Дальнем Юге основывает. Ну, помнишь, где Марка увидел.

По лицу Ичасо пробежала непонятная гримаска. Процесс поглощения завтрака, впрочем, продолжился в прежнем темпе.

— Понятно... Не боишься, что это мошенничество?

Ага, наконец-то, всё никак не мог вспомнить — «fraude» это на испанском будет. Почти как на английском, в общем-то.

— Думаю, что нет.

Басконка пожимает плечами.

— Ну, смотри сам... Когда уплываете?

Слёз и истерик не планируется, видимо, как и просьб остаться. Ну, как-то не особо на них и рассчитывал, в общем-то.

— Через два месяца, перед началом сезона дождей.

— Что делать там будешь?

Хороший вопрос. Нет, общее направление бизнеса-то понятно, но вот именно что *делать* — вопрос. Впрочем, ни к чему её в эти тонкости посвящать.

— Да по нескольким направлениям сразу хочу двигаться. И скот разводить, и виноградник разбить, и заведение какое-нибудь можно будет открыть, типа казино...

Ичасо насмешливо фыркнула.

— Казино? На три сотни человек, или сколько вас там поедет? И кому ты мясо и вино собрался там продавать?

А откуда она знает, сколько у нас пока что колонистов набирается? Хотя, мы ж особо то не секретничаем, Глеб вон вообще каждую неделю в газете публикует, сколько у нас оплачено паёв и сколько людей изъявили желание переселиться. Пайщиков, кстати, уже одиннадцать, включая меня. Но, по крайней мере, это означает, что она за процессом следит.

— Уже пятьсот почти набирается.

Опять насмешливое фырканье.

— Но это первопроходцы. Думаю, в следующем году уже несколько тысяч переселится, если у нас удачно всё пройдёт.

— Ты уверен?

Да нет, конечно. Надеюсь.

— Уверен. Иначе бы деньги не вкладывал.

— Ясно. Ну... удачи, тогда.

— Спасибо.

Нахохлилась, замолчала. Хм... а может...

Неожиданно для самого себя, выпаливаю:

— Поехали со мной!

Удивил, это заметно. Зелёные глаза слегка растеряно моргнули пару раз.

— Спасибо, конечно, за предложение... но что я там буду делать?

— Найдёшь, что. Здесь уже всё освоено, скучно, а там новый мир.

Ичасо машинально накрутила рыжий локон на палец, задумчиво глядя куда-то сквозь стол.

— У вас же там русская колония будет, а я русского не знаю.

Блин, я, в общем-то, скорее в качестве обязательного для кабальеро «широкого романтического жеста» пригласил. Неужели она всерьёз раздумывает? Нет, я за, не ожидал просто.

— Английский все знают. А там и русский выучишь. Он к испанскому ближе, чем тот же английский.

Ну, мне так кажется, по крайней мере. Не знаю уж, как там с точки зрения лингвистов дело обстоит.

Девушка подумала ещё с полминуты, после чего решительно помотала головой.

— Нет. Прости, Витали, и спасибо за предложение, мне очень приятно, правда, но я не могу. По крайней мере, сейчас. Может, через пару лет и приеду посмотреть, как вы там обустроились.

Печально (и почти не наигранно) вздыхаю.

— Понятно...

Ичасо приподнимается со стула, нагибается над столом и крепко целует меня тёплыми, сладкими от круассанов губами.

— Спасибо. Мне правда очень, очень приятно.

Высокий, худощавый официант подходит к нашему столику.

— Ещё кофе? Или круассанов?

Блин, вот как-то не очень вовремя. У нас тут романтическая сцена, вообще-то. Эх, ладно, что уж теперь. Киваю.

— Да, мне ещё латте, пожалуйста. И ещё фисташковое пирожное, маленькое такое, круглое.

Официант понимающе кивнул и перевёл взгляд на Ичасо, допивающую первую порцию кофе.

— А мне двойной эспрессо, и ещё один круасса...

Далёкий звук, как будто какой-то гигант разорвал сразу множество слоёв грубой ткани, заставил всех, сидящих за столиками на тротуаре, повернуть головы на юг. Звук точно донёсся со стороны центра, и это очень похоже на...

Опять!

Ичасо со стуком поставила чашку на стол.

— Это крупнокалиберный пулемёт!

Киваю.

— Похоже на то.

За соседними столиками начался гомон, а я повернулся к официанту.

— У вас радио есть в кафе?

Молодой черноволосый парень с достоинством кивнул.

— Разумеется. Сейчас принесу. Двойной эспрессо и круассан, что-нибудь ещё?

— Нет, это всё, спасибо. — в зелёных глазах девушки заплясали смешинки.

Официант ещё раз кивнул и, как ни в чём не бывало, прошёл внутрь кафе.

— Молодец, держит марку.

— Ага. Под английского дворецкого косит.

Работы пулемёта больше не слышно, зато донеслись несколько автоматных очередей. Блин, какого хрена происходит? Разборки между Семьями? Задаю вопрос вслух. Ичасо с сомнением мотает головой.

— В центре города, с пулемётами? Не думаю. Такого здесь не бывало уже лет... э-э... даже и не скажу, сколько. Больше похоже на...

Из дверей кафе показался упитанный лысый мужик в белых нарукавниках (ну, не *только* в них, конечно, но остальная его одежда ничем не примечательна). В одной руке несёт высокий деревянный барный табурет без спинки, в другой — радиоприёмник с длинной антенной. Громкость убрана, слышно какое-то бухтение, но о чём говорят — непонятно. Мужик

откашлялся, привлекая внимание окружающих, и начал вещать мягким, успокаивающим тоном.

— Господа! По радио передают, что в центре идёт операция Национальной гвардии Территории по принуждению Семьи Луккезе к выполнению решения Верховного суда о выдаче преступника! Анклав Луккезе и прилегающие улицы перекрыты, как и Стрип. Пальба, которую вы слышали, была в воздух, никто не пострадал! Не волнуйтесь, в нашем кафе вы в полной безопасности! С вашего позволения, я оставляю здесь включённое радио, чтобы вы могли следить за развитием событий, не отвлекаясь от нашей чудесной выпечки! Спасибо за внимание!

С этими словами он поставил табурет на свободном месте у стены, водрузил на него радио и добавил громкость. После чего неторопливо вернулся обратно в кафе, но за этим уже никто не следил — всеобщее внимание обратилось на чёрный прямоугольник с антенной.

«...не совсем понятно, что именно собираются предпринимать нацгвардейцы, если Луккезе начнут стрелять уже не в воздух. Не менее важный вопрос — позиция остальных Семей. Напоминаю, уважаемые радиослушатели, что подобные ситуации возникали неоднократно, и до сегодняшнего дня правительству Территории ни разу не удалось заставить одну из Шести Семей выдать высокопоставленного члена, находящегося в розыске. Семьи всегда выступали сплочённым фронтом против того, что они полагали угрозой своему исключительному статусу...»

Часть посетителей кафе встали из-за своих столиков и подошли поближе к радио. Непонятно, для чего — шайтан-коробка орёт так, что и на другой стороне бульвара прекрасно слышно, мне кажется. С полдюжины прохожих остановились возле кафе, прислушиваясь к голосу находящегося в центре событий корреспондента.

«...пожелавших остаться неизвестными, Семьи Драгонс, Рашенз и Шемрок отказались осудить решение Сената о задействовании Национальной гвардии. Пока что неизвестна реакция Семьи Витали, но, учитывая их традиционно напряжённые отношения с Луккезе, можно предположить...»

Интересно, интересно. Процесс перерождения разбойников в бизнесменов выходит на финишную прямую? Или тут борьба за власть между Семьями и не входящими в них элитами местных анклавов?

Официант, всё с той же невозмутимостью, принёс нашу добавку.

«...бронетехника Национальной гвардии заблокировала Анклав Лопес после заявления Рикардо Ариаса, пресс-секретаря Семьи Лопес, о недопустимости нарушения принципа экстерриториальности анклавов. Вместе с тем, на настоящий момент неясно, предпримет ли Национальная гвардия какие-либо действия против Лопесов, с учётом их длительного союза с Луккезе, или ограничится блокированием их анклава на время операции против Луккезе. По словам пресс-секретаря Национальной гвардии, Джоанны Вонг, к операции также привлечены силы ополчения из нескольких таунов и каунти. Госпожа Вонг отказалась уточнить...»

Поворачиваюсь к Ичасо.

— В курсе, что там творится?

Девушка задумчиво поджимает губы.

— Частично. Вообще всё началось из-за того, что два придурка из Сиракьюса задолжали денег Джорджу Велоцци из Семьи Луккезе. Тот, будучи ещё большим придурком, решил, что круче него только яйца, и пристрелил их прямо на Стрипе. Причём даже не из машины и не в маске, как тут принято, а поставил на колени и застрелил в затылок прямо посреди бульвара. Территориалы взбесились, и через Верховный суд потребовали у Луккезе его выдачи. Те отказали, потому что Велоцци — муж младшей дочери Витторио Гальяно, второго человека в Луккезе. Но такое не в первый раз случается, обычно человека просто тихо вывозят из города с новыми документами, и...

Со стороны центра вновь донёлся раскатистый звук пулемётной очереди. Головы всех присутствующих (моя не исключение) синхронно повернулись сначала на юг, к месту событий, а затем к радиоприёмнику. Голос корреспондента дрожит от возбуждения.

«...накал событий! Только что на крыше казино „Сахара“ появились три человека с гранатомётами, но бронетранспортёры Национальной гвардии мгновенно открыли огонь! Трудно сказать, уцелел ли кто-то из гранатомётчиков, но крыша сильно пострадала, неоновая надпись практически уничтожена. Неизвестно, есть ли внутри заведения посетители! Со своего места я слышу, как представители Национальной гвардии через громкоговорители призывают членов Семьи Луккезе прекратить противоправные действия и немедленно...»

— ...что-то пошло не так. — закончила Ичасо прерванную мысль. Да уж, классическая фраза. «Но что-то пошло не так»...

— Чего улыбаешься?

— Да так... вспомнил кое-что. Заленточное ещё. А ты много о местных раскладах знаешь, я смотрю... недавно же вроде тут?

Революционерка хмыкнула.

— Кабальеро в чём-то подозревает сеньориту?

— Да нет, удивился, просто.

— Я здесь не раз бывала, и даже жила почти год, ещё до Порто-Франко.

— Ясно...

Это, между прочим, делает несколько более вероятным то, что за наездом на меня Клима и его шайки стоишь ты, красавица моя рыжеволосо-зеленоглазая.

Ичасо, тем временем, энергично расправилась с последним круассаном, вытерла салфеткой губы и нетерпеливо уставилась на меня.

— Ну что, пойдём?

— Э-э... куда?

— Кабальеро тупеет после еды? Надо будет его поменьше кормить. Мы же на стрельбище собирались.

Собираться-то собирались, но тут же интересные вещи творятся, как-никак...

— А ты послушать не хочешь, что в центре происходит?

Басконка пренебрежительно отмахнулась.

— В машине послушаем. Да и вообще, нам-то что с этих разборок? Если так уж интересуешься, я тебе прямо сейчас могу сказать, чем всё закончится.

Ишь, самоуверенная какая. Ну-ну.

— Давай, расскажи.

— По дороге расскажу. Давай, пойдём.

Вот что ты с ней будешь делать... ладно, пойдём. Оставляю деньги на столе и спешу вслед за рыжей сеньоритой.

— Ну, так чем всё закончится? — интересуюсь, когда мы уже в дороге.

— Закончится тем, что территориалы арестуют Велоцци и ещё десяток-другой ребят Луккеше, которые у них больше всего в печёнках сидят. Луккеше ослабеют и часть их бизнеса отожмут другие Семьи. Но не весь, и даже не большую часть, потому что война никому не нужна. А вот Сенат и вообще территориалы усилятся, и теперь члены Семей будут иногда думать перед тем, как что-то сделать. Ну и, кроме этого, раз уж прецедент нарушения экстерриториальности анклава создан, теперь сдвинется целая лавина дел, которые из-за этой самой экстерриториальности не шли.

Мимо промелькнула очередная полицейская машина. Вообще, движение сейчас поживе, чем обычно, видимо, многие решили, от греха подальше, остаться дома. Но вот ментов много.

— Например?

— Ой, да полно. От запрета принудительной проституции и до возможности обжалования решений «семейных» судов в Верховном суде. Ты же в курсе, что у них там в каждом анклавe свой суд есть? С формальной точки зрения — ничем не отличается от любого другого.

— Ага, слышал. Дела должников рассматривают, например.

И «полиция» есть, тоже вполне официальная. И тюрьмы. Для тех же должников. И всё по закону получается. Молодцы, чё, красиво устроились.

— Ну, вот. В общем, много чего теперь поменяется, я думаю. Не сразу, конечно, постепенно, но поменяется. Семьи и территориалы давно уже силами меряются. Территориалы все последние годы усиливались, уже вон анклавы Семей перетряхивают.

Хм... вообще, странно, конечно.

— А как же Семьи такое допустили? У них же и деньги, и боевики... да и вообще они этот город основали, как я понимаю?

Ичасо покачала головой.

— Не совсем так, город реднеки основали. Бандиты уже потом набежали. Ну да это не важно. Понимаешь, Семьи занимались своими делами, деньги зарабатывали. А люди в город всё прибывали и прибывали, кому-то же надо было хозяйством заниматься, и вообще,

организацией. Семьям это всё было не нужно — деньги на подрядах они делали, конечно, и бизнес крышевали, но не более того. Так что, люди самоорганизовывались постепенно, сначала тауны и каунти появились, потом Сенат. А люди-то здесь не как в старом мире, их так просто в стойло не поставишь. Ну и вот...

Она кивнула на радио и подкрутила громкость.

«...неподтверждённой информации, Семья Луккеше готова выдать Джорджа Велоцци, отказ в выдаче которого и послужил...»

— Я же говорила. Раньше Семьи могли бы просто разогнать всех территориалов, но уже поздно. У каждой Семьи — несколько сотен боевиков... ну, у Лопесов, может, под тысячу. Да, у них есть деньги, они могут нанять людей, но на стороне Сената — не только Нацгвардия, но и муниципальные ополчения, а это тысяч тридцать человек. Семьи не рискнут в открытую идти против всех. Но подкупать чиновников и устранять неугодных примутся с удвоенной энергией, конечно.

Логично. Понятно, что власть Семей никуда не денется, потому как основана на больших деньгах и давних связях. Просто на улицах их члены станут вести себя поприличнее, перестанут раздражать народ, вот и всё.

— Ты с теми русскими мобстерами нормально разошёлся? Неприятностей не было?

— А? Что?

Как-то я немного растерялся от столь резкой смены темы.

— Ты не только тупеешь после еды, но и глохнешь? Ты в «Мулен Руж» напился и полез в драку с русскими мобстерами, забыл уже?

Ну, вообще-то, не совсем так всё было, ну да не будем спорить о мелких подробностях.

— Нет, помню. Потом с ними разговор был, но вроде как порешали всё. А что?

Ичасо хмыкнула с явным сомнением.

— «Порешали»?.. Денег им заплатил, что ли? Если уж они тебя стали разыскивать, по-другому бы точно не отстали.

Млять, ну вот ей-то что за дело, как я там и что порешал? Чувствуя себя униженным этим признанием, неохотно киваю.

— Да, заплатил. К чему этот разговор вообще?

— К тому, что за нами ещё от твоего дома следят двое на «Гранд Чероки». Не вертись! И по виду на русских мобстеров похожи, и на такой машине тут кроме них мало кто ездит. Почему, кстати, они его так любят?

— Э-э... традиция, типа. Ты уверена, что они за нами следят?

Басконка молча кивает. Блин, кто бы это мог быть? Люди Клима? Недовольны тем, как дело решилось, хотя... чего, кстати? Взять с меня больше денег, или грохнуть? А может, это коллеги Булатова и Паши, под блатных маскируются? Или это вообще какая-то хитрая игра самой Ичасо?

— В бардачок загляни.

Ага. Мини-Узи 22 в явно специально для него сделанном креплении. О, и даже с глушителем. Интересно, кого-это моя рыжая так опасается...

— Умеешь обращаться?

Да ну, откуда... мы люди простые, такое только в фильмах видели.

— Не пробовал, но разберусь.

Ичасо скептически морщится.

— Нет уж, не надо. Давай сюда. Осторожнее, кстати, там патрон дослан.

Блин, ну что ж я, совсем обезьяна, что ли? Раздражает меня такое отношение, честно говоря, ну да не время сейчас это обсуждать. Молча передаю девушке оружие, та принимает его левой рукой и размещает в кармане своей двери. Ага, правильно, она же левша.

— Что делать собралась?

Блин, как-то глупо всё это. Мужик-то я, ситуация опасная и связана со мной же, но рулит всем девушка. Нехорошо, мдя. А что делать?

— Пугну их немножко. Не люблю, когда за мной следят.

— Давай я с винтовкой назад перелезу, у тебя же стекло там убирается...

— Не надо.

Хм... ладно. Но как она их «пугнуть» собирается?

— Они кто такие? Рашенз или сами по себе?

Да вот хрен их знает. Я вообще до сих пор не уверен, что у них в служебных сейфах в Демидовске ордена и погоны не хранятся.

— Нет, отдельно. Они Рашенз что-то платят, и те им дают резвиться.

— Хорошо. — удовлетворённый кивок.

Блин, хорошо-то хорошо, но что она делать собралась? Мы уже почти выехали за город, осталось складскую зону на окраине Чайнатауна миновать, и выскочим на Льюис-и-Кларк-роад и там уже сплошные открытые поля вокруг.

Впрочем, в поля мы не выскочили. Вместо этого Ичасо вдруг свернула направо, в какой-то зажатый между двух высоких бетонных заборов пыльный проезд, но не ускорила в попытке оторваться, как я того ожидал, а наоборот — виртуозно развернулась на пяточке и остановила машину.

— Чё делаешь?

— Пугну их, сказала же.

Эх, не к добру это всё... достаю из кобуры свой Кольт, кладу руку с ним на окно. Мы, правда, стоим под углом к дороге, так что с места, если что, стрелять не получится — придётся высовываться. А вот Ичасо наоборот, очень удобно — она уже разложила приклад, упёрла его в плечо высунула Узи в окно. Какого хрена делать собирается? Колёса, что ли, прострелит?

Тёмно-синий «джип широкий», сбросивший скорость и поворачивающий в проезд, показался из-за угла забора, я ещё успел узнать сидящего на месте пассажира Бурята, удивлённо уставившегося на нас сквозь опущенное окно, и тут...

Так! -так! -так! -так! -так!

...Ичасо начала стрелять. Первая очередь пришлась по водителю, лобовое стекло напротив него мгновенно побелело и покрылось пулевыми отверстиями, а басконка уже перенесла огонь на пассажира. На побелевшее стекло брызнуло изнутри красным и «Чероки», неуверенно вильнув, ткнулся в забор в пяти метрах от нас. В такой позиции Ичасо со своего места стрелять уже не может, стойка и лобовое её мешают, а вот у меня наоборот, цель как на ладони. Оба наших преследователя бессильно поникли головами вперёд — один на руль, второй, комплекцией посолиднее, упёрся в растрескавшееся лобовое. Надо бы их проконтролировать, по-хорошему... если к этой ситуации вообще применимо слово «хорошо», что не очевидно.

Поднимаю было пистолет, но Ичасо меня останавливает.

— Не надо, шумишь. Из моего давай. — и передаёт мне Узи.

Так, как он... ага. Упираю приклад в плечо, примериваюсь...

Так! -так! -так!

Голова Бурята вздрогнула и брызнула какими-то красно-розовыми ошмётками. Блин, водителя он частично закрывает. Цельюсь...

Так! -так! -так!

Готово.

Ичасо на рискованной (на мой взгляд) скорости сдаёт назад.

— Погоди, гильзы же собрать надо!

— Не надо, я в перчатках снаряжала.

Ловко разворачивает машину в узком пространстве между заборами, мы проезжаем до конца забора, пару минут петляем среди каких-то складов и промзон, после чего выскакиваем-таки на ту самую Льюис-и-Кларк-роад, к которой и ехали изначально. Млять, она что, не настролялась ещё?

— Ты какого хрена это сделала?!

— Что?

Ага, и брови так невинно подняла. Типа не понимает, чего это я злюсь.

— Завалила их, вот что!!! Какого хрена?! Ты же сказала, что пугнёшь просто!

Ичасо чуть издевательским тоном уточнила:

— А ты думаешь, они не успели испугаться?

Не выдержав, взрываюсь.

— Млять, ты что, ипанутая на всю голову, что ли?! С башкой вообще не дружишь?! Как мы теперь это разруливать будем?! Ты вообще понимаешь, идиотка, что ты наделала?!

Улыбка на лице «революционерки» из невинной как-то мгновенно превратилась в презрительную, и даже немного брезгливую.

— Собери свои сопли и прекрати истерику. Или я тебя сейчас высажу, и пойдёшь домой пешком. Понятно?

У-ф-ф-ф! Пару раз глубоко вздыхаю, дабы успокоиться.

— Ты можешь объяснить, зачем ты это сделала?

— Я тебе уже объяснила — не люблю, когда всякая уголовная мразь за мной следит. Ещё вопросы?

Точно больная. «Не любит» она. И что теперь, всех валить, кто нам не нравится?!

— На нас может полиция выйти.

Машет головой.

— Нет. Свидетелей не было, камер там тоже нет. Да и в Чайнатауне ни с какой полицией, кроме своей, сотрудничать не рвутся. А погибшие не оттуда, так что им наплевать. И вообще, сегодня таких трупов по городу десятка два наделают. Много кто под шумок решит счёты свести.

— Те, кто их послал, догадаются, кто это сделал. И пришлют новых — на этот раз уже не следить.

И ещё вопрос, кто именно их послал, прямо скажем. Блин, ну как же меня угораздило с этой сумасшедшей связаться?!

«Эта сумасшедшая», тем временем, беззаботно пожала плечами.

— Ну застрелишь их, в чём проблема-то?

Эхе-хе-х...

Ичасо, услышав мой тяжкий вздох, продолжила мысль:

— В жизни только так и бывает — либо ты охотник, либо ты жертва. Я жертвой быть не умею. И тебе не советую. Хотя, дело твоё, конечно. Но если ты боишься какой-то швали дать отпор, я не очень понимаю, в какую ты там «элитку» собрался на своём Дальнем Юге пролезть.

Мдя. Положить бы тебя на стол, голой попой кверху, да выпороть хорошенько. И я совсем не в эротическом контексте сейчас говорю. Ладно, что толку ругаться. Один хрен, ничего уже не изменишь. Надо думать, что дальше делать.

— Успокоился?

— Ага. Куда едем-то?

Ичасо в искреннем удивлении подняла брови.

— Слушай, у тебя точно после еды мозг отключается. На стрельбище мы же собирались. Вспомнил теперь?

— Угу. Вспомнил.

Эхе-хе-х... Прав был Булатов насчёт неё. Жизнь моя жестянка, как говаривал один персонаж. И чего мне так с девушками вечно не везёт?

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Лазарев-стрит,

офис паевого товарищества

«Колонизационное общество «Русский Юг»

— ...да мы вместо этого грузовика четырёх лошадей можем перевезти!

— И чё? Сколько времени эти четыре лошади будут семь тонн перевозить на сотню километров? Неделю? А грузовик за два часа перевезёт!

— Грузовик сломается на хрен, и нет его! Плюс, он горючку жрёт! А лошади жрут траву, ещё и размножаются! Через два года будет уже не четыре, а штук восемь.

— Ага, а ещё через десять лет покроют землю слоем в три метра, как дрозодилы, блин. Хорош фигну нести! С машиной ничего не случится, а если и случится — починим. А лошади твои передохнут, или сожрёт их кто, вот и всё. Двадцать штук берём, и хватит. Размножатся, как ты говоришь, ха-ха.

— Починит он... А запчасти откуда возьмёшь? По радио закажешь, чтоб Эн-Вэ-Эмом 23 прислали? И что ты там грузовиками возить собрался? Не будет такого грузопотока. И так четыре грузовика берём, куда, на хрен, ещё?! Лошади не сдохнут, если за ними нормально ухаживать. А если руки из задницы растут, то и машина сдохнет!

— Блин, теоретик, ты сам-то за ними ухаживать умеешь? Они ж в магазинах твоих только в виде колбасы бывают!..

Мдя. В общем, собрания «партактива» у нас проходят в живой и непринуждённой обстановке, хе-хе. Основная часть организационной работы, по понятным причинам, сама собой легла на плечи Глеба и, частично, Игоря, чему все пайщики только рады. С другой стороны, дураков тут нет, вроде как, и все прекрасно понимают — если ты сам в планировании не участвовал, то и претензии потом можешь предъявлять только самому себе. Кого-то это вполне устраивает, но меня — не очень. Как и ещё троих из двенадцати имеющихся на данный момент «отцов-

основателей», так что все мы в этот самый «партактив», собирающийся два-три раза в неделю в офисе на Лазарева, и входим.

Спорщики, так и не пришедшие к общему мнению (сюрприз-сюрприз, ага) откинулись на диваны и дружно посмотрели на Глеба. Хотя и мы и решаем важные вопросы голосованием, его мнение обычно становится решающим. Не всегда, но чаще всего. Умный мужик, и хозяйственный, этого не отнять.

Обязательное задумчивое поглаживание бороды перед ответом. Интересно, не засаливается она у него от этого?

— Я думаю, нужно взять грузовик...

Агитировавший за лошадей Степаныч, невысокий и пузатый владелец (уже экс-владелец, продал) небольшой сети продовольственных магазинов, вскинулся было, но Глеб успокоил его поднятой ладонью. Ещё не закончил, мол.

— ...есть решение об основании трёх поселений, так?

Все согласно кивнули. Три дня назад как-раз было окончательное решение по этому поводу, все пайщики собирались. Поскольку обнаружились желающие селиться как в среднем течении, так и выше, где пожарче, то и поселения будет два. Необходимость третьего, в устье, обсуждалась, но, раз уж обнаружился желающий из пайщиков, согласный на жизнь там, никто особо не спорил. Что? Нет, зачем же заставлять. Чай, не семнадцатый век на дворе, всё-таки. Нашлись желающие и из числа поселенцев. На сегодняшний день — две семьи старообрядцев из Терёхино, почему-то не ужившихся с односельчанами; месяц назад прошедшая ворота семья из Коми (странные люди — после тамошних-то холодов, я бы в самую жару поехал); калмык с женой-казачкой и пятью детьми (одним из первых записался, сейчас бы не взяли) и, наконец, молодая семейная пара с явным избытком дурной энергии. Кришнаиты, что б их... Какого хрена их несёт на Дальний Юг, да ещё в не самую комфортную его часть, мне пока что непонятно. Вообще, тот ещё цирк у меня там собирается, повеселюсь, чувствую. А? Ну да, я и есть тот самый «желающий» из числа пайщиков, кто же ещё? Нет, я не сумасшедший и не мазохист, но нефть-то где-то там, неподалёку. Вот и придётся мёрзнуть, эхе-хе-х...

— ...уже четыре грузовика на нужды колонии в целом. Два в Новгород, два в Ростов...

Ага, уже и названия дали. Как решили? Ну, сначала спорили до хрипоты, ясное дело, а потом голосовали. Кто в какое поселение едет, тот за такое и голосовал. Ну, да, не очень демократично, только пайщики могут голосовать. С другой стороны, деньги-то наши? Наши. Без нас ничего бы и не было. Так что, право имеем, хе-хе. Поэтому на севере у нас будет Новгород, а в центре, повыше Гискара — Ростов. Мне, кстати, спорить не пришлось, как и голосовать. Я же буду единственным из пайщиков в районе устья, так что удостоился привилегии выбрать название для будущего города (надеюсь, что дойдёт до этого) единолично.

— ...в Ладоге людей будет меньше, но хоть какая-то техника им всё равно нужна...

Угу, выбрал «Ладога». Ну, а почему нет? Имхо, красиво. Кому не нравится, может не ехать, хе-хе.

— ...плюс, это же устье, выход в океан. Неизбежно будет какой-то транзитный грузооборот. Поэтому, один грузовик им надо выделить, я считаю. А лошадей, Сергей Степанович, помимо общего фонда, ещё и переселенцы с собой возьмут, напоминаю вам. Уже три десятка, как

минимум, и ещё сколько-то прибавится. Так что, без них не останемся...

Степаныч тяжело вздохнул, его оппонент, Юрьич, довольно кивнул. Как дети, ё-моё.

— ...ставим на голосование, или все согласны взять пятый грузовик и передать его в Ладугу?

Кто-то пробормотал «согласны», другие промолчали, но возражений ни от кого не последовало. Глеб удовлетворённо хлопнул в ладоши.

— Отлично! Закрыли вопрос, значит. Переходим к спискам.

Списков у нас несколько. Самый важный, понятное дело, с пайщиками. По уставу компании включение в него требует согласия двух третей участников, включая директора (это, разумеется, Глеб). Либо, если он против, трёх четвертых. Ну, моя кандидатура ни у кого возражений не вызвала, даже собираться не стали — Глеб всех обзвонил, рассказал, что есть такой замечательный я, и всё на этом. Но вообще отказы бывали. Бывал, если точнее — не приняли какого-то местного китайца, хоть он и владел русским и вообще в Москве (заленточной) прожил лет десять до переезда сюда. Ну и правильно, что не приняли, я думаю. Китайцы ребята такие — стоит маленькую щелочку для них открыть, утром будешь стоять и удивляться, откуда столько набежало.

Второй список, называемый «основной», это те, кто уже твёрдо намерен переселяться, и на чьё переселение есть деньги. То есть, можно сказать, «пассажиры с билетами». Ну и третий, «общий», это кандидаты разной степени желания и желательности, хе-хе. Ах да, чуть не забыл — ещё есть нанятые рабочие и специалисты, на данный момент — около семи десятков (часть вернётся с «переселенческим флотом» обратно, часть останется до следующего сезона навигации. В частности, для нашего нефтяного предприятия — пятеро монтажников (они же бурильщики) и трое рабочих будущего мини-НПЗ. Монтажники потом обратно вернутся, вместе с судами, а рабочие останутся.

— ...предложение о покупке пая от Альберта Хачатуряна. Сорок один год, если в старые пересчитать, родился в Краснодаре, в Нью-Рино шесть лет, в Лебердоне живёт. Занимается строительством, я его знаю немного. Говорит, есть несколько армянских и грузинских семей, которые точно переселятся, если он будет в деле.

А вот это, имхо, совсем не преимущество, наоборот скорее.

— ...финансовую ситуацию все знаете, деньги нам очень нужны. Но и национальный фактор, понятно, тут есть. Кто что думает?

Солоневич, невзрачный пятидесяти-с-чем-то-летний мужичок с обликом умеренно пьющего пролетария, из которого чуть выбиваются разве что круглые очки в роговой оправе, пожал плечами.

— Зачем он нам нужен? Ещё и с несколькими семьями своих? Им палец дашь, они откусят руку и начнут перегрызать шею, что я их, не знаю, что ли. Обойдёмся без него.

Этих-то он точно знает, хе-хе. Не зря двадцать лет адвокатом в Лос-Анджелесе оттрубил. Он, кстати, и родился в Штатах, но русский язык и культуру в его семье хранили. Здесь, в Нью-Рино, один из самых высокооплачиваемых адвокатов в Верховном суде Территории. Но вот, глядишь ты, оплатил пай, жаждет на Дальний Юг, и в планировании активно участвует. У меня такое впечатление, что Юрьичу хочется оставить свой след в истории. Стать создателем юридической системы нового государства, и всё такое. Денег-то у него, как я понял, после

оплаты пая осталось не сильно много, но его тут все в верховного судью будущей колонии метят. Ну, почему нет? Жена умерла, единственный сын остался за ленточкой, новой семьёй тут не обзавёлся... остаётся только думать о вечном.

Игорь с сомнением покрутил головой.

— Да ну что такого-то, подумаешь, три-четыре семьи. Зато двести пятьдесят тысяч... ещё одно судно сможем нанять, а это, помимо армян с грузинами, ещё семей шесть-семь русских, а то и восемь. Деньги улетают со свистом, на сегодняшний день у нас в основном списке восемьдесят три семьи, это триста сорок девять человек старше трёх лет. А в общем уже за семь сотен, из них готовых к переходу в основной — человек триста. Весь вопрос в деньгах.

— Можем снизить нормативы. Мы же с запасом брали. — подал голос шестой из присутствующих, Егор Фролов, коренастый и заросший бородой по самые брови владелец ранчо востока Территории.

Глеб помотал головой.

— Это особо не поможет. Мы и так почти выбрали лимиты и по деньгам, и по вместимости. Ну, ещё по одной семье на корабль мы, допустим впихнём. Плюс семь семей, итого девяносто. Принципиально это ничего не решит, зато что-то важное придётся не взять из груза. И потом нас вполне может без этого «чего-то» так прижать, что взвоем.

Решаю вставить свои пять копеек.

— Лучше меньше, да лучше. Эти «несколько семей» — они как условие идут, или как возможный бонус, типа хотим/не хотим? Одно-то его мы как-нибудь переварим, если благодаря этому ещё судно появится, но несколько семей — нуах. Тем более, что семьи у них большие бывают...

— Формально звучало как «бонус», но подтекст такой, что условие. — чуть подумав, ответил Глеб.

— Тогда нафиг его. Пусть вон Ордену проплачивает, чтоб те Круглый остров армянам отдали.

Солоневич покачал головой:

— Харедим 24 отдадут. Вот увидите.

Ну, мне без разницы, в общем-то. Хоть зороастрийцам с езидами.

Глеб обвёл взглядом собравшихся.

— У кого ещё какие мысли?

Степаныч задумчиво причмокнул губами и помотал головой.

— Не нужен он нам.

— Егор?

Скотовод неопределённо пожал плечами.

— Если он будет один... ну, в смысле со своей семьёй только — я за. Но остальных нам

не нужно. Чтобы не обижался, можно сказать, что остальных вносим в общий список и в порядке очереди. С такими темпами, очередь до них всё равно не дойдёт.

Некоторые из присутствующих согласно закивали.

Хм... мысль-то интересная, спору нет. Но...

— Если он не сам по себе действует, а от общины, они просто оплатят ещё одно судно, вот и всё. А то и не одно. Не сейчас, после сезона дождей. И у нас не будет повода отказать — в списках-то люди были, с нами согласовывались.

Глеб обдумал моё замечание.

— Так-то оно так, но им ничто не мешает и без нашего согласия это сделать.

Мотаю головой.

— Это совсем другое будет — как часть общей движухи идти, или как конкурирующий проект.

— Возможно... ладно, голосуем. Кто за?

Немного поколебавшись, руку поднял Игорь. Фролов дёрнулся было, но опустил.

— Один человек. Против?

Все остальные.

— Смысла звонить остальным нет, решение не прошло.

Вот и хорошо. Деньги нужны, конечно, но не ценой отказа от идеи *русского* поселения.

Глеб откашлялся.

— Ещё есть тема для обсуждения. Мой старший, Олег, может тоже войти пайщиком...

Блин, вот с этого и надо было начинать! Отличная новость! Собравшиеся с интересом зашевелились.

— ...если дополнительный корабль пойдёт на несемейных. Пожитков у них меньше, можно будет сотню взять. Желающие есть.

Ага. Вопрос с «одиночками» уже обсуждался, и не раз, большинство высказывались против. Семейные переселенцы — одно дело, с ними проблемы вряд ли возникнут, а вот сотня мужиков без «тормозов» в виде жены и детей... могут возникнуть проблемы, особенно в плане субординации. Поэтому, на предыдущих собраниях было решено отложить их приём на следующий год, когда всё более-менее утрясётся. Глеб был единственным, кто всё время настаивал на том, что рабочие руки нужны уже сейчас.

Солоневич с сомнением поморщился.

— Обсуждали ведь уже. Одно дело, рабочие по контракту — они едут с конкретной целью, хотят вернуться на Север и получить деньги. И совсем другое — куча мужиков без особых достижений в жизни, зато с ветром в голове и хм... в других местах. Они тоже пригодятся, конечно, но попозже, когда всё уже устаканится. Я так считаю.

Забавно — на английском он совсем иначе выражается, как и приличествует адвокату. А вот на русском — типичный пролетарий, никакого диссонанса с обликом. Лёгкий акцент, впрочем, имеет место быть, от чего становится ещё забавнее.

Стук в дверь, и одновременно с ним в комнату ввалился, заметно прихрамывая, Саня Фролов. Тот самый, который на главного актёра из «Обитаемого острова» похож. Помните, кудрявый такой блондин героических пропорций?

— Привет всем! Извиняюсь, задержался.

Я бы даже сказал, опоздал. Странноватый он тип, честно говоря, и не очень мне нравится. Родился в здешней Москве, но служить пошёл к демидовским егерям. Три года гонял чеченов на правобережье Амазонки, уволился и свалил сюда, в Нью-Рино, где, благодаря киношной внешности и полученным ранее навыкам, быстро стал звездой килл-шоу типа «Дуэль» и «Мортал Комбат». Тех, знаете, в которых народ всерьёз рубится и воюет, до смерти. Тут они законны, а трансляции пользуются бешеным успехом что на Севере, что на Юге. На ставках делают огромные деньги, и гонорары наиболее раскрученных участников вполне сравнимы с заработками голливудских звёзд за ленточкой. Ну, с поправкой на масштаб, разумеется. Два года с лишним назад был серьёзно ранен, полностью не восстановился, в связи с чем карьеру пришлось заканчивать. В общем-то, вполне понятный и логичный (для людей определённого склада) жизненный путь, но вот какого хрена его в пайщики понесло — мне пока не очень ясно, мягко говоря.

Собравшиеся быстро вводят Фролова в курс обсуждаемого вопроса.

— А что, хорошее решение. Насчёт того, что кто-то кипишевать будет, зря волнуетесь. И укоротить можно, дело нехитрое, но лучше — дурную энергию в созидательное русло! — он весело, заразительно засмеялся. — Соберу отряд из самых непоседливых, пойдём через горы, озёрный край проверим. Или до буров сухопутный путь разведем. Короче, найдём, чем проблемных людей занять, не вопрос.

Вот-вот. Я лично того и опасаясь, что их соберёшь в отряд и найдёшь, чем занять. Увы, собравшихся он и Глеб явно убедили, так что, открыто возражать смысла нет. Да и что-то я не уверен в случайности появления «красавчика» именно в нужный (или ненужный, как посмотреть) момент. Глеб что-то мутит? Возможно.

После десятиминутного обсуждения, все соглашаемся с предложением о включении дополнительного пайщика и найме ещё одного судна, для несемейных колонистов. С одним из отсутствующих сейчас пайщиков Глеб идею уже обсудил, тот согласен, так что две трети голосов есть, включая директора, решение принято.

Высказываю промелькнувшую мысль:

— Надо будет проституток тогда завербовать. Хотя бы по две штуки на Новгород и Ростов. Иначе проблемы могут возникнуть, со временем.

Особых возражений идея ни у кого не вызывает, её здравость всем понятна.

На этом совещание заканчивается, и народ, что-то ещё обсуждая друг с другом, начинает рассасываться. А мне пока рано, надо обсудить с компаньонами подробности нашего нефтяного предприятия. Хотел до собрания, но не вышло — поздно приехал. Мне теперь сюда добираться далековато приходится, увы.

Глеб, пожав на прощание всем руки и попрощавшись, возвращается на своё место, Игорь тоже остался.

— Я смотрю, не очень ты рад этой идее с несемейными?

Ишь, наблюдательный какой... пожимаю плечами.

— Боюсь, проблемы будут. Ладно, что теперь — решили, значит решили. Что там по нашим делам?

Пока что всё шло неплохо. У демидовских, всё-таки, готовые установки на складах нашлись, не пришлось ждать. Представитель друга Глеба уже слетал в Демидовск на приёмку, деньги ушли, осталось дожидаться отгрузки...

Глеб довольно ухмыльнулся.

— По нашим делам всё отлично! Корабль с грузом сегодня утром вышел из Берегового. Корабль техасский, так что, если и прочухают, назад уже не вернут. Послезавтра к вечеру ожидается в Нью-Галвестоне. Оформляем перепродажу, и убираем на склад, до отплытия.

Облегчённо выдыхаю. И правда, замечательная новость. Я, честно говоря, переживал, что в последний момент что-нибудь сорвётся. «Рокфеллерство» всё ближе, хе-хе. Осталось нефть найти.

Обговорив ещё пару деталей, прощаюсь с мужиками и спускаюсь вниз... ага. По лестнице, мне навстречу, поднимается Саня Фролов. Увидев меня, сделал физиономию в духе «а я тут просто прогуливаюсь». Впрочем, его личное дело. Мутит что-то? Ну, я тоже мучу. Жизнь такая. Поэтому, просто киваем друг другу и расходимся по своим делам.

В холле, на стоящих вдоль стены стульях для посетителей, сидит среднего возраста мужик в просторного кроя лёгком пиджаке и коротковатыми рукавами. Судя по лицу, блаженствует. Ну, оно и немудрено — под пиджаком-то у него рубашка, а под ней — бронежилет. В здешнем климате ходить в таком прикиде получается жарковато. Ну да что поделаешь, издержки профессии. У меня, между прочим, у самого такой же под рубашкой, запарился уже.

Увидев меня, мужик поднимается навстречу.

— Выходим?

— Ага.

— Подождите пару секунд.

Подождём, что ж поделать. Роджер своё дело знает, не зря же я ему сто пятьдесят экю в день плачу, плюс бензин, питание, медстраховка и прочие накладные расходы. По крайней мере, хочется верить, что знает.

Вышеупомянутый Роджер, тем временем, извлёк из-под пиджака рацию и нажал на ней какую-то кнопочку. Получив, через пару секунд, ответ в виде тройного тонального сигнала, он удовлетворённо кивнул и повернулся ко мне.

— Выходим.

Я только за, не ночевать же тут. Телохранитель вышел первым, я за ним, наш «Сабурбан» уже

стоит прямо напротив выхода. Пять широких, быстрых шагов через тротуар, и я ныряю в услужливо распахнувшуюся мне навстречу дверь. Хорошая у них машина, ничего не скажешь. Водитель нажал на кнопку — дверь открылась. В обратную сторону, правда, такой фокус не действует, приходится вручную закрывать, что я и делаю. Ну да ничего страшного, не переломлюсь.

Роджер ловко запрыгнул на пассажирское сиденье впереди, и джип тут же тронулся с места. Водитель, плотный и жизнерадостный мексиканец Хесус, на секунду повернул ко мне круглую, усатую физиономию.

— Домой, босс?

— Ага.

«Домой» — это не на Аракчеева, оттуда я уже почти две недели, как съехал. Ну, не то, чтоб совсем съехал, оплачено-то вперёд, но и не живу там. «Во избежание», так сказать. Во избежание чего? Случайностей, ага. А то, знаете ли, случаются он иногда. А живу я, пока что, в отеле «Палермо», принадлежащем Семье Витали. Почему именно там? А у Витали несколько напряжённые отношения с Рашенз. Не война, нет, но кошка между ними пробежала, и не одна. Пусть Клим и прочие особи из числа товарищей покойного Бурята напрямую к Рашенз и не относятся, у них своя банда, «Читинские», но... понятно, в общем. По крайней мере, можно быть уверенным, что силой меня из отеля не заберут. Обходится, правда, недёшево — сто экю в сутки, и это ещё один из самых скромных номеров. Поначалу хотел и для телохранителей рядом номер снять, но амфибиотропная асфиксия победила, в итоге. Да и смысла особого нет — если уж кто-то захочет сделать что-то нехорошее со мной в отеле, то это может произойти только и исключительно с ведома его хозяев, а тогда два телохранителя никак не помогут. Да и двадцать бы не помогли, дураков на свете мало.

Где нашёл Роджера и Хесуса? Это в Нью-Рино не проблема. Услуга пользуется спросом, знаете ли. Специфика места. Охранных агентств и тому подобного — как блох на барбоске. Часовой поиск в городской Сети, чтение отзывов и рейтингов — и вот, пожалуйста: «Nelli&Inguanzo, Personal Protection and Executive Services» 25 к моим услугам. Нелли — это Роджер, с его глубоко скрытыми италоамериканскими корнями, он в их паре старший, а Ингансо — это, соответственно, Хесус. Они, кстати, на первой встрече сразу тактично предупредили, что в их «исполнительные услуги» то самое *исполнение* кого-то не входит, но я их успокоил — не надо мне такого. Ну, может, оно и надо бы, но как это сделать, и не попасться — я, пока что, не вижу. Зато эти ребята свели меня кое с кем ещё, чьи услуги также обошлись недёшево. Но, надеюсь, их я смогу на корпоративный счёт отнести, хе-хе.

Понятно, что захотят грохнуть — грохнут, и охрана не поможет. Снайпера вон посадят где-нибудь, хоть у того же офиса Глеба, и всё. Но, я так думаю, убивать меня Клим с дружками не хотят. Вернее, хотят, конечно, но, первым делом, попробуют выпотрошить. Сначала в финансовом плане, и только затем уже в физическом. Для этого им меня придётся похитить, а вот тут уже охрана вполне может помочь, во всяком случае, если нападать будут не профессионалы, а банда урок. Нелли, до прибытия на Новую Землю, успел и в армии послужить, с двумя турами в Ирак, и поработать телохранителем на каких-то там американских нефтяников, иракских министров и прочих людей рискованных профессий. Интересно, конечно, почему он в итоге оказался здесь, да ещё и без особых капиталов, ну да ладно. У Хесуса биография схожая — отслужил в мексиканской морской пехоте (даже не подозревал о существовании таковой, честно говоря), после чего тоже пошёл в телохранители. Благо, работа эта в стране текилы и сомбреро востребована — похищать

людей там любят и умеют. В общем, выглядят ребята серьёзно и, думаю, читинские отморозки им не ровня, даже с кратным численным перевесом.

А? Что Марат Феликсович и его смурнолицый коллега Павел по этому поводу думают? Хотел бы я сам знать. Булатову я пытался звонить в тот же день, как Ичасо отмочила свой фокус, но абонент оказался не абонент. Вообще, странно, конечно — если уж ты куда и уезжаешь (не вопрос, служба есть служба), так оставь телефон коллегам, чтоб можно было с тобой связаться. Но, видимо, чего-то я не понимаю в чекистской специфике. Как бы там ни было, с тех самых пор от новороссов ни слуху, ни духу. Да и чёрт с ними, честно говоря. Думаю, если бы Бурят оказался каким-нибудь капитаном Доржиевым, к примеру, меня бы уже известили. В грубой форме, скорее всего.

Протолкавшись по переполненным транспортом улицам (вечерний час пик, однако), наш «Сабурбан» выскочил, наконец, на Виа-Коррадино, ограничивающую анклав Семьи Витали с восточной стороны. С севера границей анклава служит Лас-Вегас-Стрип, и там, разумеется, тоже есть отель, «Фламинго», но ну его нафиг. Дороговато там, да и шумновато слишком. Так что, я лучше тут, с краешку...

На въезде на подземную парковку упитанный здоровяк типично мафиозного облика (даже утрированно-мафиозного, я бы сказал, наверное, специально такого поставили, для колорита) проверил наш пропуск и махнул рукой своему близнецу, стоящему чуть в стороне под навесом. Как они в этих чёрных костюмах не сдыхают на жаре, не понимаю. Да ещё с такой комплекцией. Хоть и в тени, но всё равно...

Тяжёлая металлическая труба шлагбаума уползла в стену, и Хесус быстро и плавно загнал машину вниз, на парковку. Первым вышел Роджер, внимательно огляделся, после чего дал сигнал рукой. Выходим, значит. Как я уже говорил, очень сомневаюсь, что кто-то нас тронет на территории Семьи Витали, ну да бережёного, как известно...

Хесус так и остался в машине, а вот его напарник ответственно проводил меня к лифту. Это я не к тому, что Хесус безответственный, а просто у него работа чуть другая.

— Ещё куда-то сегодня едете, босс?

— Да вроде не планирую. Поем здесь, в ресторане.

Я, в последнее время, стараюсь без насущной необходимости в город не выходить. Чревато оно, увы.

Роджер удовлетворённо кивнул. Ну да, ему-то хорошо — можно сидеть дома «в готовности», а денежка всё равно капает.

— Если вдруг что — звоните, сразу приедем.

Подходим к лифту. На отделке парковки тут явно сэкономили — голый бетон вокруг, а вот лифт сверкает начищенной бронзой на фоне дорогого дерева, этакий островок гнездящейся наверху роскоши.

— Окей. Давай, до завтра.

Роджер, тем не менее, бдительно проследил за тем, как я вхожу в лифт и показываю лифтёру (тоже косит под киношного мафиозо, но до двоих на въезде не дотягивает) карточку от номера. Тот широко улыбнулся и нажал кнопку третьего этажа. Всё, я перешёл в зону ответственности

службы безопасности Семьи Витали. Оно бы не так и плохо, но обходится дороговато. Эхе-хе-х, скорее бы отплытие. Дальний Юг ждёт, и нефть тоже.

VI

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Лас-Вегас-Стрип,

ресторан «Техасский гриль»

А бурбон местный, кстати, очень даже ничего. «Lone Star» который. Подсел я тут на него. И стейки в этом ресторанчике отличные, третий раз за неделю уже сюда выбираюсь. Но вот деньги всё так же вперёд берут, никаких льгот постоянным клиентам. Традиция, типа. Ну да ладно.

Официантка с выбивающейся из-под ковбойской шляпы копной светлых волос ловко приземлила на стол тарелку с громадным стейком и жаренной картошкой, несколько плосек с соусами и ещё один двойной бурбон. Эх, сопьюсь я так...

Краем глаза ловлю движение за соседним столиком. Хесус оторвался от своей порции жаренных крылышек и, двигаясь на удивление ловко и плавно для такой туши, выдвинулся между моим столиком и залом. Рука сама собой тянется к кобуре. Моя, в смысле, рука, не Хесуса. Ему-то, с его кулачищами, пистолет не сильно и нужен, дело Хесуса — перекрыть доступ ко мне, а не устраивать перестрелку в общественном месте. Перестрелку, если придётся, устроит Роджер, он для того и сидит отдельно, наискосок через проход, вроде как газеткой закрывшись.

Ага, вот и причина суматохи. В паре метров перед бывшим мексиканским морпехом стоит человек с усталым лицом водителя газенвагена. Очнулись-таки товарищи новороссы.

Павел спокойно приподнял ладони, как бы сигнализируя, что никаких недобрых замыслов не питает. А он не один, кстати — за спиной маячит крупный такой парнишка с чисто рязанской физиономией. Помельче Хесуса, впрочем.

Здоровяк-мексиканец сдвинулся чуть вбок и кинул на меня вопросительный взгляд. Киваю и показываю один палец. Хесус жестом предлагает Паше пройти вперёд, и жестом же останавливает двинувшегося было следом «рязанца». Паша, оглянувшись, сигнализирует напарнику, что всё в порядке и подходит ко мне, протягивая руку.

— Привет!

— Здорово!

Новоросс фыркает:

— Да как-то не слишком здорово. Ты чё, блин, творишь?

— Стейк кушаю. Будешь? Они тут хорошие. Вон, кстати, и официантка.

Павел оглянулся на подошедшую девушку.

— Пиво, светлое. Маленькую. Ничего больше не надо.

— Два экю!

Чекист, пробурчав что-то недовольное, полез в карман и расплатился, официантка убежала.

— На фи́га ты на Стрипе ешь? Тут всё дорого, и деньги вон вперёд трясут.

Пожимаю плечами.

— Говорю же — стейки тут хорошие. А что вперёд — не страшно, я же убежать не заплатив один хрен не собираюсь.

— Это хорошо, что не собираешься...

Никак не реагируя на явную иронию, приступаю к стейку. Ум, вкусно! Павел, не дождавшись реакции, продолжает.

— Что у тебя там с этими климовскими случилось?

— Следили за мной на машине. Как вокруг никого не стало — резко ускорились, начали догонять. У Бурята ствол в руках был. Пришлось реагировать.

По лицу Паши невозможно понять, покупает он эту историю или нет.

— А нам чего сразу не сказал?

— Я звонил на номер, который Феликсович оставил. «Абонент не абонент». Других вы мне не давали.

Собеседник с досадой цокнул языком.

— Да его срочно сорвали по другому делу, он не в городе сейчас. Ну, а к нам-то чего не пришёл?

Блин, он что, издевается?

Официантка принесла пиво, Паша схватил кружку и одним махом выдул треть. А ещё при исполнении, хе-хе.

— «К вам» — это куда? Я что-то не припомню, чтоб ты мне визитку с адресом оставил.

Павел кивнул налево, в сторону даунтауна.

— В центре же представительство Новороссии есть. Ризерфорд-билдинг, второй этаж. Мы-то конкретно не там, но они бы дали знать.

На это у меня ответ заготовлен.

— Млять, вы же сами мне все мозги проели, что и Орден следит, и вообще, враги кругом. И тут я кого-то валю и звиздую напрямиком в представительство Новороссии. Охренеть, конспирация! Может, мне медаль ещё на грудь нацепить, что б уж совсем никто не догадался?

Паша задумчиво хмыкнул.

— Ну, хэ-зэ... может, и так. Ладно, проехали, наша недоработка по части связи.

Ага. Как их недоработка, так «проехали». Ну-ну. Вообще, конечно, не очень мне верится в эту историю насчёт «срочно сорвали по другому делу». Либо хотели дать мне «попотеть», либо думали, что делать, либо ещё что-то.

— ...«Читинские» на ушах стоят. Хотят тебя завалить.

А я-то думал, они и не заметили.

— Ну, для того охрану и взял.

— Думаешь, поможет? — в вопросе отчётливо проскальзывает ирония.

— Если просто вальнуть хотят — то нет, наверное. А вот если украсть — то да. Думаю, они сначала денег с меня снять захотят, а уж потом шкуру.

Паша изобразил сомнение на физиономии.

— Не факт. Отморозки же, не угадаешь, что у них в голове. Я их тоже шуганул, конечно, но насколько это подействовало...

Заранее предугадывая ответ, всё же интересуюсь:

— А завалить их всех нельзя? Ну, или Клим, хотя бы? Остальным не до меня станет.

Новоросс с демонстративным сожалением развёл руками.

— Не, перебор будет. Мы здесь не настолько крепко стоим.

Выражаясь проще, я не настолько важен, чтобы портить отношения с теми же Рашенз. А сколько было понтов на той встрече: «Живьём в кислоте сварю», ага. Ну, в общем-то обижаться глупо, жизнь есть жизнь. Если только изначально наезд Клим не был организован Павлом сотоварищи, тогда повод для обиды есть. Увы, до правды тут чёрта с два докопаешься.

— ...охрана — хорошо. Мы тоже будем присматривать со стороны, если что — поможем.

Ага. Вопрос — кому. Впрочем, хоть в одном плане облегчение — будь та заваленная Ичасо двоица сослуживцами Павла, он бы себя несколько иначе вёл, я думаю. Хотя, не стоит актёрские способности товарищей чекистов недооценивать.

— ...чё у вас там с подготовкой делается?

Делаю максимально нейтральную физиономию.

— Да идёт процесс потихоньку, ничего особенного. Отплывём по графику, надеюсь, меньше полутора месяцев осталось. Готовимся...

Павла столь уклончивый ответ не устроил.

— Сколько человек вложились на сегодня? Сколько переселенцев есть? Кораблей?

Блин, ещё один. Не «кораблей», а «судов». Деревенщина, понимаешь.

— Паёв тринадцать оплачено, переселенцев четыре с половиной сотни гарантированных. Восемь судов для людей, танкер и два скотовоза. Мы же всё это каждую неделю в газете

публикуем, не в курсе, что ли? — позволяю себе маленькую шпильку. Павел, впрочем, никак на неё не реагирует и спокойно кивает.

— В курсе, в курсе. А чего армянину тому отказали? Хачатурян который?

Надо же, какой информированный.

— А нафиг он нужен?

Паша неопределённо поводит плечами.

— Ну, бабки же. Лишними бы не были.

Экий заботливый.

— Без него справимся. — и, прежде, чем дознание продолжится, задаю свой вопрос. — Слушай, а где вообще Клим обитает, и вся его кодла?

Чекист насторожился.

— А зачем тебе?

А то, можно подумать, непонятно.

— Да так... вдруг пригодится.

Мотает головой.

— Не надо делать глупостей. Или сам в процессе налажаешь, или потом, один хрен, Рашенз найдут и грохнут. Они это как беспредел оценят, и на бабки твои им будет начхать. Снайпер через улицу снимет, никакая охрана не поможет.

Так-то оно так, я и сам об этом думал. Но случаи, как известно, бывают разные...

— Да я пока ничего такого и не планирую. На всякий пожарный, лучше, чтоб инфа была. А то понадобится срочно, мало ли.

— Не надо тебе этого знать, меньше глупых идей в голову будет лезть. — ишь, как решительно, даже воздух этак категорично ладонью рубанул.

— ...по топливу что у вас там думают? Биодизель гнать собираетесь?

Хм... узнали что-то, или просто интересуются?

— Паш, Клим где живёт?

На лице новоросса ни тени раздражения, лишь терпеливое участие.

— Я же тебе сказал — не надо делать глупостей. От Клим мы постараемся прикрыть, сам только снова не отмочи ничего. Так что с топливом? Кто занимается?

Не, уважаемый, так меня не прогнёшь.

— Так что с Климом-то? Где живёт?

— Клим — не твоя забота. Твоя забота — выполнять задание.

О как заговорил. Ладно, устроим сеанс прочищения мозгов.

— Ты, Паша, что-то перепутал. Я на вас не работаю. Я согласился с тем, что *некоторое* зерно истины в рассуждениях Феликсовича есть, и канал связи между *нами* и *вами* может пригодиться. Вот и всё. Я не ваш сотрудник, и никаких обязательств у меня перед вами нет. Ферштейн?

Чекист криво усмехнулся.

— Что ж ты тогда, как на тебя наехали, сразу к нам за помощью побежал? Разбирался бы сам, если весь такой независимый.

— За помощью я к вам пришёл, потому что *вы* мне должны. Я выполнил *для вас* задание, о сути которого вы меня обманули и использовали втёмную. Из-за этого я чуть не пошёл под суд за убийство, потерял отличный бизнес и был вынужден уехать из места, которое меня вполне устраивало. И, кстати, толк от вашей помощи что-то не бросается в глаза, если меня те же «Читинские» завалить хотели.

Паша задумчиво поджал губы.

— Не думаю, что они хотели тебя завалить. Из машины, на скорости — не их стиль. Ты погорячился, что их вальнул.

Первую часть моей отповеди он решил оставить без ответа. Ну-ну.

— А зачем они меня догоняли и ствол в окно высунули? Хотели спросить, как проехать в библиотеку?

— Ну, пугнуть, может, хотели...

— Паш, ты сам понимаешь, какой бред несёшь? И что мне надо было, спокойно на всё это смотреть? Типа, «а вдруг они меня просто пугнуть хотят?», да?

Павел примирительно поднял ладони.

— Ладно-ладно, я же тебе ничего не предъявляю. Завалил и завалил, двумя уродами меньше. Никто по ним плакать не будет из нормальных людей. Беспokoюсь просто, как бы последствий не вышло.

— Ну вот и скажи, где твой тёзка с корешами обитает.

Лицо новоросса скривилось.

— Я бы таких «тёзок»... Во Фримонте, на Молдаванке. У них там на Декабристов бордель, и в том же здании сами живут. Только с тыльной стороны подъезд, по Джем-драйв. Но я тебя прошу — не горячись. Наломает дров, не разгребём потом. В лучшем случае, успеем тебя эвакуировать. Кстати...

Паша довольно убедительно сделал вид, что эта идея его только что осенила.

— ...может, тебе и правда из города свалить пока? Ты ж пай внёс уже. Пожил бы пока где-нибудь ещё, а к отплытию сразу в Галвестон махнул. Да там и жить можно, в общем-то,

нормальный город. Или... а давай к нам? В Новороссию, в смысле. Посмотришь своими глазами, что да как...

Нет уж, спасибо. Конечно, самому увидеть, как выглядит русский национал-социализм, было бы интересно, но... «что-то я очкую», как говорил персонаж известного шоу. Предложения, от которых нельзя отказаться, не только мафия умеет делать, спецслужбы тоже этим славятся. Что касается идеи отъезда вообще... можно, конечно, и даже приходило в голову. Но не хочется выпасть из процесса подготовки и планирования. Всё-таки, не часто выпадает шанс войти в число отцов-основателей новой нации. Впрочем, несколько позже я сваливать всё равно собираюсь, но посвящать в это товарищей чекистов не стоит, пожалуй.

— Да пока здесь дела есть, не до того.

— Хм... ну, смотри сам. Я же говорю — они реальная отморозь, сами не знают, что завтра отмочат.

— Будем посмотреть...

— Понятно. Ладно, вольному воля. Так что там у вас с топливом-то? С собой-то годовой запас не увезёшь.

Ну, в общем-то, можно и увезти, при желании. Благо, не так много потребителей у нас там намечается. Пяток грузовиков, кое-какая строительная техника, несколько десятков джипов и пикапов, куча мотоциклов разного калибра и профиля, сотня с лишним генераторов, две дюжины моторок и три речных самоходных баржи. Последние — если не утонут в процессе буксировки. Вообще, конечно, если с моей точки зрения, столь скромный объём потенциального рынка — это не «благо», а совсем даже наоборот. Понятно, что надеемся на быстрый рост в ближайшие годы, но надежды на хлеб не намажешь, как известно....

— Везём с собой мобильную буровую, геолог у нас есть — будем нефть искать.

— А чё, наметки есть какие-то? — спросил Паша вроде как невзначай.

— Мм... Конкретных нет, но Игорь Желтов говорит — должна быть нефть вдоль края прогиба, по которому Аустралис течёт. Вроде как, условия в таких местах подходящие, если на старый мир смотреть.

— Ну, наверное, геологам виднее. А пока не найдёте? И если вообще не найдёте?

— Пока не найдём — будем пользоваться тем, что привезли. С нами же танкер идёт. Потребителей-то кот наплакал, пока что. Ну, а если совсем уж не найдём — придётся, наверное, как-то с биодизелем исхитриться.

Паша со скучающим выражением лица пробарабанил пальцами по столешнице.

— А нефть-то как перерабатывать будете, если найдёте?

Ага, прочухали, значит, насчёт нашего мини-завода. Но он уже три дня, как в Нью-Галвестоне, на хорошо охраняемом складе. Поздно спохватились, ребята.

Делаю невинную физиономию.

— Так установку для перегонки с собой везём. У вас же и купили, нет?

На лице новоросса не дрогнул ни один мускул.

— У нас, у нас... больше не производит никто.

Думаю, развить тему ему хочется, но понимает, что толку от этого не будет.

— Ладно, чё, вроде всё обсудили. Вот, держи. — небольшой листок бумаги перекинул из Пашиного кармана на стол. — Телефон мой. Если проблемы какие, или что-то интересное — звони в любое время. Свой тоже дай, на всякий пожарный.

А то, можно подумать, не выяснили ещё. Я же с него Глебу звонил, например, а уж в то, что его телефон эти ребята не прослушивают, я ни за что не поверю. Впрочем, ладно, выёживаться ни к чему, так что пишу свой номер на вытащенной из держателя салфетке. А? Карандашом пишу, чем ещё? Не кровью же. Ношу вот карандаш с собой, есть такая давняя привычка.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, анклав Семьи Витали, Виа-Коррадино,

отель «Палермо»

Книжку, что ли, почитать? Больше, увы, заняться решительно нечем. В бар спускаться не стоит, я думаю, а то так и до алкоголизма можно докатиться, с выпивкой в одиночестве. Нет, ещё можно, конечно, телевизор посмотреть, но как-то не хочется воскрешать эту вредную привычку. С другой стороны, на югах-то у нас телевидения ещё долго не будет, к счастью, правильно? Так что, можно и посмотре...

Телефон звонит. Не мобильник, в смысле, а гостиничный, в номере который установлен. Что это им от меня понадобилось?

— Алло?

Приятный мужской баритон:

— Сеньор Чернофф, к вам пришла сеньорита Ичасо. Передать ей трубку?

Блин, сегодня что, день неожиданных визитов? Сначала Паша, теперь вот... эхе-хе-х...

— Да, давайте.

Лёгкий шорох в трубке, и голос поменялся на знакомый.

— Привет!

Звучит вполне легко и весело, хотя при расставании и поругались.

— Привет!

— Кабальеро угостит даму в баре?

Ну, по крайней мере, вопрос «чем заняться?» отпадает.

— Ага, сейчас спущусь.

Интересно, интересно... Мы не общались с того самого дня, как она изрешетила Бурята и второго урку, бывшего за рулём. По моей инициативе — сказал, что сейчас вокруг меня будет слишком опасно, и вообще на дно планирую залечь. На самом деле, скорее, просто был зол на неё за отмоченный фокус. Ну и вести сколь-нибудь скрытный образ жизни и одновременно поддерживать с ней отношения тоже было бы затруднительно. Ичасо, мягко говоря, в восторг от идеи не пришла, и наговорила кучу обидных вещей. Я обычно в таких случаях отмораживаюсь и прикидываюсь шлангом, не люблю ругаться, но тут не выдержал и тоже ответил, высказав своё мнение о её умственных способностях и психическом здоровье. Блин, думал, застрелит. Честно говоря, уже приготовился действовать, если она за стволом полезет. К счастью, дело было в машине посреди вечернего часа пик, мы, как раз, со стрельбища возвращались. Потому всё закончилось высаживанием меня на полпути и эмоциональными проклятиями на языке Дюма, которого я, один хрен, не понимаю. Любопытно, кстати, а почему она не на баскском ругается, когда разозлится?

Нахожу Ичасо в холле, элегантно сидящей в кресле закинув ногу на ногу и листающей какой-то журнал. Мужики, проходящие мимо, с интересом косятся. А вот хрен вам, обломитесь.

— Привет!

— Привет! Отлично выглядишь!

И правда, отлично. Стильное зелёное платье идеально облегает фигуру и прекрасно подходит к её рыжим волосам. Блин, эго меня на лирику потянуло. Похоже, опять спермотоксикоз начался, надо этот фактор учитывать в рассуждениях.

— Спасибо!

Улыбается. Интересно, а пистолет у неё где? Под такое платье точно не спрячешь. В сумочке, наверное.

Перемещаемся в бар. Он, как и весь отель, оформлен в неуловимом духе «Крёстного отца» и «Однажды в Америке», если вы понимаете, о чём я. Честно говоря, и сам не очень понимаю, о чём, но вот ассоциация именно такая возникает, почему-то. Очень мне нравились эти фильмы, одно время.

Ичасо заказывает какой-то сложный коктейль, ну а я решаю немного пошиковать и беру двойной «Lagavulin». Импортный, из-за ленточки, шестнадцатилетний. В Москве, помнится, такой тысяч за десять деревянных брал, а тут в баре уже по двадцать экю за «дринк» идёт. Ладно, не разорюсь.

Устраиваемся за маленьким столиком из тяжёлого, угольно-чёрного дерева. Из Дагомеи возят, кстати, оно ещё в воде тонет, как мне рассказывали.

— Сидишь в осаде? — чуть насмешливо улыбается. Не, на слабо меня не возьмёшь. Киваю.

— Сижу, что ещё делать...

Ичасо поднимает брови и указательным пальцем изображает выстрел. Намекает, вроде как, что именно следует делать. Да я-то и сам не против, теоретически рассуждая, но вот как это

в практическое русло перевести...

— Хлопот много от этого может быть. Да и я один, а их много. Не факт, что справлюсь.

— Ты, вообще-то, живёшь в самом бандитском городе этого мира. Тут людей, занимающихся такими делами, как грязи.

Скорее всего, и даже наверняка. Вот только сколь-нибудь надёжного способа воспользоваться их услугами я, увы, не вижу. Это, знаете ли, в голливудских фильмах существуют целые корпорации анонимных киллеров, получающих заказы через интернет (и оплату через него же). На практике же, говоря о заказных убийствах, в девяноста девяти процентах случаев (если не касаться политики и оргпреступности) этим занимаются те, кто лично знаком с, как минимум, заказчиком, а сплошь и рядом — и с жертвой тоже. И, опять же сплошь и рядом, первое, что они делают, получив заказ — это бегут к обозначенной жертве. Логично ведь, что жертва (а не заказчик) и есть самый заинтересованная сторона, соответственно, эту заинтересованность можно конвертировать в финансы. Учитывая же, что подходящих знакомых у меня в Нью-Рино нет, а вот «Читинские» здесь корни пустить уже успели, попытка найти исполнителя в самом лучшем случае закончится тем, что меня кинут на аванс, и ничего не выполнят. И это, повторюсь, лучший вариант. В худшем же предполагаемый киллер направится прямиком к Климу и... понятно, в общем.

Другой вопрос, что Ичасо далеко не дура (слегка сумасшедшая, возможно, но к интеллекту это отношения не имеет) и все расклады наверняка понимает не хуже меня. А то и лучше. Следовательно, раз она всё равно поднимает тему, то «это ж-ж-ж — не спроста». Хочет либо мне что-то предложить, либо навести на какую-то мысль. Вопрос только, надо ли мне это? Мм...

Нет, не надо. Как-то рывком понимаю, что не хочу я больше никаких игр и сложностей. Да, нервы щекочет, но ну его нафиг. Так можно легко заиграться, и, в итоге, оказаться в подвале у Клима, в компании Шустрого с *инструментами*. Это не считая вероятности просто получить пулю, садясь в машину. Всё, хватит с меня. Несколько дней на улаживание дел — и надо валить. Не «кого», а «куда», в данном случае.

Ичасо, устав дожидаться ответа, повторяет мысль.

— Можно найти тех, кто решит вопрос.

А вот её, пожалуй, в свои выводы посвящать не стоит. Раз уж новороссы, судя по общению с Павлом, всё-таки не при делах (не сто процентная уверенность, конечно, но скорее всего), это автоматически поднимает шансы на то, что «при делах» кто-то другой. Прекрасная рыжая басконка с зелёными глазами, например, умудрившаяся схлопотать два заочных смертных приговора в двух крупнейших государствах этого мира.

Дотрагиваюсь пальцем до уха и обвожу взглядом круг. Кстати, удивлюсь, если и вдруг жучков здесь нет.

Собеседница делает чуть пренебрежительную гримаску и пожимает плечами. Мол, «ну и что?».

— Не вижу пока необходимости в этом. Лишние хлопоты.

— Ты прямо как беременная школьница, которая думает, что «само рассосётся». Проблемы надо решать, не откладывая в долгий ящик. А то можно самому в ящике оказаться.

Блин, ну вот тебе-то что? Мои проблемы, я и решу. Вообще, если бы не ты, их было бы куда меньше, смею полагать. Да и какого, собственно, хрена, ты ко мне прицепилась? Деньги выуживать не пыталась, да и не тот ты тип, имхо. Свои способности в постели и вообще привлекательность я тоже трезво оцениваю, по улицам такие стадами ходят. Вывод? Что-то девушке от меня надо. А взять с меня, кроме денег, особо и нечего. Колечко или шубу она выпрашивать не станет, разумеется, а вот раскулачить меня в пользу мировой революции — как за здравие, что-то мне подсказывает.

— Если все проблемы сразу так «решать», сам быстро станешь проблемой для окружающих. И тогда решат тебя.

Ичасо раздражённо нахмурилась.

— Рассуждаешь, как старая бабка, противно слушать!

Мдя, что-то мне это начинает надоедать.

— Противно — не слушай.

Она вздохнула, явно пересиливая себя.

— Ладно, проехали... я не ссориться приехала.

Чудесно. А зачем? Нет, если ради совместного завтрака — я только за, конечно...

— ...сеньориту в кино? А потом ко мне можно, я в отеле не хочу на ночь оставаться...

Блин. Звучит замечательно, конечно, но... не подстава ли? Ясно, что Роджера и Хесуса я с собой к ней не возьму, они там явно лишние будут. И можно брать меня тёпленьким, быстренько убедить сотрудничать, после чего отвезти к знакомому оператору из Банка Ордена и опустошить счёт. Да, грязновато, и лишняя засветка, схема с Климом куда проще и бесппроблемнее, но, как говорится, на безрыбье и щуку раком. Это я к примеру, можно и ещё что-нибудь этакое придумать.

Мотаю головой.

— С удовольствием бы, но не могу. Это слишком опасно, пока ситуация не урегулировалась. Я, как раз, через местных авторитетов пытаюсь решить... а пока что, не хочу тебя риску подвергать.

Не пытаюсь, в связи с отсутствием нужных для этого связей, но немного туману напустить не помешает, я думаю.

— Я вполне могу не только за себя постоять, но ещё и за тебя!

Ага, постояла уже. Так, что мне пришлось экстренно менять жильё, а без охраны теперь и на улицу не выйти. Нет уж, спасибо, не нужна мне такая «поддержка».

Поскольку надежда на совместное перемещение из бара ко мне в номер и последующий секс ещё не угасла, пробую успокоить красавицу.

— Да я знаю, что можешь! Я просто за тебя переживаю...

— Засунь себе в задницу своё беспокойство!

Господи, зачем же так орать-то? Люди оглядываются. Не видать мне сегодня секса, похоже. Увы и ах.

— Ичасо, успокойся, не кричи...

Рыжая басконка с презрением на лице встаёт с места.

— Я в тебе ошиблась! Думала, у тебя яйца есть! Жаль, что потратила время на такое ничтожество!

Да что ж ты орёшь-то так, идиотка? Мне в этом баре ещё несколько вечеров проводить, как минимум.

Показываю пальцем в сторону выхода.

— Дверь у тебя за спиной. Выходишь, и трата времени прекращается.

Блин, я уж думал, сейчас в сумочку за пистолетом полезет. Даже правая рука чуть к кобуре дёрнулась. Ичасо, разумеется, это заметила, презрительно сверкнула зелёными глазами (мол, так и знала, что ты трус и сволочь, даже пристрелить себя девушке не дашь), развернулась и стремительным шагом покинула бар. Наверное, будь на ногах не туфли на высоком каблуке, а её обычные ботинки — выбежала бы.

Бармен и официантка профессионально проигнорировали разыгравшуюся сцену, а вот несколько редких в столь ранний час посетителей с явным интересом сначала проводили взглядами девушку, а затем покосились на меня. Ну, да, если они испанского и не понимают, по интонации догадаться о ссоре несложно.

Интересно, сколько в произошедшем баскского темперамента, а сколько актёрства? Ичасо явно хотела меня вытащить из отеля, причём туда, куда брать охрану выглядело бы глупо. Зачем? Она как-то связана с Климом, или товарищи троцкисты ведут отдельную игру? Или у меня просто паранойя разыгралась?

Ладно, не важно, один хрен, ничего уже не исправишь. Главное, что эта встреча помогла принять решение о дальнейших планах — в темпе заканчиваю дела и сваливаю, буду дожидаться отплытия нашего переселенческого каравана в другом месте. В каком? Мм... надо подумать. Можно в Нью-Галвестоне, собственно. Хотя, с другой стороны, там меня и искать будут в первую очередь. Ну, если предположить, что кто-то вообще будет искать. Но лучше предположить. Потому как если ты готов к тому, что тебя ищут, а этого не происходит, то имеет место приятный сюрприз. Если же всё наоборот — то неприятный, а приятные сюрпризы я люблю куда больше.

Эхе-хе-х... жаль, всё-таки, что секс сорвался. Как-то эта тема набирает актуальность с каждым днём своего отсутствия, если можно так сформулировать. Проститутку, что ли, в номер заказать? В отеле есть такой сервис, вполне официальный. Я, в общем-то, платной любви не большой поклонник, но как-то вот взгрустнулось, мдя. Хм... ладно, посмотрим. Главное, чтоб она не оказалась тех же кровей, что и хозяйка всего этого места. При всей моей горячей любви к острову Деметры, 26 тамошние женщины в число его основных достоинств явно не входят.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, анклав Семьи Витали, Виа-Коррадино,

отель «Палермо»

Телефон зазвонил, когда я был в душе. Несколько секунд колеблюсь, но, в итоге, шлёпаю босыми ногами по полу, оставляя за собой мокрые следы. Вдруг срочное что-то? Девушку я на ночь не оставлял, не люблю, когда рядом спит неизвестно кто, так что и не попросить её, что б телефон принесла.

Не понял, а почему экран тёмн... а, не тот телефон. У меня же их несколько сейчас. А звонит... ага, вот этот. Диего звонит. Ну, или кто-то прострелил ему башку и теперь пробивает оставшиеся в телефоне контакты, на предмет встретиться и повторить фокус. Такое тоже бывает.

— Алло?

— Доброе утро, сеньор!

Диего. Судя по голосу, в хорошем настроении, значит, никто ему голову не прострелил.

— Доброе утро. Новости?

— Да. Всё подтвердилось, вы были правы. Материалы у меня. Как мне лучше всего их вам передать?

«...и получить свои деньги», явственно прозвучало в голосе земляка Хесуса. На мгновение задумываюсь — проще всего, конечно, чтобы он всё привёз прямо сюда, но... нет, не стоит. Мало ли, кто тут может за мной наблюдать. Заинтересуются, начнут копать...

— Давайте в том же месте, где в первый раз встречались. В такое же время.

— Очень хорошо, буду ждать.

Так, в прошлый раз мы встречались около полудня, так что у меня ещё почти два часа. Как раз, успею неспеша позавтракать в гостиничном ресторане. Душ только доприму, сначала, а то так и торчу посреди комнаты — голый, мокрый и с намыленной головой.

Девушка, кстати, из Черкасс оказалась. Ну, хоть не сицилийка, и на том спасибо, а то те совсем уж не в моём вкусе. А эта ничего так, симпатичная.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Баррьо-Бронсе, Куантемок-стрит,

бар «Матеуалита»

Вообще, конечно, я всяческую аутентичную еду и (особенно) выпивку уважаю. Но, всё-таки, заказал не текилу, а пиво. Ибо моё понимание распития текилы (сугубое имхо, на звание специалиста не претендую) — это либо в уличном ресторанчике с играющим у столика ансамблем мариачи, 27 либо в более интимной обстановке и в компании с девушкой. А средней общарпанности бар и компания упитанного, невысокого мексиканца как-то не располагают, знаете ли.

Диего, такими сложностями не заморачивающийся и взявший двойной бурбон, с торжествующим видом выложил на обструганные доски стола бумажную папку.

— Вы оказались совершенно правы, сеньор! Двое из списка встречались с девушкой и вот этим человеком. — он достал из папки первую фотографию. Незнакомый мужик лет сорока-пятидесяти, белый, с короткой щёткой усов на суровой, нахмуренной физиономии. Снят явно без его ведома, издалека, но хорошим аппаратом.

Диего, тем временем, продолжает.

— ...вот он заходит в дом номер пятьдесят три по Канзас-стрит, это в Спрингфилде. Дом жилой, трёхэтажный, по в подъезде по четыре квартиры на этаже. К сожалению, установить, в какой именно квартире происходят встречи мне пока не удалось. С Усатым каждый раз были два человека, один оставался в машине, второй поднимался с ним наверх. Судя по поведению и внешними виду — простые «мускулы».

Ещё две фотографии. Обычные парни лет двадцати с чем-то, довольно крепкие с виду, один оба латиносы, у одного индейская кровь заметна очень сильно, второй скорее испанского типа.

— ...появляется девушка. Обратите внимание на время — оба раза через пятнадцать-двадцать минут. В первый раз мы на этот дом вышли, следя за ней, но и тогда Усатый на встрече был — вот он, выходит. Всего, таким образом, мы зафиксировали три встречи. — он сделал паузу и вопросительно взглянул на меня. Одобрения, что ли, ждёт? Киваю — продолжай, мол.

— А вот появляются двое из вашего списка — Евгений Спиридонов и Олег Кравченко. — к некоторому моему удивлению, частный детектив из Мексики произнёс трудные для испаноязычных людей русские имена почти правильно. На следующих фотографиях видны двое ничем особо не примечательных белых мужиков, заходящих в подъезд и выходящих из него. Вернее, кое чем они очень даже примечательны, просто на фотографии этого не увидишь — оба входят в основной список будущей русской колонии на Дальнем Юге по категории «бессемейные рабочие». Любопытно...

— ...все объекты, включая рабочих, обнаружили навыки обнаружения слежки, охрана Усатого вела контрнаблюдение. — предупреждая мой вопрос, мексиканец успокаивающе поднял руку — Я совершенно уверен, что нас они не засекали. Мы умеем работать, и это наш город. Для наблюдения я привлёк пять человек, все профессионалы, все отлично знают своё дело. Но дальнейшую разработку объектов я счёл нецелесообразным до консультации с вами. Насколько я понимаю, первоначальная цель уже достигнута — выявлены контакты между указанной вами персоной и людьми из списка колонистов. Должен сразу предупредить, что, учитывая специфику объектов, дальнейшее расследование, если таковое будет, обойдётся вам недёшево.

Ага, можно подумать, ты мне до сих пор дёшево обходился. Ладно, что уж тут жаловаться. Сам же его предупредил о том, что «объекты наблюдения» слежку выявлять умеют и относятся к ней нервно. С другой стороны, а как было не предупредить? Тогда вся затея и вовсе не имела

смысла, только аванс бы зря потратил.

— Вы поступили совершенно правильно, Диего. Пока что этой информации мне достаточно. Большое спасибо.

Толстяк (хотя, он не жирный, плотный скорее, этакая уменьшенная копия Хесуса) удовлетворённо кивает. Думаю, ему и самому не очень хочется продолжать следить за явно опасными «объектами», но признать это вслух гордость бы, разумеется, не позволила.

— Сколько я вам должен?

На столе появился лист бумаги с несколькими табличками и пояснениями к ним.

— Вот расчёт, пожалуйста. Затрачено человеко-часов, с учётом...

Ишь ты, бюрократию какую развёл, вместе с бухгалтерией. Хотя, удивительного мало, вообще-то. Хотя на просторах одной шестой и распространено мнение, что в Латине одна сплошная «маньяна» 28 и никому ничего не надо и царит сплошное разгильдяйство (и это мнение, *до определённой степени*, даже соответствует действительности), в плане бюрократии их крапивное семя российскому ещё сто очков вперёд даст.

— ...за вычетом аванса, получается две тысячи семьсот экую, сеньор.

Эхе-хе-х... чувствую, как жаба решительно пережимает трахею. Ладно, что поделаешь — нужно платить. Есть у меня мысль попробовать себе эти деньги компенсировать из бюджета нашего колониального общества, но это уже без гарантий — я же хоть и на общее благо действую, но по своей инициативе.

Отсчитываю пять пятисоток и столько же сотенных. Принцип дополнительного вознаграждения за хорошо сделанную работу никто не отменял, а Диего и его детективное агентство мне ещё могут понадобиться. Могут и не понадобиться, конечно, но тут уж лучше соломку подстелить, а от лишних трёх сотен не разорюсь.

Мексиканец довольно улыбается, на фирменном бланке пишет расписку за деньги и, одним глотком добив бурбон, откланивается. Не забыв попрощаться с сидящим чуть поодаль Роджером — они знакомы, а Хесуса он вообще ещё по Мексике знает. Собственно, именно телохранители мне Диего и посоветовали.

В глубокой задумчивости, потихоньку допиваю пиво. По крайней мере, теперь есть ясность в плане того, зачем Марк ходил на то самое первоначальное собрание, на котором я вообще узнал обо всей этой затее с колонией. Сто к одному, что товарищи марксисты (или троцкисты, кто уж они там) хотят получить под свой контроль ещё один анклав. На западном побережье Халифата им это удалось, а аппетит, как известно, приходит во время еды. Ну, это мы ещё поглядим, что у них получится.

Вообще, конечно, неплохо было бы и с новороссами такую же штуку провернуть. Зуб даю, кого-то они к нам заслали, таким же макарон. Но, боюсь, скрытно проследить за кадровыми разведчиками у Диего и его людей умения не хватит. А если сослуживцы Марата Феликсовича узнают, что я нанял кого-то за ними следить, они это могут расценить, как... нехорошо, короче, могут расценить. Не надо мне этого, и так проблем хватает.

А вот что мне надо, так это пообщаться с Глебом, и чем быстрее, тем лучше. Киваю домучивающему что-то безалкогольное Роджеру в сторону выхода. Тот понятливо кивает

в ответ и тянет из-под пиджака коробочку рации. Блин, надоело мне уже чувствовать себя «охраняемым объектом», честно говоря. Ладно, недолго осталось.

...

Свободная территория Невада и Аризона,

Нью-Рино, Фримонт, Лазарев-стрит,

офис правого товарищества

«Колонизационное общество «Русский Юг»

— ...вот. Ну и поехал к тебе, обсудить.

Глеб хмуро посмотрел на висящую на стене карту и вздохнул.

— Понятно... Сколько потратил на это дело?

Вот, это правильный подход. Уважаю.

— Четыре. Документы есть.

Бородач присвистнул.

— Неплохо.

Пожимаю плечами.

— Контингент опасный, за такими слежка дорого стоит.

— Ладно. Компенсируем из фонда. Как думаешь, что они собираются устроить?

— Начнут с завоевания авторитета, скорее всего. Для начала выпивку там пару раз всем поставить, поговорить по душам. Потом к агитации перейдут. За несправедливость жизни, с переходом на конкретных виновников. Рабочие, *особенно несемейные*, в этом плане народ подверженный всякой хрени. А по ушам ездить эти ребята умеют, я думаю, иначе бы их не отправляли.

«Несемейные» я малость выделил голосом, типа предупреждал ведь, что мимо внимания Глеба не прошло, судя по мелькнувшему в глазах раздражению. Впрочем, отвечать он не стал, вместо этого задав следующий вопрос:

— Что делать предлагаешь?

Это я уже обдумал, по пути сюда.

— Выкидывать их из списка сейчас смысла нет — подсунут кого-то другого. Уже в Нью-Галвестоне скажем, перед посадкой, что ни фига они не велкам.

Глеб согласно кивнул.

— Хорошо. У нас всё на финишную прямую выходит, думаю, пайщиков уже новых не появится. Послезавтра собрание, поставлю вопрос об уплотнении — возьмём ещё семь семей из общего списка, тридцать шесть человек, и на этом всё. Что думаешь?

— Я за. Люди пригодятся, тесноту в дороге потерпим, а всякого добра и так много берём с собой — не пропадём.

Раз уж речь зашла о дальнейших планах...

— Слушай, мне тут уехать надо срочно, по делам. Так что, на собрании меня не будет, тебе тогда голос передаю. За моим грузом присмотришь тогда, если до начала перевозки не вернусь?

Здоровяк воспринял новость философски.

— Не вопрос. Когда вернёшься?

Да вообще-то, я сюда возвращаться не планирую. Но распространяться об этом не стоит, думаю. Информация — штука такая, пока её только ты знаешь — ты ей хозяин, а как хоть с кем-то поделился, так уже и нет.

— Через недельку, думаю. Ну, может, попозже чуть.

Направление убытия я не уточнил, а Глеб не стал проявлять неуместное любопытство. А? Что за «мой груз»? Ну, всякое-разное-нужное. Я же не с одной сумкой на край света поеду, правильно? Собственно, у меня, кроме сменной одежды и носков/трусов, в гостиничном номере только автомат и винтовка, всё остальное уже упаковано и на складе.

Попрощавшись с нашим «фюрером», спускаюсь вниз. Роджер, завидев меня, неспешно тянется к рации. Теперь вернусь в отель, соберу стволы и можно ехать в аэропорт. Билет до того же Нью-Галвестона или Форт-Линкольна заранее брать не обязательно, там небольшие самолёты в режиме воздушной маршрутки функционируют — вылет чуть ли не каждый час.

Что-то как-то дискомфортно я себя ощущаю. Не в плане «съел не то», а скорее некое беспокойство. Причём, довольно быстро нарастающее. Хм... с чего бы это? Что-то пропустил, а интуиция пытается помочь?

В машине чувство опасности не проходит, скорее даже наоборот. Почему? Роджер! Ведёт себя как-то не так. Не нервно, а скорее наоборот, нарочито вальяжно. Поведение Хесуса я оценить не могу, прямо у него за спиной сижу. Или это у меня паранойя разыгралась?

Поворачиваем с Лазарева на Четырнадцатую авеню — грязноватую, застроенную, в основном, складами и дешёвым жильём улицу, ведущую на юг. Маршруты Хесус регулярно меняет, так что, пока ничего необычного не происходит. На Четырнадцатой пробок мало, всё логично.

Наш водитель подал голос.

— Там дальше трубы переключают, через промзону на Сандерс-стрит выскочим.

Хм... а какого, в таком случае, ты вообще сюда поёрся? Ехал бы по Александра Второго до упора, а там три дороги на юг, выбирай не хочу. И вообще, раньше за Хесусом привычки озвучивать маршрут не водилось. Что-то мне всё это не нравится...

Наш «Сабурбан» на приличной скорости вошёл в поворот, меня по инерции прижимает к двери слева.левой рукой хватаюсь за спинку водительского кресла, правая идёт вниз, к Кольту. Через узкий промежуток слева вижу впереди высокие металлические ворота. Закрытые! Тупик!

Правой рукой выдёргиваю пистолет из кобуры, машина резко тормозит, меня кидает было вперёд, но упёртая в спинку кресла левая позволяет сохранить равновесие. Роджер резко поворачивается ко мне, в руке пистолет, но ему надо развернуться, а мне только поднять оружие, так что я успеваю первым. Глаза американца при виде направленного в лицо ствола удивлённо расширяются...

Банг!

Грохот выстрела в замкнутом пространстве салона бьёт по ушам, на месте правого глаза Роджера появляется дыра, а на стекло позади него выплёскиваются красно-серо-розовые сгустки. Не теряя ни секунды, упираю ствол в подголовник кресла Хесуса, пониже его выглядывающей макушки.

Банг!

На этот раз, прозвучало глуше, но, один хрен, громко. Всё лобовое заляпано, в салоне непереносимо воняет порохом и мозгами. Да, мозг, если его выбить, очень воняет, почему-то.

Выскакиваю из «Субурбана», падаю на колено, ствол в сторону дороги. По идее, сейчас должен...

Белый «Ленд Крузер» с затонированными наглухо стёклами резко, но без всяких киношных красот в виде горящих шин тормозит у въезда в тупик.

Банг! Банг! Банг! Банг!

Окна передней и задней пассажирских дверей проваливаются внутрь под ударами тяжёлых пуль сорок пятого калибра, мелькают чьи-то перекошенные физиономии, у одной из которых не хватает нижней челюсти, но водитель «крузака» уже давит на газ и джин с визгом срывается с места.

Меняю магазин. Подавив инстинктивное желание немедленно бежать, оглядываюсь по сторонам. Ага, тупик не глухой — вперёд-влево идёт узкий проезд, перекрытый запёртым на висячий замок шлагбаумом. Подбегаю поближе — в дальнем конце проезда, метров через сто, такой же шлагбаум, за которым видна улица, вот, машина промелькнула. Ну да, всё правильно — Сандрес-стрит там.

Собирать гильзы нет времени, да и особого смысла — магазины я снаряжал в перчатках, спасибо Ичасо за напоминание, а в самой машине моих отпечатков так и так полно. Быстро осмотреть себя... несколько капель попало, но ничего страшного — одежда достаточно тёмная, сейчас подсохнет, ничего видно не будет. А вот как следует провести ладонью по лицу — обязательно. На лице кровь отлично заметна, а сам не всегда почувствуешь. Будете кого-то валить в упор — не забудьте, важный момент. Всё, хорош думать, надо трясти... э-э... бежать, в смысле.

В конце проезда, перед выходом на улицу, перехожу с галопа на шаг. Ни к чему лишнее внимание к себе привлекать. Так, отдышаться чуть... убирать или нет пистолет? С одной стороны, человек с оружием в руках внимание к себе однозначно привлечёт. С другой — а что,

если ребята в белом «крузаке» хорошо знакомы с местностью, предугадали мои перемещения и сейчас ждут не дождутся, когда я покажусь? Ладно, убирать пока не буду, просто опущу, вот так вот, чтобы в глаза не бросалось. И аккуратно так, бочком, выгляну...

Вроде бы, всё нормально. Забор складской зоны с моей стороны, пара унылого вида четырёхэтажек с другой, а там дальше опять заборы какие-то. Машин немного, пешеходов поблизости нет вообще. О, такси! Обычное, не тримобиль, а какой-то американский седан. Ну, оно и к лучшему — разглядеть меня внутри будет трудновато. Не думаю, что подстава — так быстро организовать никто бы не смог. Убрав Кольт в кобуру, решительно шагаю к обочине и взмахиваю рукой. Такси прижимается к обочине. За рулём типичный уроженец Анд, с гордым орлиным профилем, прямыми тёмными волосами и лишними килограммами этак тридцатью живого веса.

— Куда ехать, сэр?

Пытаюсь, в меру сил, изобразить американский акцент.

— Аэропорт.

— Конечно, садитесь.

Вообще, конечно, торговаться принято до посадки, но, учитывая обстоятельства, это было бы явным перебором. Так что я быстро сажусь на заднее сиденье и захлопываю за собой дверь. Такси трогается с места.

— Сколько?

— Пятнадцать экю, сэр, как обычно.

— Ты что, шутишь, что ли? Десятка, или останавливай, я другого найду.

Водила энергично машет головой.

— Десять — это очень мало, сэр! Давайте хотя бы двенадцать!

— Окей.

Не то, чтобы мне было так уж жалко трёх экю, но человек, не торгующийся с таксистом, вызывает в Нью-Рино недоумение.

Ладно, до аэропорта отсюда ехать минут двадцать, успею подумать о делах наших скорбных. Какого хрена произошло? Первое, что приходит в голову — «Читинские» выяснили, кто меня охраняет, вышли на контакт с Роджером и Хесусом и просто-напросто им заплатили. Тормозят в тупике, берут «объект» на мушку, урки подлетают, выдёргивают меня из машины, закидывают в свою и увозят. Изящно и элегантно, никакой стрельбы, я просто тихо исчезаю, а потом опустошается мой банковский счёт. Но кое-что меня смущает... как-то очень уж бестолково мои телохранители действовали. Впервые у них такое, перенервничали? Ну, возможно, возможно...

Обжигает внезапная мысль — а вдруг, я всё понял совершенно неправильно? Шлагбаумы в начале и конце проезда были совсем новенькими, свежеекрашенными, замки на них тоже новые и блестящие, даже цемент у основания не успел потемнеть. Что, если охранники

заметили слезку, в лице белого «крузака», меня нервировать не стали, Хесус решил оторваться через проулок. Город они знают, но, если заграждения установили недавно, это вполне могло оказаться для них сюрпризом. Неожиданно влетели в тупик, сзади преследователи, Роджер достал пистолет, повернулся ко мне, дабы ввести в курс дела...

А я их обоих завалил на месте. Возможно? Хм... возможно. Блин, неудобно как-то получается, если так.

Спираль мыслей, тем временем, продолжает раскручиваться, и на ум приходит совсем уж неприятная догадка. Паша, на нашей последней встрече, сказал, что они тоже будут за мной присматривать. Что, если именно этот «присмотр» мои телохранители и заметили? Возможно, Хесус подал Роджеру какой-то условный знак, потому американец и напрягся. Решили оторваться от слезки, свернули... ну, а дальше всё, как я уже представлял. С тем только исключением, что в этом случае, получается, я расстрелял машину не с блатными, а с новоросскими оперативниками. Млять, совсем уж хреновый какой-то вариант выходит.

Вспоминаю мелькнувшее в разбитом окне лицо. Нижнюю челюсть если и не снесло к чёртовой матери, то, как минимум, сильно повредило. Хотя, мне тогда показалось, что оторвало с концами. Короче, изуродовало точно чувака. И это я ещё не знаю, в кого остальные пули попали. Какие бы у них планы на меня не были, сомневаюсь, что такое простят.

Усилием воли подавляю желание поторопить водителя. Улицы достаточно свободны, для вечернего часа пик ещё рано, такси едет быстро. Минут через семь-восемь будем в аэропорту.

Ладно, зря себя накручивать не имеет смысла, что случилось — то случилось. В конце концов, вариант с «Читинскими» и подкупом телохранителей мне по-прежнему кажется наиболее вероятным.

Блин, хреново, что всё длинноствольное оружие осталось в гостинице, включая винтовку. Её особенно жалко. Можно, конечно, потом попробовать от администрации дистанционно добиться, чтобы куда-то выслали, но... с учётом оставшихся в «Сабурбане» двух трупов и моей однозначной к ним привязки — не уверен, насколько это разумная идея. Свободная территория Невада и Аризона — единственный анклав на Севере, не входящий в новоземельский Интерпол, по обоюдному нежеланию сторон, так сказать. Причины очевидны. Но, тем не менее, уверен, какое-то взаимодействие имеет место быть. Так что, надо до отплытия куда-то зашкериться, и не отсвечивать. Правда, как раз при отплытии-то меня наверняка и будут подлавливать, если кому-то такая мысль в голову придёт. Ладно, там что-нибудь придумаю, пока что, надо умудриться из Нью-Рино свалить.

Сообразят ли они сразу рвануть в аэропорт? Хм... во-первых, смотря кто «они». Если в «Ленд Крузере» были дружки Клима — сомневаюсь. А вот если кто-то из коллег Павла — вполне возможно. Но, в любом случае, «им», ко бы они не были, сначала надо будет позаботиться о раненном. Сомневаюсь, что его повезут в обычный госпиталь. Хотя... чёрт его знает. Не настолько я знаком со здешними порядками. Не думаю, что у разведки Новороссии в Нью-Рино такой уж большой запас оперативников, да и какое-то время на реакцию всё равно потребуется. Надеюсь, успею...

Всё, аэропорт! Расплатившись с таксистом, быстрым шагом иду к табло вылетов. Здесь всё цивильно, никакой чёрной доски и мела, как в Мандела-Сити, или наборных пластиковых букв, как в Кейпе — современное электронное табло, не хуже, чем в старом мире. Так, что у нас тут...

Сейчас шестнадцать-ноль-три. Через семь минут летит рейс в Форт-Линкольн, но, думаю, на него я уже никак не успею. В половину — рейс до Ситьо-де-ла-Луз, с промежуточной посадкой в Фиделе. Не, не надо мне туда. Ага, потом без пятнадцати вылет в Алабама-Сити, а затем следующий аж семнадцать-двадцать, в Милан. Не, это уже позновато будет, не хочу я здесь столько времени торчать. Понятно, что аэропорт — территория Семьи Витали, и просто так отсюда никого не заберёшь. Но, с другой стороны, для тех же Витали я никто и звать меня никак, посему не стоит излишни рассчитывать на их гостеприимство. Они, в конце концов, Пуштунвали 29 не соблюдают. После рейса на Милан вылеты вообще идут один за другим, через каждые десять минут, но, увы, я так долго ждать не могу. Так что, посмотрим, как там жизнь в Алабама-Сити.

Оглядевшись по сторонам, быстро нахожу билетные кассы. Разделения по авиакомпаниям нет, как я понимаю, все билеты продаются в одном месте. Встаю в крайнюю кассу слева, передо мной всего одна пара, довольно пожилые ...э-э... французы, что ли? Похоже, по акценту, хотя точно и не уверен.

Невысокая, сухощавая старушка с подкрашенными в чёрный цвет волосами долго и нудно что-то выясняет у кассирши. Блин, да давай же ты быстрее, идиотка! Какая, тебе, на хрен, разница, что там за самолёт?! С крыльями, млять! В другую кассу, что ли, встать?

Чёртова бабка начинает было рассказывать, как их трясло над Меридианным хребтом по пути сюда, и моя рука сама собой дёргается к пистолету. Как назло, в других кассах народу прибавилось, сейчас нигде меньше трёх человек не стоит. Сука старая, да давай же ты быстрее!!!

К счастью, спутник болтливой твари, дородный и красномордый мужик с венчиком седых волос вокруг обширной лысины, поймал мой крайне недобрый взгляд и поторопил свою излишне разговорчивую половинку. Мол, дорогая, давай быстрее, а то мы молодого человека задерживаем. Бабка расплатилась, получила на руки два билета и начала было втирать мне что-то о всё том же полёте (начала-то с извинения, но её тут же понесло). Я, впрочем, максимально деликатно (не из вежливости, а просто не хочется терять время на скандал, да и вообще внимание к себе привлекать) протиснулся мимо неё к окошку.

— Добрый день, сэр, куда вы хотите лететь?

Симпатичная молодая брюнетка в какой-то форменке с деловым видом занесла пальцы над клавиатурой.

— Здравствуйте. В Алабама-Сити бы мне, на шестнадцать-сорок-пять.

Брюнетка, даже не заходя в программу, изобразила на хорошенькой мордашке сожаление.

— К сожалению, сэр, все билеты на рейс уже проданы. Следующий рейс в Алабама-Сити будет завтра, в это же время. Оформлять вам билет?

— Э-э... нет, спасибо. Тогда, возможно, ещё на пару дней задержусь в городе.

— Конечно, сэр. Приятного отдыха!

Млять! Отхожу в сторонку, напустив на себя задумчивый вид. Понятно, что надо брать билет в столицу латиносов (если он есть, билет этот), но не в той же самой кассе ведь, правильно? Правильно, конечно, это риторический вопрос был. Человек, кричащий «дайте мне билет на ближайший рейс, пофиг, куда!» привлекает внимание, а мне это не к чему. Дождавшись,

пока у другой кассы не останется всего один человек, изображаю, что принял внезапное решение, и встаю туда.

И тут тоже брюнетка. Но первая симпатичнее была, хотя и эта ничего. Блин, хрень всякая в голову лезет. Надо собраться.

— Добрый день, сэр, куда вы хотите лететь?

— Добрый день. В Ситьо-де-ла-Луз есть билеты, на ближайший рейс?

Пальцы с длинными, ярко и разноцветно покрашенными ногтями порхают по клавиатуре.

Клац-клац-клац.

— Да, сэр, но остался всего один билет.

— Прекрасно, мне один и нужен. Давайте.

Клац-клац-клац.

— У вас есть багаж?

— Нет.

Клац-клац-клац.

— С вас двести семьдесят девять экю, сэр.

Протягиваю купюры в окно.

Клац.

Принтер, стоящий на столе слева от монитора, с гудением выплёвывает билет. Надо же, как хорошо, даже ID не спросили. Впрочем, скорее всего, при посадке ещё проверят.

Девушка протянула мне прямоугольный кусочек плотной бумаги.

— Ваш билет, сэр. Выход на посадку номер три. Поторопитесь, пожалуйста, посадка заканчивается через пять минут. Приятного полёта и ждём вас снова в Нью-Рино!

— Спасибо!

Нет уж, хрен я ещё когда здесь появлюсь. Вот не лежала же с самого начала душа к поездке сюда, как чувствовал. Да где, блин, этот «выход номер три»?!

Ага, вон там, судя по указателю. Так, спокойствие. Всё идёт нормально. Беззаботно-расслабленный вид, и быстрым шагом к стойке контроля. Быстрый шаг — это же нормально, раз до вылета десять минут осталось?

Пограничник в тёмно-оливковой форме жестом предложил провести ID по сканеру. Чувствую, как по спине сбегает струйка пота. Та-а-ак...

Сканер издал тихий, мелодичный писк. Это нормально, или как?

Страж границы с дежурным дружелюбием кивнул и, опять же жестом, показал на коридор. Иди, мол.

Двадцать шагов по неширокому проходу, и вот он, последний рубеж — двое сотрудников аэропорта (или авиакомпании, не знаю, как уж у них тут принято) перед выходом на взлётное поле.

— Добрый день, сэр! Можно ваш билет.

— Пожалуйста.

Молодой и кудрявый парень бросает беглый взгляд на билет.

— Спасибо! Проходите, самолёт прямо и справа.

Хм... на электронное табло и мрамор в холле у них деньги нашлись, а на посадочные рукава — нет? Дешёвки.

Второй парень, ещё моложе первого, услужливо распахивает двери и выпускает меня на раскалённое солнцем взлётное поле. Уф, как жаром-то от бетона веет. Тут десять минут простоишь, испечёшься, как картошка в золе. Но мне стоять и испекаться некогда, мне в самолёт нужно. А вот и он, кстати. Кажется, такой же ДНС-8, 30 как и тот, на котором я из Кейптауна летел. Только тот был белый, с красно-синим хвостом, а этот как попугай раскрашен — жёлто-сине-красно-зелёный. А может, похож просто, я в самолётах не особо разбираюсь.

Место, разумеется, оказывается в самом хвосте, чего я не люблю. Ладно, главное, что не у туалета — он тут в носу. Сосед у окна — пожилой латинос умеренно-индейского вида, вежливо поздоровался и прикрыл глаза.

Мысленно подгоняю экипаж. Ну же, ну же, взлетайте быстрее!

Корпус затрясся в мелкой, нудной вибрации, и мы стронулись с места. В голове мелькают картинки Марата Феликсовича и Клим, вместе забегающих в аэропорт с территориальным ордером на мой арест. Млять, да взлетайте же вы уже!

Нос нашего воздушного корабля задрался вверх, и где-то в животе появилось то знакомое, но от этого не менее неприятное чувство, которое всегда возникает при взлёте. Впрочем, сегодня оно для меня приятнее всего на свете. Ушёл.

VII

Латинский Союз,

Федеральный столичный округ Ситьо-де-ла-Луз,

смотровая площадка «Эль-Нидо-дель-Кондор»

Далеко внизу прямоугольной сеткой раскинулись залитые ослепительным солнцем улицы «Места света», 31 за ними блестит излучина реки Насас, вокруг поднимаются зелёные холмы, а если повернуться налево, к югу, из-за горизонта встают заснеженные вершины Сьерра-Мадре. Красиво, в общем, аж дух захватывает.

Собственно, если честно, знакомство со столицей Латинского Союза лучше всего видом отсюда и ограничить. Так себе городишко, мягко говоря. Весьма крупный по новоземельским меркам, почти сто тысяч обитателей, но присущего старым латиноамериканским городам колониального шарма нет и в помине. Безликие коробки из бетона и кирпича, пыль, шум, выхлопы, узкие, воняющие мочой и мусором улицы... ну, представляете себе картину, думаю. Одной ночёвки в центре мне хватило за глаза — на следующее же утро перебрался сюда, в пригород Баррьо-Альто. Здесь, хоть и прохладно по ночам, зато тихо, более-менее чисто и можно гулять, получая от этого удовольствие, а не стресс.

Почему прохладно? Высоко, потому что. Ситьо-де-ла-Луз лежит на тысячу девятьсот с чем-то метров выше уровня моря. Где-нибудь в Родезии это было бы только хорошо, а в Конго — ещё и недостаточно высоко, чтобы спасти от жары, но Латинский Союз от экватора далековато, так что, по ночам температура опускается ниже десяти градусов. И это с учётом того, что сейчас осень — зимой и ниже нуля может упасть, хоть и нечасто. Баррьо-Альто же тянется по горному склону ещё выше, метров на триста-пятьсот, соответственно, тут ещё прохладнее (по ночам, в смысле, днём-то тепло, и даже жарко). Да и ветер куда сильнее. Но преимуществ больше, потому большая часть местного состоятельного люда обитает именно в «верхнем городе». Отсюда, со смотровой площадки отеля «Гнездо Кондора», прекрасно видны дорогие виллы, извилистыми рядами усеявшие склон.

В общем, если весь Латинский Союз так выглядит, то правильно я сделал, что не поехал сюда игоркой заниматься. Как-то не лежит душа к долговременному здесь пребыванию. Хотя в той, заленточной Латине мне очень даже нравилось, подумывал одно время о переезде...

— Сеньор?

Оборачиваюсь. Парнишка лет пятнадцати, одетый в сиренево-бордовую униформу отельного персонала, деликатно стоит чуть поодаль. Черты лица вызывают ассоциации скорее с Таиландом, нежели с Мексикой или Боливией, ну да ничего удивительного — в Латинском Союзе вообще полно выходцев из Юго-Восточной Азии, а уж среди столичных жителей их и вовсе не меньше четверти.

— Да?

— Ваша машина готова.

— Ага, спасибо. Кофе принеси, пожалуйста. По-ирландски, большую порцию.

— Да, сеньор!

Парнишка радостно улыбнулся и побежал в сторону бара. Ясно, на чаевые рассчитывает.

Поворачиваюсь обратно и опираюсь на балюстраду. Подождёт машина, ничего с ней не случится. Вообще, надо сказать, местная «маньяна» — штука заразная. Я вот тут пробыл меньше недели, и уже чувствую в себе повышение уровня ленивости и неспешности, хотя, в принципе, обычно веду себя несколько энергичнее. Но здесь так не принято, и это действует на всех, включая приезжих.

Юный таец (ну, или кто он там) принёс большую чашку кофе по-ирландски, получил пол-эю чаевых и убежал с довольным видом.

Ум!.. Хорошо! Не, смотря на вещи объективно, здесь тоже можно жить, и даже неплохо. В Баррьо-Альто, в смысле. Если пореже вниз спускаться. Но планы у меня другие, так что,

не судьба местному высокому обществу быть благодетельствованным моим в нём наличием, хе-хе. Ладно, кофе допил, пора к такси идти.

Собственно, это не совсем «такси». Охранная фирма, сотрудничающая с отелем, предоставляет джипы с водителем и охранником (ну, или несколькими, но мне одного хватит, думаю). Жизнь местная, знаете ли, требует. Хотя гражданская война и закончилась лет ...э-э... пять назад, кажется, назвать обстановку в Латинском Союзе спокойной означало бы сильно погрешить против истины. Я даже не говорю про отдалённые высокогорные районы, которые центральное правительство контролирует исключительно формально. Хрен бы с ними, я туда не собираюсь. Но и здесь, в столице, уровень криминала на улицах такой, что оставшийся в старом мире Каракас 32 нервно курит в сторонке. Местные денежные мешки предпочитают жить в отдельном (от сограждан) и охраняемом (от них же) месте в том числе и поэтому. Забавно — то, что к власти после войны тут пришли левые, ничего в данном плане не изменило. В лучшую сторону, по крайней мере. Впрочем, в Каракасе вон тоже боливарианский социализм, хе-хе. Так вот, даже местные себя в безопасности не чувствуют, а уж явный гринго типа меня и вовсе первейший кандидат на, как минимум, ограбление. А то и похищение — тоже очень распространённый в здешних краях вид бизнеса.

Конечно, если кто-то серьёзный захочет меня украсть, то один охранник с водителем ему помешать вряд ли смогут. Но, как оно обычно бывает, на одну группу профессионалов своего дела приходится с десятков банд молодых отморозков (или, как вариант, спустившихся с гор нищих крестьян, взявшихся за оружие), и вот тут уже хорошая охрана может и сыграть.

Мдя... ключевое слово — «хорошая». Среднего роста, но очень широкоплечий латинос, стоящий у чёрного «Ленд Крузера» в бдительно-героической позе, как-то на меня не производит впечатления настоящего профессионала. Чёрно-красная форменная бейсболка, такой же расцветки штаны и рубашка, зеркальные очки на пол морды лица, бронежилет и висящий стволом вниз ...э-э... НК МР5, 33 кажется. Только странный какой-то, и магазин прямой, а не изогнутый. Ладно, могу понять, зачем ему на пистолет-пулемёте нужна рукоятка управления огнём, и даже коллиматор, но фонарик на креплении сбоку? Рукалицо, блин. Ладно, хрен с ним, хозяину виднее. Может, он ночью с ним в туалет ходит.

Подхожу поближе, крепыш перестаёт картинно вертеть головой вправо-влево и изволит меня заметить.

— Сеньор Чйерноб?

Так меня ещё не обзывали, однако. Интересно, что это за акцент?

— Да.

Латинос широко улыбается во все тридцать два желтоватых зуба, и услужливо распахивает заднюю дверь.

— Добрый день, сеньор! Меня зовут Рамон, я буду вашим телохранителем сегодня. А за рулём Энрике.

— Рад познакомиться, ребята.

Энрике оказывается чуть менее атлетически сложенной копией Рамона. Зато у него шевелюра погуще, а вот крепыш явно под бейсболкой залысину на макушке прячет.

— Куда едем, сеньор?

— На Плаза-де-Армас. Оружейный магазин там знаете?

Рамон энергично кивает. Ну, ещё бы. Странно было бы, если он и вдруг не знает.

— Здесь и поближе есть, сеньор, наверху. Совсем недалеко.

— Я знаю.

Расценив (и совершенно правильно) мой ответ как мягкое «не лезь с советами, пока не спросят», охранник молча кивает, уже не столь энергично, и мы, наконец-то, трогаемся с места. Насчёт оружейного магазина (салона, скорее) в «верхнем городе» я в курсе, и даже успел там побывать. Выбор большой, но с уклоном в сторону дорогих охотничьих ружей и затейливо украшенных пистолетов, а такого добра мне не надо. Пистолеты у меня и так есть, аж две штуки, а тратить кучу денег на охотничье ружьё, с моей точки зрения, есть явный перебор по части эксцентричности. Так что, пришлось расспросить персонал на предмет «где тут обычные люди покупают обычные стволы». Вот туда-то мы сейчас и едем.

Минут через десять длинный, извилистый серпантин наконец заканчивается, и вместо вилл разной степени роскошности и безвкусицы по сторонам встают трёх-пяти этажные дома, не обременённые излишком украшений. Мягко говоря. Бетонные стены, в половине случаев даже не оштукатуренные, жмутся вплотную друг к другу, иногда между ними мелькают узкие, похожие на пещеры переулки, уходящие куда-то вглубь кварталов. Валяющийся тут и там мусор, дикая мешанина проводов, рекламных растяжек и бельевых верёвок над головой... короче, третий мир, во всей его красе.

Что-то брюзгливое настроение сегодня одолевает, с самого утра. Спал слишком долго, наверное, от того и разбитость в теле, и недовольство всем на свете. Бывает у меня такое. Ну, грязновато и бедновато, да. Подумаешь... Зато на улицах полно людей в яркой одежде, все улыбаются, смеются, болтают друг с другом и что-то едят. Стайки детей шмыгаю взад-вперёд, а уличная торговля не уместается на тротуарах и выплёскивается на проезжую часть. Жизнь бьёт ключом, короче, и в основном не по голове, что радует. Опять же, девушек симпатичных много.

По мере продвижения к центру, улицы немного расширились, дороги и тротуары стали менее разбитыми даже мелькнула пара небольших сквериков. Сама центральная площадь (Плаза-де-Армас которая) — это пешеходная зона, на машине на неё не выедешь, так что мы немного поплутали в лабиринте забитых людьми, транспортом и уличными кафешками улочек вокруг неё и, наконец, удачно заняли освободившееся место у тротуара прямо перед носом какого-то развозного грузовичка. Смуглый толстяк, сидевший в кабине, посмотрел на нас очень недовольно, но от выражения эмоций вслух воздержался. Оно и понятно — вон у нас Рамон какой грозный, поди выскажи такому...

— Сеньор, здесь полквартала всего до площади. Лучше пешком пройти.

Ну, пойдём, я ж не против. Выходим из машины, Энрике сует мелочь длинному и тощему шкету, который, со стайкой «коллег», приглядывает за машинами, и мы окунаемся в суету и гомон улицы. Рамон идёт впереди, раздвигая могучим торсом толпу (глядя на него, вспоминается тот путепрокладчик, с которым мы от Сеттлер-Тауна до Мандела-Сити ехали), а Энрике прикрывает заднюю полусферу.

Высота, на которой расположен город, сказывается: по освещённому солнцем месту идёшь —

тепло, и даже жарковато, но, стоит нырнуть в тень, под промокшую от пота футболку сразу же забирается холодный ветерок. Нет, вообще-то, мне такой климат нравится куда больше даже жары Нью-Рино, я уж не говорю о влажной духоте побережья Большого залива. Отвык просто малость, за этот год. Ну да скоро придётся привыкать по новой, в дельте Аустралиса холодильник будет тот ещё.

Выходим на площадь. В принципе, неплохо — деревья, клумбы, скамейки, даже фонтан посередине есть. Но «не то», увы. Нет того колорита, что мне так нравился в Латине старого мира. Всё новое, безлико-прямоугольное, и даже без попыток воссоздать уютную испанскую колониальность. Здание Конгрессо-Хенераль, парламента Латинского Союза, сверкающее на солнце в дальнем конце площади, вообще похоже на шайбу из полированного стекла. Возвышающейся справа ярко-жёлтый собор выглядит единственной отдушиной в этом безликом мире, но и он выделяется на фоне трёхэтажного торгового центра по соседству скорее вертикальными размерами, чем красотой. Мдя... ладно, не важно. Жить я здесь не планирую оставаться, так что, пусть строят, как им нравится. В конце концов, люди пятьсот лет жили среди «испанского колониального стиля», может, он им надоел хуже горькой редьки.

Рамон показывает рукой налево. Ага, точно — над первым этажом ещё одного торгового центра раскинулась большая бело-красная вывеска: «Агсабуз». Вот сюда-то мне и надо. Посмотрим, что там за аркебузы в ассортименте...

Магазин, на удивление, оказался довольно большим — занимает почти весь первый этаж, в наличии аж четыре отдела — с охотничьими ружьями, разными полуавтоматами и «помпами»; с пистолетами; с автоматическим оружием и, четвёртый, с разгрузками, чехлами, ножами и прочим подобным добром. «На удивление» же потому, что оружейные законы в «городе света» либерализмом не отличаются, мягко говоря. Без разрешения от муниципалитета (которое, в свою очередь, обязательно согласовывается с полицией) столичный житель может только хранить дома пистолет, «помпу» или «болт». Вывезти их, например, на стрельбище, можно только в разряженном виде и упакованными в специальный чехол. Всё остальное — от ношения того же пистолета до покупки, например, полуавтомата, требует справок, разрешений и согласований. Причём, одного только желания и упорства в собирании бессмысленных бумажек мало — обязательно нужно убедительное (для «официальных лиц») обоснование, *зачем* вам нужно носить пистолет. Полиции, что ли, не доверяете? Я, кажется, говорил как-то уже — по части бюрократии латиносы наших чиновников кроют, как бык овцу. Ну их на фиг, с такими порядками.

Так вот, это я об ограничениях, налагаемых на местных говорю. Иностранцам же, вроде меня, ношение оружия запрещено в принципе. Что? Почему у меня тогда Кольт в кобуре? А потому, что латиносы есть латиносы, независимо от того, какой там у них политический режим. Ношение-то запрещено, да, но ведь нельзя же, чтобы *сеньор* ходил без оружия, правда? Унижение получится, неуважение к статусу. Как отличить, сеньор прилетел в аэропорт имени Эрнесто Че Гевары, или нет? Элементарно. Есть деньги — сеньор. Нет денег — не сеньор. Поэтому, прямо в аэропорту я зашёл в офис полиции, заплатил двести экю пошлины и получил временное разрешение на ношение пистолетов. Не каких-нибудь, а конкретных, что у меня с собой. Даже номера в бланк вписали, там до трёх единиц можно на одно разрешение оформлять. Нет, понятно, что двести экю, сами по себе, человека сеньором не делают — не та сумма. Мало ли, у кого могут завалиться двести экю. Поэтому, разрешение выдаётся только после проверки человека полицией, каковая проверка может занимать... угадайте, сколько? Нет, не угадали. До пяти месяцев, согласно закона. На неделю всего прилетел? Не важно. Вроде как, за пять месяцев уж всяко разберутся, что вновь прибывший из себя представляет, и можно ли ему разрешить ствол с собой носить, хотя бы и короткий. Но, поскольку ждать пять месяцев мне не очень хотелось, я убедил дежурного лейтенанта (в здешних краях это

достаточно серьёзный чин, как мне рассказали), что человек я насквозь положительный и достоин всяческого доверия. Он, наверное, и так бы мне поверил, в итоге, но сто экю убедили его практически мгновенно.

Столь идиотские оружейные законы, к счастью для граждан Латинского Союза, не повсеместны, а ограничиваются столицей. Вообще тут этот вопрос, как и многие другие, отдан на откуп провинциям — федерация же, как-никак. А избираемые жителями этих самых провинций депутаты местных советов не склонны к такого рода изощрённым издевательствам над электоратом. Горожанам же не повезло — несколько лет назад Ситьо-де-ла-Луз с окрестностями был выделен из провинции Ацтлан в отдельный «Федеральный столичный округ», управляемый напрямую Конгресо-Хенераль. Ну, как «напрямую» — федеральные депутаты назначают мэра и городской совет, а те уже управляют. И законы тоже принимаются федеральным парламентом. Как оно обычно в таких случаях и бывает, наиболее дурацкие из возможных. Местные по данному поводу периодически бузят, как я слышал, но воз и ныне там. Ладно, это всё их проблемы, мне пофиг, в общем-то.

В магазине всё солидно, неторопливо и основательно. Приглушённый свет, грубо оштукатуренные «под старину» стены, тяжёлые деревянные прилавки, ярко освещённые точечными светильниками пирамиды с оружием. Красиво сделали, молодцы. Цены только что-то совершенно космические — прямо напротив входа висящий семисотый Ремингтон без каких-либо наворотов стоит три тысячи сто экю. С ума, что ли, посходили? Я у Тома в Порто-Франко за две двести взял с разным обвесом и люпольдовской оптикой-десяткой. Не, нафиг-нафиг. Перебьюсь, пока что, без снайперки. В Нью-Галвестоне куплю, перед отплытием. Город техасский, там с оружием всё хорошо должно быть.

Приняв столь мудрое решение, отрицательно качая головой устремившемуся мне навстречу продавцу ружейного отдела (самого большого здесь, между прочим) и поворачиваю направо, в куда меньший и по площади, и по ассортименту отдел «автоматики». Снайперка — это не срочно, а вот без автомата как-то я себя неуютно чувствую.

За прилавком торчит бритый наголо, крепкого телосложения мужик с почти европейскими чертами, явно косящий внешним видом под Габриэля Суареса. 34 Ну, хорошая модель для подражания, не поспоришь.

— Добрый день, сэр!

О как. Даже голос на Суареса похож. И обращается сразу на английском. Ну, наверное, иностранец во мне и правда распознаётся с первого взгляда. Особенно, учитывая компанию из двух телохранителей в форме охранного агентства.

— Добрый день. Автомат вот себе хотел бы взять.

Мужик (кстати, у него на бейджике «Gabriel» написано, хе-хе) энергично кивает.

— Конечно, сэр! У нас прекрасный выбор, лучший в столице!

Ну, в этой конкретной столице-то, может, он и лучший, но вот насчёт «прекрасного» — явное преувеличение. У Тома в «Guns'n'Knives» ассортимент раза в три побольше был, как минимум.

— ...что-то конкретное?

Хм... вообще, конечно, можно что-нибудь западное попробовать. А то всё «калаш» да «калаш»...

С другой стороны — ну их нафиг, такие эксперименты, не до того сейчас.

— Ну я с Калашниковым вообще знаком, так что, его бы и хотелось, наверное.

— Отличный выбор, сэр! Сам предпочитаю именно их! Надежнее и проще так никто ничего и не придумал. Какой калибр предпочитаете, пять-сорок-пять, пять-пятьдесят-шесть или семь-шестьдесят-два?

Не могу удержаться от любопытства:

— А что, у вас и пять-пятьдесят-шесть есть?

Габриэль спокойно кивнул.

— Конечно. Производится в Демидовске. Желаете посмотреть?

Хм... странно, а кто-то же мне говорил, что стрелковку новороссы на продажу не делают... или я перепутал что-то? Как бы там ни было, раз в продаже есть, значит, делают.

— А семь-шестьдесят-два тоже демидовского производства?

— Есть демидовские, есть импортные, из-за ленты — болгарские, румынские и китайские.

Ну, румынских и китайских мне точно не надо. Болгары, читал где-то, неплохое качество держат...

— Демидовский покажите, пожалуйста. И болгарский. Под семь-шестьдесят-два.

Продавец взял из пирамиды слева два «калаша» и выложил на прилавок. Провёл рукой справа налево:

— Вот болгарский, а вот демидовский.

Вначале беру изделие «братушек».

Та-а-ак... приклад складной вниз-вперёд... фурнитура — чёрный пластик... пламегаситель непривычный какой-то... магазин тоже забавный, «вафельный»... ну-ка...

Отсоединяю магазин, взвешиваю в руке. Лёгкий, тоже из пластика какого-то. Габриэль замечает мой интерес.

— Очень качественные магазины — лёгкие, прочные, надёжные. Какой бы «калаш» не взяли, магазины рекомендую эти, болгарские.

Ну, возможно, возможно. Чёрт его знает, как на вид оценить качество автомата. Я не специалист, стрелять умею, и чистить тоже, но не более того. Вроде не отваливается ничего, и не болтается. Ржавчины тоже нет. В общем, «калаш» как «калаш».

Перехожу к творению демидовских оружейников. Хм... похож на АКМС, приклад вбок убирается... но чем-то отличается на вид. Не пойму, чем именно, но отличается... Цевье из какого-то тёмно-бордового дерева, с проступающей под лаком текстурой.

— Это кебрачо-рохо. Отличное дерево, прочнее самого лучшего пластика!

Всё-то у него «отличное». Магазин стальной... ну, ладно, поверим местному аналогу Суареса, магазины возьму болгарские. Можно, конечно, поддержать отечественного производителя, автомат на вид ничего так. Судя по тому, что я слышал и видел, качество демидовцы держат.

— Что почём?

— Болгарский — тысячу пятьсот. Демидовский — тысячу двести.

Присвистываю. Нехило! Оставленный в номере «Палермо» АКМС советского ещё производства, но в идеальном состоянии я у Тома за семь сотен брал.

Продавец, зафиксировав мою реакцию, оборачивается к пирамиде.

— Не, ну есть румынский — девятьсот. А китайский вообще за шесть сотен идёт. Но...

Да, понятно, что «но...».

— Магазинов сколько к нему в комплекте?

— Два. Если отдельно брать — двадцать пять стальной, тридцать пластиковый.

Блин, что-то совсем негуманные цены. Ладно, куда деваться. Не с двумя же магазинами ходить.

— А патроны?

— Демидовские, по одиннадцать центов за штуку.

Эхе-хе-х... а у Тома те же демидовские по семь центов шли. Впрочем, всё как обычно — чем страна беднее, тем дороже в ней нормальные вещи. Это я ещё за ленточкой проходил.

— Беру демидовский, и к нему ещё пять пластиковых магазинов отдельно. И патронов десять пачек. Ствол только давайте посмотрим, для начала.

Не то, чтоб я надеялся там что-то этакое углядеть, но вот продавца такой подход покупателя должен настроить на ответственный лад, сдаётся мне. И правда — уважительно кивнув, Габриэль притащил из подсобки три одинаковых автомата, молниеносно их разобрал, заглянул каждому в ствол на просвет, после чего решительно протянул мне наиболее понравившийся. Смотрю... ну, ничего бросающегося в глаза нет, вот и хорошо. А то, помнится, в четырнадцатом мы в Соледаре на складах покупали, так там... мдя. Ладно, не будем о грустном.

— Хорошо, беру этот.

Расплачиваюсь, и продавец чёткими, отработанными движениями оплетает мою покупку специальным шнуром и печатывает. Да, это вам не Нью-Рино, и даже не Кейптаун.

— Пусть здесь пока полежит, разгрузку посмотрю.

— Конечно, сэр!

В отделе «аксессуаров» шустрый азиат быстро и толково помог подобрать удобную разгрузку. И стоит, что любопытно, довольно умеренно — всего полтинник. Видимо, потому что местный пошив. Ну, не совсем местный, бразильский, но не из-за ленточки. В понравившейся разгрузке, правда, место под восемь магазинов, так что докупаю ещё два. Так и разориться недолго,

однако. Может, всё-таки надо было отправить телеграмму в отель, чтобы Глебу всё моё барахло отвезли? Мм... нет, это лишнее. Добро, конечно, жалко, но, если меня там активно ищут за двойное (как минимум) убийство — могла бы выйти нехилая подстава.

Дав расцветшему в улыбке Габриэлю двадцатку на чай, ищу глазами своих доблестных охранников. Ага, вот они, красавцы. Оба стоят возле стенда с ножами и, бурно жестикулируя, что-то обсуждают. Защитнички, мать их.

— Рамон!

— Сеньор?

— Если ты закончил присматривать кухонную утварь, то мы можем идти.

Принял грозный вид, идёт к двери. Ну как дети, ё-моё. Впрочем, бдительность терять следует. Было у меня уже два телохранителя, не так давно. Нехорошо как-то с ними получилось, мдя.

...

Латинский Союз,

Федеральный столичный округ Ситьо-де-ла-Луз,

Пасео-де-лос-Лучадорес, городской почтамт

Степенный обладатель пышных усов и гордого профиля настоящего идадьго (с голубым форменным комбинезоном это всё не очень гармонирует, кстати), восседающий за стойкой, слегка ошарашенно посмотрел на заполненный мной бланк и задумчиво крякнул. Ну, понятно — думаю, оправлять телеграммы на русском отсюда ему приходится нечасто. Собственно, можно было бы не выпендриваться, и написать на английском, но решил немного потроллить возможных дополнительных «чтецов»:

Privet! Zaderzhivayus po delam k otplytiyu byt ne smogu syadu v Port Deli. Chernov.

Впрочем, тут даже и переводить особо не надо — достаточно на последнее слово взглянуть, и всё понятно. В Порт-Дели у нас (ну, у переселенческого каравана, в смысле) запланирована однодневная остановка, в целях дозаправки и отдыха пассажиров, так что Глеб не особо удивится, я думаю. Вернее, удивится, конечно, но, по крайней мере, план выглядит правдоподобно.

— С вас пять экю и сорок центов, сеньор.

— Вот, пожалуйста.

Отправив телеграмму, выхожу на залитый утренним солнцем бульвар. Пасео-де-лос-Лучадорес тянется от Плаза-де-Армас до Малекона, местной набережной. Делать на этой набережной, правда, совершенно нечего, поскольку вдоль обоих берегов Насаса тянутся весьма труппобные районы, так что контингент и уровень чистоты соответствующий. А вот сам бульвар достаточно приличный, второе место после центральной площади, где можно прогуляться пешком для удовольствия, а не только по необходимости.

Рамон, как обычно, замер у выхода в картинной позе, вращая головой во все стороны, что та сова. Я, поначалу, думал это он на меня пытается впечатление произвести, но потом понял — мужик просто прёт сам от себя, какой он крутой и грозный. Ладно, бывают слабости и похуже. Один хрен, сегодня последний день его вижу, через два часа надо уже в аэропорту быть.

Заприметив неподалёку уличное кафе, направляюсь туда. Охранники бдительно топают следом.

Вот чего у местных латиносов не отнять, так это умения вкусно готовить. Даже на общем, довольно высоком новоземельском фоне, можно им смело ставить твёрдую пятёрку.

Для алкоголя ещё рановато, пожалуй, так что беру кофе и что-то овощно-мясо-печёное, завёрнутое в кукурузные лепёшки. Тут столько разновидностей этого дела, что все названия и не упомнишь. Рамон и Энрике, получив, от щедрот моих, тоже самое, устраиваются за столиком по соседству. Охраннички, чтоб их... Хотя, головами по сторонам крутить не забывают, может, я к ним и чересчур критичен.

Ладно, что мы имеем с гуся? До отплытия осталось пять дней. Никто меня здесь за прошедшее время не побеспокоил, это плюс. Но вот если кто-то нехорошие намерения таки вынашивает, то, скорее всего, за эти самые пять дней он их постарается воплотить в жизнь. При этом, моя конечная цель — попасть на судно, этому «кому-то» наверняка известна, и это жирный минус. Собственно, именно поэтому я телеграмму и отправил — если «кто-то» меня ищет, то уж держать под контролем общение Глеба с внешним миром будет первым, что любому адекватному человеку придёт в голову. Ну, вернее, вторым — после пробивки движений по моему счёту через Банк Ордена. Поверят в телеграмму или нет — вопрос, но внимание она раздёргает точно. А дальше зависит от того, достаточно ли у «кого-то» ресурсов, чтобы проконтролировать все направления.

Кто у нас кандидат в плохие мальчики?

Ну, во-первых — «Читинские». Гоняться за мной по всей Новой Земле они не смогут, конечно, но уж отправить человека в Нью-Галвестон к отплытию каравана — вполне им по силам. Причём, если не дураки, отправят не одного из своих, а кого-то, кто в тех краях хорошо ориентируется и не бросается в глаза. Думаю, они уже достаточно вросли в криминальное сообщество Нью-Рино, чтобы выход на таких людей у них был. Что они сделают, увидев телеграмму? Хм... а чёрт их знает. С одной стороны, граждане уголовники на меня прилично обозлены, как мне кажется. С другой — Британская Индия особых связей с Севером не имеет (кроме Роки-Бэй, само собой), это вещь в себе. В Нью-Рино даже общины соответствующей нет. Значит, достать кого-то там небольшой второсортной банде отморозков будет проблематично. С третьей стороны — никогда не следует недооценивать чужую упёртость. При желании, выходы на нужных людей они найдут. Придётся раскошелиться, конечно, но, если это для них вопрос принципа... Опять же — как бы там ни было насчёт Порт-Дели, уж в Нью-Галвестон им ничто не помешает послать человека (а то и не одного), просто на всякий случай.

Товарищей Ичасо, полагаю, можно в качестве угрозы не рассматривать. Что бы они изначально в отношении меня не планировали (скорее всего — раскулачить на пользу мировой революции), затея явно не выгорела. Но это рабочий момент, а никаких личных счётов, вроде как, у меня с ними нет. Конечно, если предположить, что в том «Ленд Крузере» сидели они... но как-то это чересчур уж большой натяжкой смотрится. Да и даже если они — опять-таки, рабочий момент, ничего личного. Ну, мне так кажется, по крайней мере. Хотя, конечно, у оставшегося без нижней челюсти чувака может быть иная точка зрения.

Менты из Нью-Рино... мм... возможно. Правда, телеграмму я отправил не туда, а в Нью-Галвестон, на адрес арендованных нашей конторой складов. Хоть Территория и не состоит в Интерполе, но уж с техасскими-то коллегами, несомненно, у них какое-то взаимодействие налажено. Что ж, ещё один повод отказаться от первоначального намерения ехать в Нью-Галвестон. Быть экстрадированным оттуда в Нью-Рино мне не улыбается от слова совсем.

Остаются сослуживцы Марата Феликсовича, с их чистыми (условно) руками и горячими сердцами. По идее, им меня валить совершенно ни к чему, максимум, чего они могут хотеть — это ещё раз поговорить и покапать на мозг. Правда, это то, как я вижу, а вот у них видение может быть совсем иное, это тоже надо учитывать. Да и вообще — это я исхожу из предположения, что в «крузаке» были «Читинские». Оно-то весьма вероятное, предположение это, спору нет, но это именно *предположение*. А вот если там сидели граждане чекисты, что тоже возможно, то получится совсем нехорошо. Ибо тогда, с их точки зрения, я поехал крышей (либо, как вариант, кому-то там проданся) и расстрелял приставленную ко мне для моей же безопасности охрану без всякого на то повода. И оставят ли они этакий фокус с моей стороны без последствий — бабушка надвое сказала. Я бы не оставил, наверное. И вот у них-то возможности меня достать наверняка есть, что в Нью-Галвестоне, что в Порт-Дели. Придут к какому-нибудь чуваку, обитающему там среди индусов (точно так же, как я в Кейптауне в своё время обитал), покажут мою фотку и объяснят: вот изменник Родины, особо опасен — из ППД прибывает спецгруппа для его покарания, необходимо обеспечить место для ночлега и доступ в порт. Возможно такое? Вполне.

Вот именно поэтому, ни в Нью-Галвестон, ни, уж тем более, в Порт-Дели (там же бритты заправляют, а «энсин Витали Чернофф» у них вполне может по спискам как злостный террорист проходить, несмотря на заключённый мирный договор) я не собираюсь. Куда собираюсь? Ну, пока что — в аэропорт, хе-хе. Кстати, пора бы уже, наверное.

Оставляю на столе деньги за все три завтрака, плюс чаевые.

— *Vamos, hombres!* 35

...

Европейский Союз,

Испания, Виго,

аэропорт «Мигель де Сервантес»

Честно говоря, сердце у меня перед погранконтролем «ёкнуло». А ну как «территориалы» из Нью-Рино проявили непредусмотренную мной прыть, и добились включения меня в списки «их разыскивает»? Не в общие, понятно, иначе тормознули бы ещё на посадке в Ситьо-де-ла-Луз, но в какие-нибудь местные, двусторонние...

К счастью, опасения напрасны — худой и невысокий испанец в коричневой форме «гвардии сивил» 36 спокойно прокатал мою карточку на сканере, доброжелательно кивнул и вернул документ владельцу. Аллилуйя, хе-хе. Что, не всё ещё?

— Какое оружие у вас с собой?

— Два пистолета и автомат.

Гвардеец делает жест в сторону небольшого столика рядом, оббитого жестью.

— Положите автомат сюда, пожалуйста.

Хм... он у меня опечатан, вообще-то, как в магазине упаковали, я так и не доставал. Ну, ладно. Достаяю автомат из рюкзака. Испанец внимательно осматривает печать магазина, удовлетворённо кивает, затем сноровисто ломает её и опечатывает оружие по новой, уже своей печатью.

— Вскрывать печать на территории Испании запрещается, кроме случаев угрозы для жизни. При этом необходимо незамедлительно уведомить полицию. Ношение пистолетов и гладкоствольного оружия не ограничено, но неспровоцированная угроза их применения, ношение в состоянии алкогольного опьянения или во время употребления алкоголя являются уголовно наказуемыми. Вы понимаете?

Киваю. Понял, что ж тут не понять. Чёрта с два пиво спокойно попьёшь, эхе-хе-х... Ладно, я тут на два дня всего, не страшно.

Пройдя пограничников, оглядываюсь в поисках кассы. Ага, тут не общие, как в Нью-Рино, а у каждой авиакомпании своя. Блин, печально. Учитывая расовую специфику, кассирши в нужном мне офисе вполне может не оказаться на месте...

Фуф, зря волновался — стойка с чёрно-жёлто-зелёной вывеской «Black Wings» работает. Подойдя поближе, обнаруживаю причину — за ней сидит уроженка Пиреней, а не... ну, вы поняли, в общем.

— Добрый день! Мне бы на послезавтра один билет в Мандела-Сити.

Надеюсь, места есть. Нет, их отсутствие тоже катастрофой не станет, такой вариант предусмотрен, но лишних хлопот и (особенно) расходов хотелось бы избежать, конечно. «Чёрные крылья» — единственная компания, летающая из Виго в Мандела-Сити, выполняет один рейс в неделю. Если на него попасть не удастся, придётся лететь в Форт-Линкольн, оттуда — в Кейптаун и уже из него — в Мандела-Сити или в Лумумбу. Насколько рады мне будут в Кейптауне — тоже вопрос, знаете ли... мдя, многовато что-то в этом мире образовалось мест, где мне не слишком рады. Или рады, но в плохом смысле. А ведь и одного местного года ещё не прошло, как я здесь. Умею я заводить друзей и вливаться в общество, ничего не скажешь. То ли ещё будет, хе-хе.

Девушка широко улыбнулась.

— Да, конечно. Сколько мест багажа у вас будет?

Хороший вопрос. Пока что у меня один рюкзак, он вообще за ручную кладь прокатит. Но, по хорошему, надо бы прибарахлиться в дорогу, да и снайперку ещё взять...

— Два места и ручная кладь.

Клац-клац-клац.

— С вас триста сорок экю. Место у окна или у прохода?

— У окна. Слева, если можно.

Посмотрю на Новую Англию. Вдоль неё же будем лететь, насколько я понимаю.

— Конечно. Пожалуйста, ваш Ай-Ди.

Млять! А это ещё зачем? В предыдущих полётах как-то без таких формальностей обходились. И кто эти данные может видеть, хотелось бы мне знать? Блин, нехорошо, совсем нехорошо... и деваться особо некуда. Или, всё-таки через Форт-Линкольн и Кейптаун попробовать? Но где гарантия, что там обойдётся без аналогичных неудобств... Ладно, что-то я уже совсем в паранойю ударился. То, что я сейчас в Виго, отобразилось в базах данных здешних ментов. Не думаю, что у кого-то из потенциальных заинтересованных [в задушевной беседе] со мной лиц есть туда доступ. Ну, у новороссов, разве что. Ну да тут уж ничего не поделаешь. В любом случае, уж в сервер авиакомпании из Дагомеи они залезть точно не догадаются.

— Сеньор? — девушке надоело ждать, пока я всё обдумую.

— А?

— Ваш Ай-Ди, пожалуйста.

Достаю ID и деньги.

— Ага, вот. Не расслышал.

Клац-клац-клац. Вжик.

Так, а что это я туплю...

— Скажите, а можно у вас сразу на тот же день взять билет из Мандела-Сити в Пуэнт-Руж? Ну, или на следующий, если стыковка не получается.

Качает головой.

— Нет, к сожалению, у нашей авиакомпании нет рейсов в Пуэнт-Руж. Насколько я знаю, из Мандела-Сити их туда вообще нет.

Ну, я так и думал, собственно.

— А до Лумумбы?

Девушка с важным видом кивает.

— Конечно. Ваш рейс прилетит в Мандела-Сити в тринадцать-ноль-ноль, а рейс в Лумумбу по расписанию в пятнадцать тридцать. Как раз успеете, без спешки.

Хм... вообще, конечно, слово «расписание» применительно к тамошним краям кроме грустной улыбки (либо, как вариант, истерического смеха) ничего не вызывает, но...

— Отлично, давайте один билет тогда.

Клац-клац-клац.

— С вас триста пятьдесят экю за билет...

Блин, чё так дорого-то, расстояние не такое уж большое?

— ...и пятьдесят экю за услугу дистанционного бронирования.

Суки.

— Вот, пожалуйста.

Клац-клац-клац. Вжик.

Ну, вот и всё, билеты у меня в руках. Осталось перекантоваться в Виго до послезавтрашнего утра.

Где у них такси? Ага, вижу. Такие же тримобили, как и в Нью-Рино. Хотя, нормальные машины тоже есть, меньше просто.

Подойдя поближе к стоянке такси, не могу удержаться от ухмылки — как минимум половина тружеников баранки явно несёт в своих жилах изрядную примесь индейской (а то и негритянской) крови. Ну, ничего удивительного, в общем-то — в *той* Испании гастарбайтеров из Латины полно, было бы странно ожидать чего-то иного в этой. Выбрав того, лицо которого внушает наименьшее недоверие, прошу отвезти меня в центр и размещаюсь на заднем сиденье трёхколёсного автомобильчика.

— А куда именно в центр?

— К городской ратуше давай.

Думаю, найти отель в её окрестностях большого труда не составит. Если же попросить таксиста отвезти в нормальную гостиницу, то он отвезёт в ту, с хозяином которой у него есть договорённость на эту тему, а уж насколько приличной она окажется — вопрос. Да и вообще, мало ли кто потом его будет опрашивать на предмет «кого, куда и когда?». Маловероятно, конечно, но лучше перестраховаться.

...

Европейский Союз,

Испания, Виго, набережная

А ничего так городок, приятный. Некоторый перебор по части промышленности в городской черте (судоверфь в двух кварталах от центральной площади — явно лишнее), но, в остальном, вполне, вполне. Есть у испанцев некое врождённое чувство прекрасного. Ну, по крайней мере, в том, что касается градостроительства. В отличие от дальних родственников в Ситьо-де-ла-Луз, здешние жители оформлением домов «под старину» и прокладкой нормальных улиц (а не тёмных бетонных ущелий) не пренебрегли. Зелень, опять же, повсюду. В столице Латинского Союза её, кроме как на Плаза-де-Армас и отходящем от неё бульваре, днём с огнём не сыщешь. Набережная, опять же, очень симпатичная, с брусчаткой, деревьями и скамеечками в тени.

— Ещё сока?

— Да, пожалуйста.

Но вот насчёт запрета на любое употребление спиртного при ношении оружия — это они сильно погорячились, конечно. Половина удовольствия от посещения крохотного безымянного ресторанчика, дюжина собратьев которого окружила расположенный на набережной рыбный рынок, теряется. Ибо ходить без пистолета мне как-то неуютно, соответственно, приходится ограничиваться кисловатым соком какого-то местного фрукта. А как чудесно с этим буйабесом 37 зашла бы кружечка пива, эхе-хе-х...

Ладно, и так неплохо. Хороший, в общем, город, мне нравится. Может, и зря я сюда изначально не поехал, как собирался. Глядишь, и проблем бы нашёл куда меньше. Игровые залы тут есть, проверял уже, посещаемость нормальная. Да и в целом видно, что город на подъёме. На окраинах строят новые кварталы, в центре дополнительные этажи надстраивают, а это самый надёжный показатель того, что в городе не просто водятся деньги, но особых проблем никто не ожидает. Жил бы сейчас спокойно, управлял игровым залом и в ус не дул. Увы, поздно пить «Боржоми».

После завтрака и прогулки, решаю-таки озадачиться пополнением арсенала. Как мне поведали в гостинице, оружейных магазинов в городе аж семь штук, что, имхо, на неполные сто тысяч населения как-то чересчур. Особенно, с учётом совершенно не поражающей воображение либеральности местного законодательства на огнестрельную тематику. Ну да мне от этого только лучше, раз имеет место быть конкуренция, то и цены не будут так безбожно задраны, как у латиносов. Хочется в это верить, по крайней мере.

Предчувствие обмануло не сильно. Обойдя четыре магазина, располагающихся не слишком далеко от гостиницы (до остальных тащиться было лень, да и особого смысла не просматривается), я разжил всё тем же семисотым Ремингтоном (от добра добра не ищут, как говорится) всё того же полюбившегося мне калибра.338 LM. Даже оптику точно такую же взял, как та, что досталась сицилийско-ню-ринским отельерам. Регулируемый приклад, сошки (да, я в курсе, что настоящие профи сошки не любят, а вместо них используют мешочек с сушёным верблюжьим дерь... э-э... с песком, в смысле, но где те профи, а где я), малый джентльменский набор, короче. Обошёлся агрегат в две восемьсот. Подороже, чем у Тома в Порто-Франко, но не сильно. Была ещё мысль купить себе ночной прицел, но проклятая амфибия при виде ценника (три с половиной тысячи самый дешёвый, совсем Орден совесть потерял со своими пошлинами) взбесилась и, во избежание асфиксии, пришлось ограничиться «гляделкой» за пять сотен. Тоже дорого, ну ничего, переживу. Штука в хозяйстве нужная, как показывает практика.

...

Дагомея, Мандела-Сити,

аэропорт «Ролíлахла»

Млять, как же вы, твари, меня достали!

— Я купил билет в представительстве вашей авиакомпании в Виго. С меня ещё и сбор взяли, в пятьдесят экю, за дистанционное бронирование. Если мест нет — переоформляйте билет на завтра и оплачивайте мне отель.

Жирная чёрная тётка за стойкой с фальшивым сожалением помотала увенчанной уродливым париком головой.

— Сожалею, сэр, на завтра билетов тоже нет, как и на послезавтра. Наша авиакомпания не занимается размещением в отелях, но, если вы возьмёте такси до города, уверена...

Сука тупая, я тебя пристрелю сейчас! Сначала ушлёпки на погранконтроле полчаса выносили мне мозг с каким-то «разрешением на транзит огнестрельного оружия», которое я, якобы, должен был оформить в представительстве Дагомеи в Виго. Какого хрена, спрашивается, та идиотка, что продавала мне билет, забыла упомянуть эту «мелкую деталь»?! Хотя, с вероятностью в девяносто девять процентов, негропограничники всё это выдумали, дабы поиметь с меня бабла. И уроды таки своего добились — пришлось отстегнуть им сотку, не отдавать же было все стволы на «конфискацию».

— Мэм, а как бы мне с вашим боссом поговорить?

Толстуха злобно нахмурилась.

— Зачем это ещё?

— Расскажу ему о сложившейся проблеме, уверен, он найдёт решение. Раз уж вы не можете.

— Мистер Грейстоун ответит вам тоже самое, что я уже сказала — мест на рейс нет. По поводу возврата денег вам нужно обратиться в офис, в котором вы приобретали билет...

Нет, эта тварь точно издевается. Несколько секунд с наслаждением представляю, как я ударом в морду сбиваю её со стула и начинаю пинать, пинать, пинать...

— ...возможно, я могла бы как-то договориться с пилотом, чтобы он взял вас стоя...

Аилоизыч, безмозглый ты дурак, ну почему ты не пошёл на юг вместо востока?..

— Нет уж, спасибо. Зовите менеджера, буду разбираться с ним.

— Я ведь вам уже сказала, что...

После ещё нескольких минут препираний толстуха наконец осознала, что ни доплачивать ей в карман за «стоячее место в самолёте», ни утираться и покупать новый билет на другой день я не собираюсь. Со злостью хлопнув ладонью по столу, она поднялась со стула и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, куда-то побрела. Надеюсь, за менеджером, а не на обед.

Облокотился на стойку, жду. В небольшом, грязном и обшарпанном холле аэропорта постепенно начинают накапливаться пассажиры очередного рейса. Судя по исписанной мелом доске — на Кейптаун. Эхе-хе-х... А ведь, не подставь меня эти чекистские умники, жил бы сейчас спокойно...

— Чем могу вам помочь, сэр?

Судя по акценту, «мистер Грейстоун» родом из заленточных США. Да и не только в акценте дело — по манере вести себя американские негры от африканских заметно отличаются. Вот и этот узкоплечий мужик в больших очках и с пивным животиком явно детство провёл не на Чёрном континенте.

Объясняю проблему. Менеджер сочувственно кивает, но разводит руками — мест на рейс

и правда нет, увы, сэр, ничего не можем поделаться.

— Правда, если вы согласны стоять в полёте...

Хм... ну, в принципе, не так уж долго тут лететь, меньше двух часов. Хочется, конечно, избить этих тварей до полусмерти и прострелить им колени, ну, или обматерить, хотя бы, но...

— Окей, давайте так.

Негр удовлетворённо кивает.

— Отлично, сэр. Дайте, пожалуйста, ваш билет и Ай-Ди...

Вот же уроды. Стопудово продали моё место кому-то, а деньги положили себе в карман. ТИА 38, что тут ещё сказать...

...

Конго, Лумумба,

аэропорт «Бийя»

Громадный, атлетически сложенный негр в светло-голубой форме и малиновом берете с разлапистой золотой кокардой придал своей широкой физиономии глубоко официальное выражение.

— К сожалению, месье Чернофф, это невозможно. Во-первых, вы уже нарушили миграционное законодательство Республики, не оформив заранее визу в Мандела-Сити. Соответственно, я, вообще-то, обязан вас задержать для последующей депортации. Кроме того, вы прибыли с неоформленным надлежащим образом оружием, что является уже уголовным преступлением. Я уж не говорю о том, что вы собираетесь в Пуэнт-Руж, доступ в который строго ограничен даже для граждан Республики в связи с военным положением...

А ничего так вещает, солидно. Причём, на английском, нормальное знание которого франкоязычным африканцам не слишком свойственно, насколько я помню по своему опыту. Впрочем, скорее всего, чувак родом из Франции. Как я слышал, практически всё здешнее начальство происходит оттуда.

— ...учитывая сложную ситуацию в области безопасности, непрекращающиеся попытки врагов Республики подорвать...

Бла-бла-бла... Напоминает мне конголезского погранца в Касюмбалезе, тоже пытавшегося объяснить, почему он нас не может пропустить, а даже если и пропустит — почему в Мбужи-Майи мы один хрен не попадём. Но, как показала практика...

— Полковник, я, безусловно, крайне сожалею об этом *непреднамеренном* нарушении законов Республики. К сожалению, сотрудники авиакомпании ввели меня в заблуждение, сказав, что никаких дополнительных разрешений для поездок из Дагомеи в Конго не требуется...

Ничего подобного мне не говорили, разумеется, но, учитывая, что правительство в Мандела-Сити считает Конго не отдельным государством, а автономным регионом Дагомеи, звучит

правдоподобно. Впрочем, дело тут не в реальности, а в том, что господин полковник хочет заработать, но лицо при этом терять не будет. Забавно, кстати — начальник погрансмены в грязном, захудалом аэропорту с полудюжиной рейсов в день — аж целый полковник.

— ...возможно, дополнительный инструктаж по мерам безопасности, стоимость которого я готов оплатить...

Полковника, однако, так легко не проймёшь.

— Инструктаж, несомненно, необходим. Но я не думаю, что этого будет достаточно, учитывая все обстоятельства. Вы ведь не собираетесь оставаться в столице, а едете в район военного положения. Если такая поездка вообще возможна, она, несомненно, потребует сопровождения уполномоченным представителем...

Блин, какого-то уroda ещё хочет в попутчики навязать. С другой стороны — это может оказаться даже полезным, ведь в аэропорту Пуэнт-Руж меня встретит такой же козёл в форме, тут уж к гадалке не ходи.

Понимающе киваю.

— Разумеется, это стало бы наилучшим выходом...

Ещё пять минут подобного словесного пинг-понга, и я становлюсь беднее на пятьсот экю, зато приобретаю (не насовсем, а в аренду) попутчика — молодого и здорового лейтенанта по имени Дэни. По случайному стечению обстоятельств, лейтенант оказался племянником полковника. Производит впечатление добродушного и жизнерадостного идиота, ну да посмотрим. Реально, очень здоровый — уж на что его дядя впечатляюще выглядит, но племянник ещё больше.

Английский Дэни знает, хоть и похуже дяди, так что общаться с ним можно. Если вдруг захочется, конечно.

— Дэни, а где тут касса, чтоб в Пуэнт-Руж билет купить?

Ручища толщиной в четыре моих указывает куда-то вглубь полутёмного холла аэропорта.

— Там, месье!

Хорошо, идём туда. Старые лампы дневного света под низким фанерным потолком неприятно мигают, действуя на нервы. Какой-то толстый негр, ожидающий рейса, щёлкает орешки, без тени стеснения кидая скорлупу прямо в тёмную, липкую на вид лужу на полу. Как обратно в Африку вернулся, хе-хе. Впрочем, почему «как»?

Останавливаемся перед небольшой каморкой, отгороженной от зала деревянной стойкой. В каморке, увы, никого нет. Здоровяк-лейтенант бормочет что-то недовольное себе под нос, поворачивается ко мне: «Подождите тут, месье!» и исчезает в душной полутьме.

Ну, подожду, что же ещё делать. Остаётся надеяться, что лететь стоя на этот раз не придётся — мне не понравилось. Впрочем, по крайней мере, я такой не один был — народ стоял вдоль всего прохода, белые, чёрные и индусы вперемешку. Но, что любопытно, не ливанцы — на тех, неким мистическим образом, сидячие места нашлись. Что тут скажешь — умеют люди устраиваться в геопроктологических местах, и от смены мира это их умение

никуда не исчезло.

Дэни вернулся, сопровождаемый что-то дожёвывающей на ходу толстухой.

— Месье хочет два билета в Пуэнт-Руж туда и обратно?

Ну вот, начинаются разводки. Продолжаются, вернее.

— Нет, месье хочет один билет, туда. С лейтенантом вы уж как-нибудь сами разберитесь.

Толстуха с деланным недоумением посмотрела на моего спутника.

— Я так поняла, лейтенант должен вас сопровождать, туда и обратно? Значит, на него тоже нужны билеты.

Усилием воли загоняю рвущееся наружу бешенство обратно.

— Лейтенант, как он вам уже сказал, я полагаю, летит по официальному делу, у него есть командировочное предписание. Так что, билет ему положен в любом случае. Если я что-то не так понял, давайте вызовем полковника Матена, уверен, он сможет решить это недоразумение...

Толстухе недовольно кривит измазанные жиром губы.

— Командировочное надо *предварительно* заверить в штабе Сил общественной безопасности, в городе.

Да чтоб вас всех...

— Уверен, учитывая все обстоятельства, это можно будет сделать позднее.

Кладу на стойку десять экю. Срабатывает — лицо толстухи, как по щелчку тумблера, становится из недовольно-склочного весёлым и дружелюбным.

— Пожалуй, месье. Ближайший рейс — завтра, в одиннадцать-ноль-ноль, билет в одну сторону стоит двести экю.

— Вот, пожалуйста.

— И ваш Ай-Ди, будьте добры.

Блин, ну ты бы хоть руки помыла — я же отсюда вижу, что у тебя пальцы в рисе и подливке измазаны. Эхе-хе-х... ладно, делать нечего. Будем надеяться, что подливка не настолько ядрёная, чтобы разесть пластик.

Столь сложными штуками, как компьютеры и принтеры здесь никто не заморачивается. Негритянка переписывает мои данные в какой-то засаленный журнал, после чего достаёт из ящика розовую книжечку с отрывными бланками билетов. Опять переписывание... какое у неё лицо сосредоточенное, аж язык высунула от напряжения. Но почерк красивый, надо признать. Руки бы ещё мыть научилась, а то билет тоже заляпала.

— Вот, пожалуйста, ваша квитанция, сейчас билет выпишу...

Блин, так это ещё не билет был, а кассовый приходник только. Ага, точно — опять полезла

в ящик, достаёт книжечку побольше, на этот раз зеленовато-синюю. В третий раз переписывает информацию с ID, ещё и номер квитанции указала... развели, понимаешь, бюрократию.

Закончив заполнять бланк, толстуха не спешит передавать его мне, сначала протягивая журнал.

— Распишитесь здесь, пожалуйста...

Расписываюсь.

— Вот ваш билет. Счастливого полёта, храни вас Бог.

— Большое спасибо.

Фуф, наконец-то! Отвык я что-то от африканских порядков, нервничаю много. А нервничать не надо, толку от этого не будет. Местные, если на них орать, могут упереться так, что и бульдозером не сдвинешь.

— Дэни!

— Месье?

— У тебя машина есть?

С гордостью кивает бритой головой.

— Конечно, месье!

— Замечательно. Отвези меня в какой-нибудь нормальный отель в городе. Китайцы тут гостиницы держат?

— Да, месье! И китайцы, и индусы, но больше всего — ливанцы.

Ага, я вот даже не сомневался, почему-то. К индусам не хочу, «плавали — знаем», ливанцы вообще-то могут вполне приличные места держать, но антипатия у меня на них, так что...

— Давай к китайцам, а там разберёмся.

...

Конго, Лумумба,

проспект Либертэ,

отель «Хуанг Донг»

Да уж, это вам не Виго. Да какой там Виго, это вообще иная вселенная, по сравнению с этим даже Мандела-Сити покажется вполне приличным местом, а уж Ситьо-де-ла-Луз и вовсе недостижимый идеал. Поездки из аэропорта на служебном джипе Дэни мне хватило для формирования твёрдого убеждения — «из гостиницы ни ногой». Дело даже не столько в опасности. Конечно, увиденная из окна машины сцена забивания ногами и палками какого-то

окровавленного негра («вора поймали, а если бы колдуна — то жгли бы, а не били», равнодушно пожал плечами Дэни) оптимизма в этом плане не добавила, но, в конце концов, видал я в жизни вещи и похуже. Нет, дело в общем угнетающем впечатлении, которое производит конголезская столица. Даже в «настоящем», заленточном Конго (большом, в смысле, маленькое-то попрличнее) всё не настолько плохо.

Широкий пояс невероятно нищих и загаженных трущоб, где убогие домишки обитателей, судя по всему, слеплены из навоза и прелой соломы, за которым следуют не менее грязные центральные кварталы. Трёх-пяти этажные узкие бетонные коробки, жмущиеся вплотную друг к другу, никогда не асфальтировавшиеся дороги, на которых может утонуть в грязи не то что джип, но и грузовик, забитые мусором и нечистотами канавы с копошащимися в них свиньями (каждую свинью охраняет пацанёнок лет десяти-двенадцати, вооружённый здоровенным мачете) ... и сидящие на низеньких табуретках у своих магазинов ливанцы и индусы, философски пускающие сигаретный дым в низкое, загромождённое тяжёлыми тучами небо.

На вопрос «а сколько вообще в городе народу живёт?» Дэни (который, напоминаю, не просто случайный оболтус с улицы, а лейтенант местной сигуранцы) задумчиво почесал бритый затылок и неопределённо хмыкнул.

— Говорят, тысяч триста, месье. Или пятьсот. Где-то так, в общем. Ну, это без трущоб — там-то никто их не считает. Миллион или два всего, наверное.

Ага. Как говорится, вопросов больше не имею.

Если в Ситьо-де-ла-Луз схожая (хоть и не столь запущенная) обстановка скрашивалась общей жизнерадостностью и расслабленностью горожан, то тут этого нет и в помине. Смесь угрюмого отчаяния, злобы и беспросветности прямо-таки ощущается в воздухе. Дэни гнал по забитой людьми улице практически без остановок, пешеходы только и прыскали из-под колёс в разные стороны, но даже так народ успевал заметить внутри белого и броситься к машине. Стучат по корпусу и стёклам, гримасничают, показывают на рот, дергают за ручку двери, что-то орут...

В общем, хоть я и не слишком восприимчив к такого рода картинам, сказываются общий расизм и богатый опыт посещения подобных мест, но, тем не менее, прибытие в гостиницу стало большим облегчением. Ну их нафиг, такие дорожные впечатления. Посижу внутри до завтра. Благо, укрытый за четырёхметровым забором с пущенной сверху «егозой» китайский отель выглядит как островок рая посреди ада. Конечно, дело в контрасте с окружающим убожеством, так-то заведение средненькое, но, тем не менее...

Кстати, средненькое-то оно средненькое, но вот цены очень даже кусаются — полторы сотни за весьма скромный номер. Ну, понятно, ценообразование тоже африканское. Дэни пытался было что-то вякнуть в духе «служебный долг требует постоянно сопровождать», но был мной послан на три буквы. Ещё чего не хватало, снимать за такие бабки номер этому лоботрясу.

— Дэни, хорош мозг выносить. Завтра с утра приезжай, отвезёшь меня в аэропорт. А пока нечего тебе тут делать. На вот двадцатку, отдохнёшь вечером.

— Да, месье! Спасибо, месье!

Молодой здоровяк расцвёл и, мгновенно утратив служебное рвение, куда-то поскакал. Наверное, предаваться пьянству и разврату. Как он ранее пожаловался, официальная лейтенантская получка составляет четырнадцать экю в неделю, и ту обычно платят

с задержкой в пару-тройку месяцев, так что...

Ладно, пора, видимо, объяснить, какого хрена я забыл в этой дыре. Ну, вернее, конкретно в этой-то понятно, что — транзит по пути в Пуэнт-Руж, но вот почему именно туда, не совсем понятно, наверное.

Садиться на судно в Нью-Галвестоне или Порт-Дели мне не хочется. Причины, полагаю, ясны — можно либо сесть, но в плохом смысле, либо и вовсе... того-с, ага. Других остановок, кроме Порт-Дели, у них не запланировано. Соответственно, единственный выход — заранее прибыть в порт, мимо которого караван будет проходить, арендовать там лодку и подняться на борт прямо в море. Дело облегчается тем, что уходить далеко от берега без явной на то нужды местные мореманы не любят, так что, долго блуждать по морям и океанам не придётся.

Конечно, всё это можно было бы провернуть и в менее проблемном месте, например, в Америке. Заодно и обошлось бы куда дешевле. Но тут всплывает один смущающий меня пункт — заход каравана в Порт-Дели.

Во-первых, у бриттов на меня есть зуб. Особенно с учётом того, что та самая Шестая отдельная рота лёгкой пехоты, которую мы так знатно расчехлили под Дурбаном, именно в Порт-Дели постоянно и базируется. Понятно, что мирный договор подписан, в котором есть соответствующие пункты, но... в конце концов, совсем необязательно меня сажать в тюрьму за терроризм и прочие смертоубийства. Можно найти при обыске наркоту, например, и повесить меня за это дело в строгом соответствии с законом. Или, если без экстрима, просто задержать «до выяснения», пока караван не уйдёт дальше на юг. Отличная пакость, как раз в британском духе.

Во-вторых, не обнаружив меня в Нью-Галвестоне, неизвестные (но предполагаемые) недоброжелатели вполне могут даже не заморачиваться отправкой в столицу Британской Индии разнообразных «хит-команд» и прочими вещами в голливудском духе. Достаточно, просто-напросто, организовать официальную телеграмму от Территориального бюро расследований Невады и Аризоны в Порт-Дели, тамошним ментам. Так мол и так, разыскиваемый за двойное убийство Виталий Чернов будет, по оперативным данным, на борту заходящего к вам русского переселенческого каравана. И, кстати, он ещё в Родезии с вами воевал, как мы слышали. Впрочем, последнее можно и не упоминать — уж в том, что я по соответствующим базам у бриттов прохожу, можно не сомневаться. Как и в том, что, в данном случае, отсутствие соглашения об экстрадиции не помешает суду в Порт-Дели оперативно вынести решение: перевязать меня подарочной ленточкой и отправить в Нью-Рино. Самолётом в Роки-Бэй, а оттуда прямые рейсы в аэропорт «Дон Луиджи Витали», ежедневные даже, если мне память не изменяет.

Вот и получается, что присоединиться к каравану мне нужно после Британской Индии. Единственный более-менее крупный порт (да и вообще сколь-нибудь цивилизованное место) — Пуэнт-Руж, «морские ворота» независимого Конго. Посему, придётся потерпеть местные безобразия. В конце концов, мне здесь не жить. Тьфу-тьфу-тьфу, постучу по дереву.

...

Конго, провинция Кванга-Ориенталь,

Пуэнт-Руж, аэропорт

Блин, такими темпами, я скоро путеводитель смогу издать: «Аэропорты Новой Земли, и почему от них нужно держаться подальше». Впрочем, маленькая и безымянная гавань главного конголезского порта особенных отрицательных эмоций не вызвала. Конечно, местные погононосители при виде незнакомого белого, выходящего из старенького Y-8, 39 мгновенно приняли охотничьи стойки и закапали слюной, но Дэни, надо отдать ему должное, быстро их успокоил. В итоге, знакомство со стражами правопорядка обошлось мне всего лишь в сотню экю, розданную мелкими купюрами, а заодно я арендовал полицейский джип (тоже что-то китайское, марку так и не смог определить) с водителем и пулемётчиком (в кузове стоит М2 40 на вертлюге) за десятку в день плюс бензин и (если будет расход) патроны. Провинциальная штаб-квартира и Сил общественной безопасности (это что-то типа ФСБ и Росгвардии в одном флаконе) и обычной полиции находится прямо в аэропорту, так что, никуда ехать для знакомства с заинтересованными лицами не пришлось. Получив небольшую (ну, для меня небольшую, по их-то провинциальным меркам — вполне приличную, я полагаю) мзду, хранители порядка и общественной нравственности заверили гостя города в совершеннейшем своём благорасположении и готовности помочь. «Если чё — заходи», короче.

С чувством облегчения прощаюсь с ментами и иду к машине. В принципе, можно и пешком дойти — аэропорт (хотя, скорее, аэродром) расположен прямо в центре города, примыкая к морскому порту, и главная площадь с большим католическим собором и несколькими относительно приличными зданиями начинается сразу за окружающей взлётное поле колючкой. Но пешком как-то несолидно, а статус в таких местах важен, так что, еду на джипе.

На площадь выходят четыре отеля — два ливанских, индийский и китайский. Как меня просветили чуть раньше полицейские начальники, этими четырьмя список пригодных для размещения белого человека мест в городе исчерпывается, так что я выбираю китайцев. Из каких соображений, уже объяснял, помнится.

Миловидная китайка за стойкой щебечет на чём-то, что она, видимо, считает английским, но понять её мне не удаётся. Впрочем, ничего страшного, на язык жестов переходить не пришлось — французским отельерша владеет лучше, так что Дэни выступает в роли переводчика. Сорок пять экю за номер? Эхе-хе-х... Ну, давайте его посмотрим, для начала. Если что, я могу и преодолеть свою антипатию к ливанцам.

Номер оказывается вполне приличным. На удивление даже, я бы сказал. Никакого «псевдокитайского» стиля, столь популярного в подобных местах, всё просто, элегантно и основательно — светлые оштукатуренные стены, мебель из чёрного дерева и здоровенная, деревянная же ванна, выдолбленная из толстого обрезка бревна. Единственный недостаток — окно выходит на площадь. Там даже днём весьма оживлённо, аж вечером, полагаю, будет совсем шумно.

— А на другую сторону выходящие номера есть?

Китайка, выслушав перевод, мелко кивает и, что-то тарыхтя, ведёт нас в другой номер. Обстановка примерно такая же, а что там снаружи...

Ага. Не, ну его нафиг. Окно выходит во внутренний двор, заполненный носящимися по утоптанной красной земле китайчатами, курами и поросятами. Тут же что готовят, стирают, сушат и... шумно, короче. Плюс, двор достаточно узкий, и за ним стоит ещё один трёхэтажный дом, один взгляд на который вызывает в голове определение «китайское общежитие». Спасибо, не надо мне такого вида из окна. Лучше уж на площадь посмотрю.

Дэни вновь пытается за мой счёт поселиться в отеле, и вновь я его безжалостно изгоняю.

В ментовке же говорили, что есть служебное общежитие, вот туда и звиздуй, а здесь ты мне нафиг не нужен. А? Если будешь нужен — позову. В городе нет телефонной связи? Ничего страшного, посыльного из гостиницы отправят. Скажи им только, куда. О господи, как ты мне надоел... ладно, на тебе пятёрку, и исчезни с глаз долой.

Радостный Дэни убежал покорять своим столичным шармом сердца местных провинциальных красавиц. Экипаж моего «такси» остался на боевом посту, возле гостиницы.

Ладно, мне в этом городишке торчать ещё больше недели, успею видом из окна насладиться. Для начала, надо найти место, где можно не отравившись (и, желательно, вкусно) поесть, а там дальше видно будет.

...

Конго, провинция Кванга-Ориенталь,

Пуэнт-Руж, юго-восточная окраина

Пуэнт-Руж, конечно, куда приятнее, чем столица. Нет, понятно, что «нашёл, с чем сравнивать», но, всё-таки. Меньше грязи, меньше суеты и толкотни, меньше скученности. Да и народ как-то повеселее выглядит, и подружелюбнее. По крайней мере, по той же Гран-Плас (центральной площади) вполне можно прогуляться пешком, и при этом не возникает ощущения, что тебя вот-вот съедят.

— ...а вот здесь у нас отгрузка готовой продукции.

Мишель, средних лет ливанец и совладелец лесопилки, с гордостью обвёл мускулистой лапой небольшой дворик, в котором полдюжины негров в хорошем темпе загружают грузовик досками. Здоровый он. Не грузовик, в смысле, он-то, как раз, маленький, а Мишель. Качок прямо.

— И куда отгружаете, в основном? На экспорт или тут, по месту?

Ливанец чуть приуныл.

— Пока по месту. Как война закончилось, народ начал восстанавливаться и строиться, спрос большой. С деньгами, правда, не очень. А на экспорт платят хорошо, но объём небольшой. Корабли-то только второй год, как ходят сюда. Но растёт, потихоньку. В этом году уже вдвое больше на экспорт продали, чем в прошлом, а он же ещё не закончился. Северяне берут, в основном, на Юге-то своего леса хватает. Вообще, очень хорошо, что порт открыли — вся экономика сразу в рост пошла. До этого тут такое захолустье было, не поверишь...

Ну, почему же. Очень даже поверю. Торговля, особенно морская — важнейшая штука. От неё, если только во власти не совсем уж имбецилы, экономика растёт, как на дрожжах. Другой вопрос, что, в здешних реалиях, местные от этого никакой выгоды не получают, всё уйдёт ливанцам и прочим индусам с китайцами, ну да тут уж ничего не поделаешь.

— ...для Дальнего Юга у нас очень удобно будет брать. И лес отличный, и цены хорошие, и загрузить можем. Ближе нас к вам только буры, но у них нормального порта нет, брёвна и доски на корабль не загрузишь. А у нас свой причал, с краном, любой корабль может

подойти...

Это да, в логистику они вкладываются. Большая часть леса на внутренний рынок тоже уходит водным путём — по реке с неоригинальным названием Конго, уходящей вглубь страны. Собственно, никак иначе его отсюда и не вывезешь, автомобильная дорога заканчивается километрах в тридцати от города. Устье Конго находится чуть южнее города, но места там топкие и болотистые, поэтому город основали здесь, на холмах. Где бриз хоть немного отгоняет совершенно жуткую духоту. Совсем немного, хе-хе — при температуре за сороковник и стопроцентной влажности лёгкий ветерок ситуацию кардинально не улучшит.

— ...с удовольствием предложим вам, как новым и перспективным покупателям, хорошую скидку...

Ага, уже верю. Можно подумать, я раньше с ливанцами дел не имел. Антипатия же не на пустом месте возникла, знаете ли...

Не то, чтоб я реально планировал заниматься поставками отсюда пиломатериалов на Дальний Юг, но цель визита я всем интересующимся (в погонах которые, в основном) обозначал именно как «осмотреться на предмет торговли», так что, приходится соответствовать. Ибо, сдаётся мне, признаваться в намерении просто сесть на проходящий мимо караван было бы весьма опрометчиво. Явного криминала в этом нет, конечно, но лишние вопросы обеспечены, а лишние вопросы здесь — это деньги, деньги и ещё раз деньги. А так, всё логично — человек собирается в новую колонию и, перед этим, вентилирует вопрос насчёт будущего бизнеса. Сплошная выгода для независимого Конго получается, а уж для Пуэнт-Ружа в особенности. Да и вообще — вдруг, и правда что-то срастётся.

Попрощавшись с обнадёженным перспективой новых клиентов Мишелем, возвращаюсь к джипу. Лоран и Вероник, водитель и пулемётчик соответственно, встречают благодетеля (в моём скромном лице) радостными улыбками. Как я уже упоминал, аренда полицейского джипа обходится в десять экю в день. Десятка, понятное дело, идёт в карман майора Жуппе, замкомиссара полиции, так что я, в целях поддержания морального духа экипажа, выдаю им аж по два экю в день, отчего все безмерно счастливы. «Им» — это водителю и пулемётчику, Дэни, как лейтенанту, достаётся целая пятёрка. Многовато, конечно, зато он не путается под ногами, когда не надо, и оказывает помощь в общении с местными, когда это требуется. В частности, именно через него я договорился с портовым радистом, дабы тот мне маякнул при появлении каравана. И с владельцем моторки тоже Дэни помог договориться. Остаётся надеяться, что меня не планируют обчистить до нитки и отправить на дно где-нибудь подальше от берега. Это, кстати, ещё один довод в пользу того, чтобы поактивнее вращаться в местных деловых кругах — чем известнее человек, тем меньше вероятность, что он просто так исчезнет.

Ну и вообще — не люблю я без дела сидеть.

...

Конго, провинция Кванга-Ориенталь,

Пуэнт-Руж, прибрежные воды к северо-востоку от города

Чёрт!

Острый нос моторки врезался в набежавший бурун, и водопад брызг мгновенно промочил меня до нитки. Старый, угловатый и весьма потрепанный жизнью лодочник с простым конголезским именем М'Ме радостно ощерился, обнажив коричневые пеньки зубов, и что-то прошамкал на ...э-э... хрен его знает, чём. Не на французском, точно. Но смысл, в общем, очевиден: «это тебе не по асфальту бродить, макрель ты сухопутная». Ладно, не сахарный, не растаю. Тем более, температура воды явно за тридцать, а воздуха — за сорок. Рюкзак и винтовка в полиэтилен укутаны, ничего с ними не случится. Если только нас никто не сожрёт, вместе с лодкой. Тут такое бывает, как я слышал.

Суда каравана уже видны прямо по курсу. Один, два, три... одиннадцать, за тремя тянутся на буксире судёнышки поменьше, всё верно. Какой из них танкер, что-то не пойму, а вот скотовозы видны сразу, по здоровенным клетям на палубе. Летом они возят крупных рогатых скотов (или скотин?) из Техаса и Конфедерации в Халифат, зимой обычно стоят на приколе, а тут, понимаешь, мы подвернулись. Интересно, как там животинки? Я, между прочим, не просто так интересуюсь — сам десяток овец купил. Ну, а что? Нефть нефтью, а эти пускай по окрестностям бегают, плодятся понемногу. Надо только следить, чтобы не сожрал никто, а то там это мигом.

Английского М'Ме не знает совсем, да и французский, кажется, не сильно лучше меня, так что, просто тычу пальцем во второе судно спереди. С Глебом мы уже по радио пообщались, ещё с утра, когда ко мне в гостиницу прибежал посыльный от портового радиста. «Штаб» колонии идёт на «Бремене», вот туда-то мне и надо. «Подальше от начальства, поближе к кухне» это, конечно, принцип хороший, но не всегда.

Караван всё ближе, уже видны любопытные физиономии на палубах. Ну, понятно: морское путешествие — дело нудное, по большей части, особенно для пассажиров, а тут хоть какое-то развлечение.

М'Ме лихо разворачивает нашу посудину и уравнивает скорости, умело парируя корпусом толчки волн. Борт судна возвышается в нескольких метрах, над ним маячат лица экипажа... ага, вон и знакомая борода показалась. Хм, а как, собственно, я наверх попаду? Верёвочный трап спустят? С рюкзаком и винтовкой как-то не слишком удобно будет по нему карабкаться...

Впрочем, мои сомнения быстро разрешились. Над бортом показалась стрела грузового крана, и вниз пошла сетчатая «люлька». Наверное, для настоящего моряка это было бы унижительно, мол, он же не мешок, но я-то не моряк, так что, мне пофиг. Сетка опускается в лодку, поворачиваюсь к М'Ме и отдаю ему вторую половину условленного гонорара — десять эку. По местным меркам — отличные деньги, он за год столько зарабатывает, наверное. Старый негр довольно щерится, вгоняя меня в непроизвольную дрожь (как же хорошо, что у нас дантист с собой есть!). Закидываю в сетку рюкзак, беру винтовку и залезаю вместе с ней сам. Подъём... блин, некомфортно-то как от бурлящей внизу воды... всё, палуба.

— Я уж думал, без тебя придётся идти. — Глеб выступает вперёд, протягивая ручищу.

— Ага, размечтался. Таки не дождётесь.

VIII

Экватор, территориальные воды Конго,

борт дизель-электрохода «Бремен»

Морская вода, тёплая и солёная, оказалась на вкус не такой уж и противной, как я себе представлял. Не пиво, конечно, но от одной кружки не помру. Всё, допил! С трудом удерживаюсь от того, чтобы поморщиться.

Собравшаяся на палубе толпа отметила мой подвиг бурными аплодисментами и переключила внимание на следующую жертву, а я, пользуясь резко понизившимся интересом к своей персоне, с благодарностью выхватил из рук Игоря стопку водки.

Фуф! Хорошо...

Теперь я бывалый морской волк, пересекавший экватор, хе-хе. Чем, между прочим, на Новой Земле может похвастаться далеко не каждый моряк. Во всяком случае, среди десяти человек экипажа «Бремена» таковых не нашлось. Ну, оно и понятно — крайней южной точкой коммерческого судоходства является расположенный на сотню километров выше экватора Пуэнт-Руж, да и он объёмом траффика не поражает, прямо скажем. Южнее же ходят либо исследователи Ордена, либо, раз в пару месяцев, орденский же переселенческий транспорт в Фолькстаат.

Глеб, осушивший свою кружку первым из пассажиров, присоединился к нашей маленькой компании, за ним подтягивается и Саня Фролов. С сегодняшнего утра, когда я поднялся на борт, времени поговорить толком и не было, все готовились к празднику.

— Чё, живой?

— Ага. Ты же первым пил, если что — первым и это... того.

— Ну да, ну да... что там у тебя за фигня в Нью-Рино случилась? Ко мне и там полиция приходила, о тебе спрашивала, и в Порт-Дели тобой интересовались...

Мысленно ставлю себе жирный-жирный плюс и глажу по голове. Экий я молодец, а?! Всё правильно рассчитал, и оставил всех с носом. Так, а вот в Нью-Галвестоне, выходит, ментов не подключали... значит, вальнуть планировали, скорее всего.

— Да в Рино с блатными сцепился в кабаке, с этого всё и началось. «Читинские», не знаю, слышал ты про таких...

Рассказываю малость отредактированную версию произошедших событий, не обременённую излишними деталями, типа Марата Феликсовича и его коллег. Глеб с Игорем о забайкальских отморозках не слышали, а вот Саня подтвердил — да, есть такие, и репутация у них весьма неприятная, даже для Нью-Рино.

— ...вот, ну и там уже тусовался, вас ждал. Заодно, кстати, с местными насчёт леса перетёр — если что, можно будет брать.

Глеб пригладил бороду.

— Ясно... ну, бывает, да. В Нью-Рино особенно. На Юге они тебя не достанут, думаю.

Да вот я тоже на это надеюсь. Хотя, конечно, по сторонам поглядывать всё равно нужно. Лучше быть живым параноиком, чем неживым ...э-э... непараноиком. Коряво как-то получилось, согласен, но мысль-то понятна?

— А как у вас с этими двумя прошло? Ну, «агитаторы» которые?

Саня подключился к разговору:

— Да без проблем вообще. Эти клоуны попробовали дёрнуться, так я одному перемкнул в голову, живо успокоились. Собрали манатки и свалили на хрен.

Ишь, резвый какой... ну-ну.

Игорь с хмурым видом потеребил леер.

— Не факт, что их только двое было. У меня пара надёжных людей среди рабочих есть, с кем в экспедиции ходил. Говорят, есть там один мутный тип, разговоры ведёт... всякие.

— «Всякие» — это какие?

— Ну... всякие. Ничего такого, до чего мы могли бы докопаться и посадить его в Порт-Дели. За жизнь, в основном, но всё с таким подтекстом, что надо рабочим людям держаться вместе и бороться за свои права, типа. Каждая отдельная фраза, вроде как, и ничего, чуть ли не я сам готов подписаться, но всё вместе получается... нехорошо.

— И где этот «борец за справедливость»? Кстати, вы под рабочих-то решили отдельный борт не выделять, я смотрю, раскидали по всем?

Глеб кивнул.

— Да, решили, так лучше будет. Больше сотни одиноких вооружённых мужиков на одном корабле — нездоровая среда, всякая хрень им в голову может взбрести. Третью тут, на «Бремене», вроде как под нашим присмотром, а остальных равномерно по кораблям распределили. И этот урод тоже здесь.

— Так а чего в Порт-Дели не высадили-то? Не нравится нам и не нравится, вполне достаточная причина. Деньги на билет до Нью-Галвестона в зубы и пинком под зад.

Все трое тяжело вздохнули, после чего Игорь выразил общую мысль.

— Да мы-то так и предлагали, но остальные не согласились. Типа, плохо повлияет на моральный климат, народ начнёт нас самодурами считать, потом может боком выйти.

— Ага. А когда этот дятел людей взбаламутит, и они нас, с нашими «правами пайщиков», на три буквы пошлют, тогда боком не выйдет?

— Не по адресу наезжаешь. Я это понимаю, и Глеб с Саней тоже. Но остальные не согласны. Так что, пока будем за ним приглядывать. Надеюсь, даст повод, тогда посадим его у буров.

Даст он вам повод, размечтались. Когда даст, тогда поздно будет. Начнётся кипение разума возмущённого, а там и «до основанья» недалеко. Ладно, будем посмотреть.

...

на подходе к проливу Папуа,

борт дизель-электрохода «Бремен»

— Мдя... ну вы даёте...

Глеб недоуменно нахмурился:

— А что не так? Хороший флаг, красивый. И правильные вещи символизирует.

Задумчиво смотрю на красное полотнище с белым коловратом. Красиво-то оно красиво, базару нет, но головой-то тоже думать надо иногда. Бородач, тем временем, развивает мысль.

— ...фишка в том, что красный цвет для нас работает. Большевики же не зря его выбрали.

— Да уж, офигительно сработало, ничего не скажешь...

Глеб с раздражением отмахнулся.

— Блин, да никто бы им не дал семьдесят лет у власти. Но продержались же! В том числе, потому что с символами умели работать! Понимаешь, есть вещи, которые работают, и есть, которые нет. Вот первые надо брать и использовать, а вторые надо пинком и на мусорку.

Как маленький, ё-моё. Вроде ж, мир повидал, пожил среди разных людей, а всё туда же...

— Глеб, а как ты думаешь, у Ордена какие ассоциации возникнут от такого флага? Особенно, с учётом их последних кадровых сдвигов? И вообще, у всех на Севере?

Лицо здоровяка приняло знакомое упрямое выражение.

— Ничего, побухтят и привыкнут. А правильный флаг останется.

Эхе-хе-х... и хоть кол на голове теши. Чувствую, это он всех остальных на голосовании и убедил такой вариант поддержать.

— Они не просто «побухтят», они будут по-другому относиться. А мы сейчас уязвимы по максимуму. И на хрена самим себе на пустом месте создавать проблемы? Нельзя было «триколор» или «имперку» утвердить? Потом бы, как укрепнем, поменяли.

Лицо Глеба приняло страдальческое выражение. Мол, «ну что ж ты глупый-то такой, очевидных вещей не понимаешь». Впрочем, у меня и у самого сейчас такое же, наверное.

— Да говно это всё, что «триколор», что «имперка». Ты пойми — правильные символы, это очень важно! Тут с самого начала нужно делать не «как придётся», а как нужно. И дальше уже намного легче всё пойдёт...

— Ага. Офигенно легче оно пойдёт, когда Орден нам весной пару-тройку тысяч каких-нибудь тамиллов или вьетнамцев отправит. Так, на всякий случай, чтоб мы тут в Четвёртый Рейх не заигрались.

— Не отправит...

— Это они тебе письменно пообещали и заверили у нотариуса, или как? Мля, ну нравится тебе так красный цвет, не вопрос, но хоть без коловрата-то можно было обойтись? Сделали бы на красном фоне синюю полосу посередине, типа, Аустралис символизирует, звёздочек каких-нибудь налепили... тринадцать, по числу пайщиков, ага. И нормально. А коловрат, если уж совсем приспичило, на городской флаг Новгорода можно присобачить.

Глава нашей будущей колонии помотал головой.

— Решение принято, переигрывать поздно. Менять флаг, ещё даже не доплыв до места, будет глупо. Да и ни к чему, я считаю.

Эхе-хе-х... а, хрен с вами. Не говорите потом, что я не предупреждал. Довольно сухо попрощавшись с Глебом, выхожу на палубу, остыть. В переносном смысле, разумеется — мы же недавно экватор прошли, на палубе жуткая парилка.

То крепнувший, то стихающий ветер особого облегчения не приносит. Хорошо, по крайней мере, что солнце не сильно печёт. Его, собственно, почти и не видно в плотной дымке, повисшей над морем, так размытое светлое пятно на сером фоне.

На палубе почти никого, все сидят внутри, под кондиционерами. Ну, а я кондёры не люблю, так что, тут постою. Уловив краем глаза движение, оборачиваюсь. Ага, кто-то из экипажа, по форменным шортам и майке видно. «Бремен» приписан к Нойехафену, экипаж, соответственно, немецкий, и определённый орднунг поддерживается. Без фанатизма, впрочем — постираться бы мужику явно не помешало, как и всему судну — провести большую приборку.

Делать особо нечего, так что, решаю его немного порасспросить, на предмет что да как. Моряк косится на подходящего пассажира (в моём лице) без особого энтузиазма, но и спастись бегством не пытается. Видимо, праздные любопытствующие его, пока что, не так сильно достали. Ну, ещё и трети плавания не прошло, наверстаем, хе-хе.

— Здорово!

— Здорово... — мужик меланхолично кивает, выпуская клуб табачного дыма. Типичная немецкая физиономия, узкая и словно вырубленная топором, голубые глаза сонно прищурены на фоне обгоревшей до красноты кожи.

— Не подскажешь, пролив когда будем проходить?

— Так уже и проходим. — он кивает на дымку, сгущающуюся в паре сотен метров от борта до совершенно непроницаемой взглядом консистенции.

— Блин... островов, значит, не увидим?

Немец мотает головой.

— Не-а. Да даже если бы не дымка, мы близко-то подходить бы всё равно не стали. Здесь опасные воды, и почти неизученные. Так что, кроме зелёной полоски на горизонте, ничего бы ты не увидел.

— Ясно...

Ну да и хрен с ними, в общем-то. Успею ещё на проплывающие мимо берега насмотреться.

— Да и вообще... — немец пожал плечами — хреновая у этих островов репутация.

— А что так?

— Говорят, людоеды там живут.

— Данунах?

— Ага.

По безразличному лицу собеседника непонятно, травит ли он морские байки, или говорит серьёзно.

— И кого они там едят? Сюда же никто почти не ходит.

Очередное пожатие плечами.

— Друг друга, наверное. Да и пытались к ним торговцы ходить, там камешки на островах есть, говорят. Но потом перестали, уж больно народец поганый живёт.

Камни, говоришь? Интересно... но вот почему я об этом не слышал раньше? Про «диких старателей» на Эльдорадо слышал, а вот про острова людоедов как-то нет. С другой стороны, из дагомейцев с конголезцами моряки, как из дерьма пуля, да и всякой чертовщины они боятся. Плыть к островам людоедов — явно не про них. Так что, если кто и ходит, то с Севера, скорее всего.

— Алмазы?

Немец покачал головой.

— Не... драгоценные всякие. Я в этом особо не разбираюсь, не знаю, какие именно. Изумруды, наверное, или рубины.

Ещё интереснее. Изумруды на Эльдорадо добывают, это точно, да и в верховьях Замбези они есть. Но за такие камни, думаю, всех людоедов бы быстро на чучела пустили, тут народ политкорректностью не сильно озабочен. Так что, камушки на островах Папуа (именно так они на карте и подписаны, а вовсе не «людоедские») может, и водятся, но явно какие-то не слишком ценные.

— Хм... а что за народец-то?

Моряк вздохнул.

— Да я откуда знаю? Каких-то грёбаных дикарей Орден сюда поселил, за каким-то хреном. Мне не докладывали. Кто говорит, что папуасы, кто — «тва» 41 какие-то, кто — амазонские индейцы. А может, все вместе, там остров-то не один, три больших и десятков маленьких. Но реально злобные. У меня кореш туда ходил, на торговце — у них двоих часовых прямо с палубы украли и сожрали потом. И никто ничего не услышал.

Что-то всё это чем дальше, тем больше на морскую байку похоже...

— А как узнали, что сожрали их?

Моряк резким щелчком отправил окурок за борт, проводив его глазами.

— А нашли потом место, где их ели. Яма, в ней костёр. Кишки валяются, кости погрызенные. Голов нет, *эти* их с собой унесли. А потом стрелять начали, и уж не до поисков стало.

Не, блин, точно он меня разыгрывает.

— Из чего стрелять-то? Луки? Духовые трубки?

Немец посмотрел на меня, как на полного кретина.

— Какие, на хрен, духовые трубки? Из «калашей», ясное дело.

Хм...

— Получается, кто-то с ними всё-таки торгует? Иначе, откуда бы у них «калаши» взялись?

— Да хрен их знает. Может, кто-то и торгует.

Беседа морячку явно надоела, так что он попрощался коротким кивком и свалил куда внутрь, в кондиционированную прохладу. А я остался на палубе, всматриваясь в клубящуюся вокруг дымку и представляя себе крадущиеся сквозь неё лодки, полные маленьких, татуированных с ног до головы смуглых человечков с подпиленными зубами и «калашами» в руках.

...

территориальные воды Фолькстаата, близ Претории,

борт дизель-электрохода «Бремен»

Жаль, далековато от берега, километра два где-то. Даже в бинокль не особо разглядишь. Ну, в мой, по крайней мере. Он же полевой, а не морской, максимальное увеличение — шесть раз. Ну, ладно, зато очень компактный.

А ничего так Претория выглядит, весьма даже симпатично. Аккуратные белые домики за линией прибоя, посреди зелёной саванны, белая же церквушка, а вдаль, из-за горизонта, встают серо-синие громады Драконовых гор. Домиков, правда, что-то очень уж немного, всего с полсотни. Учитывая, что перед нами столица анклава, занимающего больше тысячи километров побережья... хотя, не будем забывать, население у Фолькстаата невелико, мягко говоря. Три или четыре тысячи человек, вроде как. Точно никто не знает, да никому это особо и не интересно, если честно. Для жителей Севера бурский анклав — это что-то типа Чили или Новой Зеландии для европейцев конца XIX века. Где-то оно есть, судя по картам, но практический выхлоп от этого факта равен нулю.

Катер буров, лихо прыгая на крутых волнах, подошёл к борту «Бремена» метров на пять. За открыто расположенным штурвалом, то и дело заливаемым потоками брызг, торчит весьма колоритная личность — громадный, двухметрового роста мужик с внушительной, соломенного цвета бородой и в широкополой, соломенной же шляпе. Явно домотканые рубаха и штаны, широкий кожаный ремень с тяжёлой пряжкой и, для завершения картины, два револьвера на поясе и хаудах, 42 рукоять которого выглядывает у бура из-за плеча. Смотришь на него, и начинаешь даже немножко сочувствовать англичанам, которые с такими ребятами в своё время воевали в Южной Африке. Шутка, хе-хе. Нет у меня к англичанам сочувствия.

А вот интересно, всё-таки, зачем ему хаудах в море? Причём, у двух помощников, молодых, лет по пятнадцать, но тоже очень крупных пацанов, в наличии такие же монструозные стволы. Похоже, местная литоральная фауна кроткостью нрава не отличается.

Стрела грузового крана вынесла за борт плотно упакованный в пластик груз, молодые буры

ловко подхватили на лету мешок с долгожданными медикаментами (что-то им там срочно понадобилось, груз, получив согласие Глеба выступить в роли почтальона, самолётом перекинули из Кейптауна в Порт-Дели), ломкими басками прокричали что-то благодарственное и катер отошёл от борта «Бремена». Старший бур всё это время упорно делал вид, что никакого судна рядом вообще нет, и он просто вышел на морскую прогулку. Ну, я же говорил, буры — они такие... на своей волне, во всех смыслах.

Перевозу взгляд на группу опёршихся на леер зевак. Если конкретнее — на ничем особо не примечательного шатена лет тридцати с копейками. Сергей Андреев его зовут, разнорабочий из Нью-Рино. По крайней мере, так он представился при зачислении в будущие колонисты, и, скорее всего, это даже правда. Ну, в части ФИО, как минимум, ID-то у него проверяли. А вот кем он ещё является — вопрос. Будь на то моя воля, я бы с этим «вопросом» не разбирался, а отправил его к бурам, вслед за мешком с лекарствами. Но мужик не дурак, видимо, засёк наличие интереса к себе и градус «проповедей» резко понизил, так что, решение о его высадке так и не было принято. Имхо — это ошибка, которая нам ещё аукнется, ну да чёрт с ним. Не думаю, что он в одиночку сможет организовать серьёзные неприятности. Да и в любом случае, у меня в Ладогге его не будет, так что, пусть у пайщиков в более тёплых краях голова болит.

Вообще, если немножко удариться в паранойю, он вполне может представлять не братьев Ичасо по неразуму, а сослуживцев Марата Феликсовича. Глупо было бы думать, что попыткой вербовки меня их интерес к нашему предприятию и ограничится. Эхе-хе-х. «И нет нам по-ко-я...», мдя.

...

южнее мыса Каап-Крюгер,

борт дизель-электрохода «Бремен»

Интересно, как резко меняется природа. Чуть больше трёх часов прошло, как мы миновали крохотную, всего три дома, бурскую деревушку на мысе Каап-Крюгер, где проходит южная граница Фолькстаата. Отрог Драконовых гор там спускается прямо в море, образуя красивейший, покрытый буйной зеленью утёс. Молодцы африканеры, хорошую землю себе отхватили.

Так вот, я отвлёкся — всего полсотни километров к югу, а от цветущей саванны остались лишь узкие и всё более редкие полоски зелени вдоль сбегających с далёких гор ручьёв. Да и сами горы из серо-сине-зелёных постепенно становятся жёлто-серо-коричневыми. И температура воздуха заметно упала. Ещё не холодно, сейчас, в летний полдень, солнце прогревает воздух градусов до двадцати пяти, но я-то помню, что утром термометр переваливал за тридцатник.

Всё дело в холодном течении, идущем с юга. У Каап-Крюгера оно поворачивает на восток, вдаль от берега, так что земли выше мыса наслаждаются теплом и дождями, а ниже — прохладой и сухостью. Ну, или страдают от них, это уж как посмотреть. А что это там...

Навожу бинокль на проплывающий в километре берег. Ага, буры уже и сюда добрались. По степи медленно бредёт стадо овец голов в ...э-э... сто пятьдесят или двести, наверное. Или больше. Вокруг стада бегают с полдюжины громадных кудлатых псин, а чуть позади степенно

шагают две лошади с седоками в широкополых шляпах. Седоки, кстати, нас принципиально игнорируют, что смотрится довольно глупо, имхо. Ну не может двум пастухам в безлюдной степи быть неинтересен проплывающий мимо караван из более чем десятка судов. Особенно с учётом того, что здесь вообще далеко не каждый год кто-то появляется на море. Своеобразные нам достались соседи, ничего не скажешь. Впрочем, «соседи» довольно условные. Судя по картам Ордена, ещё часов через восемь начнётся уже реальная пустыня, и закончится она только за тысячу километров до устья Аустралиса. Которое, кстати, правильнее было бы называть дельтой, вообще-то. Через пустыню без крайней на то необходимости никто не полезет, так что ни нас, ни Фолькстаат соседство особо напрягать не должно. Хотя, чёрт их разберёт, этих буров, что у них на уме. Может, они уже весь Дальний Юг своей собственностью считали, а тут мы появились. Ну, жизнь полна огорчений, что тут скажешь.

Конечно, пустыня — это на берегу, а вот что там за горами... По расчётам климатологов-любителей, вроде как, получается саванна и редколесье, плавно переходящие в степи, но это всё теория. Беспилотники с орденских кораблей так далеко не дотягивались. Буры, уверен, знают, не могли они не обследовать окрестные земли, но делиться своими знаниями не спешат, и тут их можно понять. Исследуешь вот так, откроешь новые территории, все расскажешь, а тут невесть кто набезит и поселится на готовеньком. Типа нас, хе-хе.

Посмотрев направо, нахожу взглядом «Кейп-Код» — грузопассажирский теплоход вроде нашего «Бремена», но с портом приписки Форт-Рейган. На нём идёт всё мое барахло, а также нефтеперегонный мини-завод, плюс семьи, планирующие поселиться в Ладого и всё их имущество. Ну, не всё — скот плывёт отдельно, но остальная часть. А, чуть не забыл — рабочие мои тоже там. По идее, конечно, стоило бы туда перейти, познакомиться с народом пообстоятельнее... нет, мы в Порто-Франко уже общались, разумеется, но так, мельком...

Не, сегодня лень, завтра перейду. Да и мутит меня от качки, хоть и не очень сильно. Не хочется никуда переться.

Услышав детские крики и визг, поворачиваюсь налево. На баке компания детворы лет восьми-двенадцати играет в ...э-э... кажется, правильно это называется «салочки». Хотя, в бытность мою в их возрасте, у нас это называлось «в сифу». Молодёжь чуть постарше с важными, преисполненными осознания собственной взрослости лицами обсуждает что-то в стороне, презрительно поглядывая на расшалившихся «детей». Те же, кто к игре не допущен по причине малолетства, толпятся у лееров, завистливо комментируя происходящее. Чувствую, как из-под душевной чешуи пробивается что-то тёплое и даже, не сочтите за размазню, нежное. Наши же дети, русские. Будущее нашего народа. Осталось дать им возможность такими же русскими и вырасти. Ну, с этим мы справимся, я думаю.

...

северо-восточнее дельты Аустралиса,

борт дизель-электрохода «Кейп-Код»

— Не жарко, что-то ни фига.

Дима несколько театрально поёжился и застегнул ветровку под самое горло.

— Да ладно! Тебе-то после Ухты курорт должен быть, не?

Бывший житель Коми ухмыльнулся во всю ширину небритой морды лица.

— Курорт — это когда работать не надо, я его себе в любом климате могу устроить. Главное, чтоб не часто, а то сопьюсь нафиг. Но, блин, реально прохладно что-то, хоть вшивник поддевай.

Не поспоришь. Дело даже не столько в температуре воздуха, тут, как-никак, начало лета, да и солнышко пригревает, градусов пятнадцать будет. Но вот ветер... сильный, постоянный, не прекращающийся ни на секунду юго-западный ветер пронизывает одежду насквозь и выдувает из неё любое тепло. Ну, вернее, обычную одежду пронизывает — я вот не поспешил, ещё в Нью-Рино взял три комплекта разной одежды от «Норроны». 43 Влетело в копейку, конечно, импорт же, зато сейчас стою на палубе во вроде как лёгкой курточке и штанах, и хоть бы хны.

— Не передумал в Ладого оставаться?

Дима помотал головой.

— Не-а. Земли много, народу мало, от начальства далеко, рыбалка, охота... нафига мне те юга сдались?

— Ростов и Новгород — это не юга будут, а севера. Мы ж в другом полушарии. Юга — это у нас.

— А... ну, да. Но ты понял.

Киваю. Понял, что ж тут не понять-то. Хочется человеку простора вокруг, и чтоб никто не докучал. Не вопрос, я только за. И жена у него, Оля, вполне адекватная, как и двое сыновей-подростков. По крайней мере, кто-то в посёлке будет, не вызывающий особой настороженности. А то, блин, набралось клоунов, хоть первый в Южном полушарии цирк открывай.

Во-первых, Макс с Лилей, она же Лиана. Надеюсь, она при прохождении ворот такое имечко взяла, а иначе выходит, что *это* у неё наследственное. Не, так-то они приятные ребята, несмотря на то, что из Питера. Лиля ещё и красавица, хотя килограммов пять-семь бы ей набрать не помешало, но... мдя. Перебор у них по части оригинальности. Вы не подумайте, я насчёт религии не заморачиваюсь, да и вообще атеист, собственно говоря. Более того, придерживаюсь теории, что единственные религии, придуманные белыми людьми — это буддизм и индуизм, а вовсе не... ну, вы поняли. Но, как бы там ни было, это всё дела минувших тысячелетий, а вот к тем, кто всерьёз увлекается «духовными поисками» в наши дни, я отношусь с некоторой... настороженностью, скажем так. Максим же и Лиля — кришнаиты, причём не свежеобращённые, а уже лет пять как. Опять-таки, я вовсе не собираюсь их заранее объявлять сумасшедшими, но... чёрт их знает, чего от них ожидать. У нас вот в четырнадцатом был один ихний. Мужик как мужик, ну, со своими тараканами, но у кого их нет? Спортивный, и стрелял хорошо, в разведчики его определили. Воевал нормально, пока как-то раз с выхода не принёс обычный такой пластиковый кулёк, а в нём три отрезанных головы. Хорошо хоть, что не гражданских, а каких-то невезучих чуваков из двадцать пятой бригады, но как-то после этого желающих вместе с ним в разведку ходить резко убавилось. Я лично тоже не пошёл бы, ну его нафиг. Короче, настороженность к этой молодой паре у меня имеет место быть. Опять же, не понимаю, какого чёрта они забыли в холодной и безлюдной степи, а их объяснения ясности не добавляют и сводятся к «захотелось». А что ещё им потом «захочется»? Вот, то-то...

Кто у нас там следующий... два семейства староверов из Терёхино. Опять же — не то, чтоб я что-то имел против староверов, но... своеобразный они народ. На буров, кстати, похожи. Конкретно эти — даже внешне. Здоровенные такие, белобрысые мужики с бородами, два брата Мокеевых. Откуда-то из Красноярского края переселились в прошлом году, но в Терёхино не прижились. Говорят, слишком уж там мозг выносят. Ну, причина уважительная, не поспоришь. Жены у них ничем особо не выделяются, кроме рубенсовских форм, да и вообще они не особо общительны с посторонними. У старшего из братьев, Фёдора, трое детей, у Олега — двое, но скоро будет прибавка, через три месяца. В общем, мужики, вроде как, нормальные и работающие, но приглядывать за ними надо, на всякий пожарный.

Ну и на закуску — семейство Кокмаджиевых, Толик и Оксана. Тоже те ещё... оригиналы, мдя. Толик — невысокий, жилистый, круглолицый, со стопроцентно монголоидной внешностью, успел прославиться тем, что нажрался с мужиками, отмечая отплытие, и выпал за борт. Его успели вытащить до того, как какая-нибудь местная фауна позубастей заинтересовалась происходящим, но вот к счастью это или нет — вопрос, знаете ли. Честно говоря, будь моя воля — я бы его не взял, из расовых соображений. Оксана, как мне рассказывали, своего господина и повелителя одним ударом в нокаут отправила, стоило тому оказаться на палубе. Хе-хе, глядя на неё — верю. Эта и насмерть прибить может. Этаким тип «чернобровой статной казачки» из фильма... блин, забыл. Ну, вы видели, наверняка. «Тихий Дон», что ли... не, не помню. В общем, она Толика на голову выше, килограммов на тридцать тяжелее и на семь (староземных) лет старше, ей под сорок уже. Детей у них пятеро, хотя старший, судя по внешности, от первого брака (или не брака, не собираюсь я в их личную жизнь лезть). Шустрый такой паренёк лет шестнадцати, практически взрослый уже.

В общем, весело у нас там будет, чувствую.

— О, смотри! Вон, впереди тоже берег уже!

Дима ткнул пальцем в направлении носа. Далеко впереди, и правда, за серо-синим морем проступила серо-зелёная полоска. Вообще, многовато здесь серого цвета, небо, вон, тоже серое. Хотя, это сейчас, а ещё пять минут назад было голубым и солнце светило так, что глазам больно. И сразу заметно прохладнее стало, кстати. Погода здесь меняется практически мгновенно.

— Ага, это дельта уже, походу. Приплыли.

Как-то двусмысленно прозвучало, хе-хе.

...

дельта Аустралиса, северо-восточная протока,

борт дизель-электрохода «Кейп-Код»

— Мама, мама, смотри, страусы!

Младшая из дочек Оксаны, обхватив одной ручкой крепкую мамину шею, вытянула другую в направлении «страусов». Пять трёхметрового роста птиц, и правда напоминающих страусов-тяжелоатлетов, неспешной трусцой сопровождают нас вдоль берега, с интересом косясь на корабль. Нехорошим таким интересом — головы и клювы у них больше похожи на кеа 44

похожи, чем на страусов. Не, уважаемые пернатые, я, конечно, природу люблю и всё такое, но раззявите клювы на моих овец — перестреляю нафиг. Хотя, с такими размерами, они не только овец, но и человека запросто сожрут, если зевать будешь. Или, может, я на них клеветчу, и клювы им для выкапывания и разгрызания орехов нужны? Что-то не верится...

С идущего за нами «Сан-Кристовалея» хлопнул выстрел, и один из флоракосов (так, кажется, хищные южноамериканские «страусы» назывались?), выбросив облачко перьев, упал на землю, судорожно хлопая недоразвитыми крыльями и загребая грунт мощными когтями на длинных лапах. Блин, вот что за урод это сделал? Не трогают тебя животинки, и есть ты их не собираешься, на хрена убивать? Ненавижу такое.

Четвёрка сородичей подстреленного отбежала метров на тридцать и замерла, смешно крутя головами во все стороны. Громкий звук они со смертью товарища явно не связали. Жертва идиота с ружьём, тем временем, перестала биться и замерла. Трое из стаи рассредоточились полукругом, перекрывая подход к берегу, а четвёртый осторожно, бочком подошёл к убитому, внимательно его осмотрел и даже пару раз толкнул головой. Убедившись, что медицина бессильна, отвернулся, после чего все оставшиеся птицы, как по сигналу (впрочем, наверное, без «как», нам не слышно просто) вдруг бросились прочь от берега, на бегу выстраиваясь «ромбом» и вызывая панический «вертикальный взлёт» попадающихся на пути многочисленных пернатых помельче размером. Надо же, совсем не глупые, организация и социальное поведение присутствуют. И бегают быстро, даже очень.

Народ, собравшийся на палубе, загомонил, обсуждая увиденное:

- ...отстреливать с машины, или приманки отравленные рассыпать...
- ...через колючку не пролезут, чего зря патроны жечь?
- ...может, и не хищные, чё вы заочковали сразу? Сами их съедим всех, ха-ха.
- ...мама, а давай птенчика заведём?

Последняя фраза вызвала дружный хохот собравшихся, представивших «птенчика» в доме. Между прочим, не уверен, что смех оправдан.

- Они умные, судя по всему. Наверное, приручать можно.

Мужики недоверчиво хмыкнули, в духе «ну-ну, попробуй, а мы посмотрим», но тут меня неожиданно поддержал Толик.

- Я, может, попробую, попозже. На страусовой ферме работал одно время. К птицам свой подход нужен, это не собака и не конь...

Невысокий калмык у нас считается главным спецом по животноводству, так что народ уважительно призадумался. Я же представил себе атаку «Ладожского отдельного кавалерийского эскадрона» верхом на флоракосах, возглавляемую пьяным до изумления Толиком, и почувствовал, как уголки губ неудержимо ползут вверх. Да уж, картина та ещё, любой враг побежит с криками ужаса.

Берега протоки вдруг разошлись в стороны и исчезли, открыв взгляду простор великой реки. Сверкающая на солнце водная поверхность покрыта многочисленными барашками волн, справа, за прибрежными камышами, уходит вдаль плоская, как стол, степь, покрытая серебристой травой, а вот слева, у горизонта, видны тёмные силуэты гор. А живности-то,

живности... на воде и в воздухе просто мириады птиц, от самых крошечных до гигантов размером с пару лебедей. В тёмной речной воде то и дело мелькают рыбы спины, причём некоторые — с хорошее бревно толщиной. На фоне всего этого буйства сухопутная жизнь выглядит победнее, но, тем не менее, с палубы видно два стада среднего размера ...э-э... лам, наверное. Во всяком случае, рогов у них нет, так что антилопами не назовёшь. Что-то среднее между ламой и небольшой лошадю, скорее. Стада не слишком большие, голов по двадцать-тридцать. Что ещё... ага, снова «страусы», но эти уже больше похожи на заленточных. Тоже небольшое стадо (или у страусов стая?), мощными лапами выкапывают что-то из земли и едят. Что — непонятно, могут быть корнеплоды, а могут и мыши какие-нибудь. Вроде, больше никого... а, нет, вдали какое-то движение.

Навожу бинокль. Блин, да это же овцебыки! Ну, сходство не стопроцентное, но очень похоже. Шерсть покороче, а так... хм, а чего это они в круг сбились? Присмотревшись, замечаю нескольких волков, бегающих взад-вперёд перед стеной рогов. А волки тут крупные, однако... лапы высокие, бегают быстро, наверное.

— Смотри какой!

— Красавец, мля!

Кого это они... о, носорог! Даже три — мама и два детёныша. Ну, скорее всего мама, не думаю, что у них с папами гулять принято. Здоровенная мохнатая животина, метра четыре длиной и полтора в холке. Конечно, до рогачей и прочей северной фауны, включая тех же носорогов, ей далеко, ну так там и питание пообильнее, да и вообще жить проще. Зато у этого (пардон, этой) рог длиннее — больше метра.

Вопреки моим опасениям, никто из мужиков за ружьём не потянулся. Видимо, потому, что затрофеить один хрен не получится. Придурок на «Сан-Кристовале» тоже молчит, к счастью.

Наш «Кейп-Код» идёт пятым в линии, так что перемена курса неожиданностью не становится — всё видно заранее. Караван под острым углом пересекает реку и постепенно прижимается к западному берегу. Хотя, тут он скорее южный. Место для основания Ладоги намечено заранее, ещё в Нью-Рино, на основании орденских данных. Десять километров выше начала дельты, правый берег, где в Аустралис в одном месте впадают сразу две небольших речушки, стекающих с западных гор. В здешнем засушливом климате источник чистой воды — это важно. Понятно, что есть Аустралис, но прозрачностью он, прямо скажем, не поражает, хоть в Хуанхэ 45 его переименовывай. Не, преувеличиваю, конечно, но пить я из него без особой необходимости не стал бы.

Все, понятно, в курсе наших планов, так что толпа зрителей перемещается на левый борт, я не исключение. Суда идут вблизи берега, до узкого песчаного пляжа метров сто пятьдесят, не больше. Сразу за пляжем поднимается небольшой двухметровый обрыв, после него идёт полоса низких, причудливо искривлённых постоянными ветрами деревьев (или это кусты такие, чёрт их знает, я не ботаник), за которой начинается степь. Чуть не сказал «ковыльная», но нет — это не ковыль, хотя и похоже. Главное отличие — местная степная растительность с удовольствием поедается овцами и даже (если не злоупотреблять) может идти на корм коровам, плюс её семена не вызывают у бедных скотинок воспаления кожи. По крайней мере, такое заключение выдали орденские биологи, и очень хочется верить, что они не ошибаются, иначе придётся всех моих овец на шашлык пустить.

Вообще, правый берег как-то поживописнее левого — тут и деревья (уродливые и мало, но всё-

таки), и холмы, и ручейки время от времени показываются, а вдаль так и вовсе виднеются горы. Левый же — плоская, однообразная, унылая равнина, заросшая жёсткой на вид серебристой травой. Насколько я помню карту, выше по течению там тоже холмы появятся, но пока что грустновато как-то выглядит. С другой стороны — там фауна стадами бегала, а тут в этом плане не очень. Нет, пернатых и водоплавающих полно, но вот зверья практически не видно, крупного, во всяком случае. Какая-то мелочь бегаёт, которую в высокой, по колено траве и не разглядишь толком. Нас, что ли, испугались? Ну, вспоминая случай с фороракосом, может, и не зря.

Судовая машина заметно сбавила обороты. Прибываем, похоже. Ага, всё правильно — вот и устье. Интересно получилось — две небольших речушки, одна метров семь шириной, другая ещё меньше, впадают в Аустралис в одном месте, образуя единое устье, а дальше расходятся в стороны, почти под прямым углом. Дальше, где-то в полукилометре от берега, возвышается довольно высокий и длинный холм с приметной «двурогой» вершиной, на которой... ага, вот и фауна. Подстраиваю бинокль. Так и есть, волки. Наблюдательный пост у них там, что ли? Ну, логично, оттуда все окрестности должны быть, как на ладони. Но извините, ребята, придётся вам куда-то переселиться, потому как наша Ладога запланирована как раз у подножия холма, а соседи типа вас нам без надобности. Так что, уносили бы вы лапы, пока можете...

Караван окончательно встал, загрохотали якорные цепи, на палубах поднялась суета. Ну, на нашей палубе, во всяком случае, остальные-то ждут не дождутся, пока мы разгрузимся и можно будет подниматься по течению в тёплые края. Но это произойдёт не раньше завтрашнего вечера, думаю, да и вообще — сначала надо место осмотреть. Вдруг нам там не понравится? Может же такое быть?

Экипаж «Кейп-Кода» ловко спустил на воду большую надувную моторку, в которую, по веревочному трапу, уже далеко не так ловко слезла «приёмочная комиссия» в лице меня, Димы, братьев Мокеевых, Макса и Толика, плюс, «с правом совещательного голоса», Андрей Самойленко, старший нанятой мной бригады рабочих. Руки у мужика золотые, в организации поселений на пустом месте он разбирается, как никто другой, грех не спросить у него совета. За «кормило» нашего плавсредства сел кто-то из экипажа ...э-э... Джейкоб, кажется, его кличут.

Моторка скользнула к берегу и уже через минуту мягко ткнулась носом в илистый берег. Выпрыгиваем на песок, стараясь не промочить ноги, Джейкоб остаётся на посту. Пару минут спустя рядом таким же макаром оказываются Глеб, Игорь, Саня и ещё один мужик из рабочих. Их «кормчий» тоже остаётся в лодке.

— Что, мужики, с прибытием!

Глеб лучится радостью, что вполне понятно — человек ради этого дня пахал, как проклятый, я уж не говорю об оставленной позади жизни успешного застройщика. Народ отзывается неразборчиво, но явно одобрительно, хорошее настроение предводителя экспедиции передаётся всем.

Без особых проблем взбираемся по осыпающемуся откосу и замираем на полминуты. Постепенно опускающееся к горизонту солнце прогревает спину и правый бок, ветер свистит в причудливо скрюченных ветвях карликовых деревьев, какие-то насекомые свиристы в траве, в небе перекликаются птицы. Опасности не видно, но значит ли это, что её нет... Внезапно долетевшее со стоящего на реке скотовоза протяжное «му-у-у!» вызывает смешки и снимает напряжение.

— Тоже на берег хочет!

— Ага, по травке побегать...

— Ну, чё, пойдём?

— Пойдём...

Автомат на левое плечо стволом вниз, мне так удобно, и вперёд, хе-хе, в пампасы. Хотя, тут для классических пампасов слишком сухо и прохладно, всё-таки, они севернее должны быть. Почва твёрдая, но идти не очень удобно — много небольших, острых камней, которые легко не заметить в траве и споткнуться. Впрочем, после стольких дней на палубе, всё равно приятно. И трава как пахнет... с удовольствием втягиваю наполненный ароматом разогретого на солнце «ковыля» полной грудью. Хорошо!

Процессия было растягивается, но Саня, с помощью довольно бесцеремонных выражений, заставляет отстающих подтянуться. А приплывшего с ними мужика я вспомнил, кстати. И по имени, Андрей его зовут, и по предназначению — какой-то там бывший спецназёр, завербованный для обеспечения безопасности в широком смысле этого слова. Их всего четверо таких, никто семьи с собой не брал и получка им в Нью-Рино на банковский счёт поступает. Могут такие ребята пригодиться. Не хотелось бы, конечно, но...

— На три!!! — крик «спеца».

Разворачиваюсь на три часа, одновременно вскидывая автомат. Впрочем, выстрелить не успеваю — троих мчащихся на нас фороракосов, выскочивших откуда-то из-за кустов, мгновенно сбивает целый град пуль, только перья во все стороны летят. Убедившись, что никто не собирается, пользуясь суматохой, напасть на нас с другого направления, подходим поближе. «Спец», тем временем, сообщает по радики, что с нами всё в порядке.

— Ни хрена себе, клювик!

— Ага. Ты на когти посмотри — такими как долбанёт, вспорет от пасти до задницы!

Птицы, и правда, внушают. Мускулистые лапы заканчиваются двумя устрашающими когтями сантиметров по двадцать длиной, и тремя небольшими.

— А как она с такими хреновинами бегают-то? Неудобно же.

— Так поднимает, наверное. Это для охоты чисто, а чтобы бегать — вот эти, поменьше. Подбежала, полоснула, отскочила. Ждёт, пока кровью истечёшь.

— Чего они на нас напали-то? Нас же больше! Совсем тупые, что ли?

— За соперников, наверное, приняли. Решили, что территорию пришли отнимать.

— А-а... тогда умные, правильно решили, ха-ха.

— Та не говори... а были бы у них стволы, вообще положили бы нас на месте.

Насмотревшись на монструозных птиц, идём дальше. Ветер, по мере приближения к холму, ощутимо стихает, и в куртке становится жарковато, так что расстёгиваюсь.

Полоски кустов, отмечающие берега речушек, раздаются всё дальше в стороны, огибая холм

с боков. Так, а вот там впереди тоже какая-то густая зелень. К чему бы это?

Как оказалось, у подножия холма из земли бьёт небольшой родник. Мужики, немного помявшись, по очереди пробую воду.

Ух! Холодная, блин, аж зубы сводит! Но вкусная. Вода — это хорошо.

Что, по-моему, отличное место. Воды вокруг полно, холм, тянущийся на полкилометра в стороны и загибающийся буквой «Г» прикрывает от ветра, солнечная сторона, река рядом.

— Андрюх, чё думаешь?

Пожилой, но ещё крепкий мастер из Тюмени задумчиво пошевелил усами.

— Нормально. Немного поработать, с умом всё сделать, сказка будет.

Ну, сказка не сказка, но жить можно, мне кажется. Будущие горожане разбрелись по окрестностям, уже присматривая места под родовые усадьбы (это они торопятся, хе-хе), «спец» бдитительно оглядывается по сторонам, не выпуская из рук АКМ. Поворачиваюсь к «господам пайщикам»:

— Наверх поднимемся?

Все дружно кивают, и мы начинаем восхождение. Впрочем, склон не слишком крутой, так что, даже с учётом хромающего Сани, полсотни метров (по вертикали, в смысле) до вершины мы преодолеваем быстро. По дороге думаю — вот хохма получится, если те самые асфальтовые озёра окажутся с другой стороны холма. Собственно, ничего плохого в этом не будет, наоборот, скорее, но забавно выйдет.

Ветер возле вершины такой, что, кажется, вот-вот оторвёт нас от земли и забросит куда-нибудь на левый берег. Пригнувшись и смахивая выступившие на глазах слёзы, поднимаемся на самый верх.

Ага. Не получилось. Озёр, ни асфальтовых, ни обычных, за холмом нет. Такая же, более-менее ровная степь тянется до следующей гряды, километрах примерно... мм... в восьми-десяти от нас, а уж что там, за ней — неведомо. Горы по-прежнему маячат далеко у горизонта. Подавляю вздох разочарования. Найдём мы эту нефть, никуда она от нас не денется.

Волки, о которых мы не забыли, тоже обнаружились — семеро зверей длинной вереницей тянутся у подножия холма вправо по склону, к полоске кустов. Видимо, почувствовали, что с нами отношения выяснять не стоит. Ну, молодцы, правильно поняли обстановку.

Глеб с довольным видом оглаживается по сторонам, и на лице у него прямо-таки светится надпись: «Русская Земля Вокруг! Наша!». И непременно всё с заглавных букв. Ну, понимаю его. Сам что-то такое чувствую.

— Чё, пойдём вниз? А то сдует тут на хрен.

Поселенцы уже облазили окрестности вдоль подножья холма и, переполненные впечатлений и эмоций, столпились в кучу, азартно споря о чём-то и смоля сигареты. Все курящие, кстати, кроме Макса, а уж что он употребляет, я и гадать боюсь.

По лицам видно, что место всем понравилось, но, порядка ради, спрашиваю:

— Все за то, чтобы здесь поселиться?

Получив в ответ хор восторженно-одобрительных возгласов, удовлетворённо киваю.

— Хорошо. Тогда, здесь будет город заложен, ха-ха.

Дима подхватывает:

— Отсель грозить мы будем буру!

А вот без этого хотелось бы обойтись, честно говоря. Нечего нам с бурами делить и, надеюсь, сами они это понимают.

Глеб по радиации приказывает начинать первый цикл. А? Нет, это не выгрузка. Сначала, нужно причал оборудовать, не лодками же весь груз на берег перекидывать. Но у нас всё подготовлено, не зря столько денег и времени убили.

По дороге к берегу обнаруживаем, что застреленных нами птиц уже вовсю рвёт какое-то местное зверьё, больше всего похожее на зубастых, широкооротых броненосцев размером со спаниеля. Наше присутствие падальщиков совершенно не смутило — покрикивая друг на друга забавными, высокими и тонкими голосами они увлечённо продолжают пиршество, туши флоракосов тают просто на глазах. А вот несколько крупных грифов оказались более пугливыми и, с недовольными, хриплыми криками взмыли в воздух.

Хм... любопытно. Зверьков тут десятка два, как минимум. Особо проворными они не выглядят, времени прошло всего-то около часа, получается, их плотность на единицу площади довольно высока. А чем, стесняюсь спросить, они обычно питаются? Что-то несметных стад, могущих обеспечивать достаточный объём падали, мне тут на глаза не попадалось, пока что. Или «броненосцы» всеядны, и падаль — приятный, но редкий нежданчик?

На пляже уже кипит работа — полтора десятка лодок перевозят рабочих и материалы для строительства причала. Глеб, как главный не только вообще, но и конкретно по строительной части, тут же приступает к организации порядка из хаоса. Ага, вон чуваки на моторке замеряют эхолотом глубины у берега, выбирая место для причала.

Причалов мы с собой везём аж семь штук, в разобранном и сдутом виде. А? Да, в сдутом, потому как они понтонные, и пузатые баллоны из прочной резины занимали бы в надутом виде слишком много места. Сейчас же на судах их быстро накачают, рабочие установят сваи, закрепят понтоны, настелют сверху решётчатые металлические листы, и готово. По крайней мере, в теории это всё так и выглядит, а на практике — хорошо бы успеть с этим делом до темноты, чтобы завтра с утра начать разгрузку. Тогда есть шанс её завтра же и закончить, особенно с учётом того, что широты здесь высокие, на дворе то ли поздняя весна, то ли начало лета, и светлого времени в сутках часов двадцать пять, не меньше. Преимущество такой конструкции перед традиционной — можно быстро отцепить от свай, прицепить к лодке и куда-нибудь перетащить. Случаи, как известно, бывают разные, лучше быть к ним готовыми.

Игорь кивком отозвал меня в сторону.

— Ну что, как договаривались — вы с Глебом тут, а я ночью на «Бремене» ищу?

— Ага. Блин, хорошо бы, на этой стороне оказались.

Наш геологоразведчик разводит руками:

— Ну, это уж не от меня зависит. Главное, вообще их найти, а уж на каком берегу — не принципиально.

Это тебе не принципиально, а вот мне как-то спокойнее будет, если наше маленькое нефтяное эльдорадо окажется, во-первых, не слишком далеко от Ладоги и, во-вторых, не отделено от неё четырёхкилометровой рекой. Ибо, как гласит народная мудрость: «случаи всякие бывают». Например, на этой самой реке может оказаться кто-то недружелюбно к нам настроенный, и с хорошими калибрами. Впрочем, от Игоря это и правда не зависит. Его задача — с наступлением темноты посадить на верхотуру пару человек с хорошими ночниками и, без особой спешки, пойти вверх по течению. В случае, если за пять ночных часов желанных «отблесков на холмах» не обнаружится, сделать остановку на день, и следующей ночью проделать то же самое. А вот если и на третью, и даже на четвёртую ночь ничего не обнаружится — тогда это уже будет очень и очень печально, особенно для меня. Пристрелить, конечно, не пристрелят, но вот отношения с руководством колонии испортятся, что не есть хорошо, мягко говоря. Да и денег уже в это дело вложил немеряно...

Глебу по радиации стали поступать запросы с разных судов на предмет «сойти на берег, поразмяться и вообще». Наш предводитель сначала вежливо объяснял, что «не время пока, Родина в опасности», но от однообразности и настойчивости просителей довольно быстро осатанел и далее без особых политесов посылал жаждущих ступить на берег в пешее эротическое. Вспыльчивый он, даже несколько чересчур, я бы сказал, ну да ладно — за организаторские способности и волю к победе человеку многое можно простить. Да и в самом деле — ну вот зачем сейчас на толком необследованном берегу нужна толпа праздных зевак, путающихся под ногами у рабочих и притягивающих к себе неприятности? Доплывёте до выбранного места поселения и гуляйте там хоть до посинения. В свободное от работы время, хе-хе.

IX

Русь, нижнее течение Аустралиса, напротив Ладоги,

борт дизель-электрохода «Кейп-Код»

Подходя к кают-компания, ещё из коридора слышу: «...вот тут, вдоль речки участок возьму...». Кто-то из Мокеевых раскатал губу. Ага, вдоль речки он возьмёт. Чувствую, сейчас придётся немного поругаться.

Зайдя в помещение, обнаруживаю полный комплект совершеннолетних колонистов, включая прекрасную половину, сгрудившимися вокруг стола с нарисованной от руки картой будущей Ладоги. Блин, женщины, конечно, это не слишком здорово, они могут и скандалить начать, а я этого не люблю... а, ничего не поделаешь. Раньше надо было думать.

Оксана, как обычно, берёт инициативу.

— Виталий Сергеевич, мы тут участки пока распределяем...

Ну-ну. И лицо такое... как у кошки, когда её за поеданием чего-то на столе застают. Смесь наглости и смущения. Ща я вас...

— Ну, это вы поторопились, Оксана Николаевна. Вот Генплан, только что у Глеба Михайловича утвердил...

С этими словами выкладываю на стол лист формата А-3.

— ...вот в *строгом* соответствии с ним мы сейчас и произведём распределение земельных участков, с учётом пожеланий жителей...

Участники собрания, впечатлённые словом «Генплан», официального вида схемой с подписями и печатью и потоком моих канцеляризов, несколько ошарашенно замолкают. Ну, на то и был расчёт — народ у меня своеобразный, конечно, но простой. За исключением Макса и Лили, они-то, всё же, полустоличные жители, да и мир успели немного посмотреть. Впрочем, первой опомнилась всё та же Оксана:

— Какой ещё «Генплан»? Мы тут решили уже всё! Зачем все эти планы, нас тут всего-то...

— *Оксана Николаевна!* — тоном и поднятой ладонью сигнализирую излишне бойкой бабе, что сейчас надо слушать, а не говорить. Явно скрепя сердце, она временно замолкает, и я продолжаю.

— В каждом городе должен существовать Генплан, обеспечивающий его устойчивое и гармоничное развитие в соответствии с требованиями...

В общем, такого рода речи я толкать умею. На митинге, конечно, это не прокатит (ну, если он не из свезённых автобусами бюджетников состоит), но у нас-то не митинг, а формат «начальство объясняет народу, что ему [народу] надо для счастья». Для подобного случая очень даже подойдёт.

Что? Как же либертарианство и всё такое? Хм... не надо путать его с анархией, знаете ли. Это распространённая ошибка. Чаще только с социал-дарвинизмом путают. Да и вообще — любую хорошую идею можно довести до абсурда. Да и вообще — ну вот, кроме меня, лучше знает, «как надо»? Правильно, никто. Это шутка, конечно, а если серьёзно: хочешь жить в городе — будь добр, соблюдай некоторые общие правила, дабы этот город не превратился в ад. Не хочешь соблюдать — не проблема, живи на своей земле за городом, и строй там что хочешь, хоть Великий Зиккурат.

Откуда взялся Генплан? Да Глеб накидал, за час где-то. Он же застройщик, понимает в таких вещах. Ну, надеюсь, по крайней мере, что понимает. Не совсем с нуля накидал, конечно, мы же заранее это место планировали под город, и данные проведённой орденскими беспилотниками аэрофотосъёмки у нас были ещё в Нью-Рино. Так, кое-что подправил и уточнил.

Кстати, человек реально увлёкся, пришлось его останавливать, когда он начал мост через Аустралис рисовать, пытаясь вписать в общую перспективную схему городского транспорта. Но, имхо, в общем и целом схема получилась очень даже ничего. С прямоугольной сеткой улиц, несколькими площадями и скверами, всеми основными городскими зданиями, двумя парками вдоль речек и третьим вдоль набережной Аустралиса. Конечно, что из этого в итоге воплотится в жизнь — вопрос, но выглядит красиво и продуманно, во всяком случае.

— ...в центре поменьше, на окраинах — побольше. Тут уж каждый может сам выбирать. Так что, вот вам план, смотрите, какой участок больше нравится.

Неугомонная Оксана, в течение моей речи с недовольным видом рассматривающая схему, ткнула пальцем в проходящую вдоль подножия холма улицу.

— Нам вот здесь тогда. Мы два участка пока займём, всё равно пустые будут стоять.

— Сейчас стоят, потом не будут. Вы что там, строиться собрались, что ли? И как потом с него съезжать будете, бросать постройки? Это же чисто для жизни участок, в городе, а основная ваша земля, под хозяйство, за его пределами будет.

Оксана быстро затараторила, пытаясь подавить меня напором и не дать возразить:

— А мы пока тут будем хозяйствовать! Людей же нет, зачем далеко ходить? Огород заведём, хлев поставим! Мы тогда двойной участок в счёт основного возьмём, в городе, а вы из основного этот кусочек вычтете!

Чувствую, как начинаю медленно закипать.

— Нет, Оксана Николаевна, два участка вы не возьмёте, а возьмёте один.

Склочная баба уставилась на меня исподлобья, уперев руки в бока и подпустив в голос лёгкую истеричку.

— Почему это не возьмём?! Чего земле зря пропадать? А где нам огород разбивать, скотину держать?! Что это за пятак, тут и шести соток не будет! Когда ещё люди новые приедут! Тогда и освободим, если земли не будет! А может, и не приедут! А зачем...

Отчаявшись, после пары попыток, вставить хоть одно замечание в этот словесный поток, с силой хлопаю ладонью по столу, что заставляет Оксану временно заткнуться.

— Это не шесть соток, а двадцать четыре! Карту читать научитесь, для начала! Не нравится в центре — берите на окраине, там сорок. Не нравится там — селитесь на своей земле, за пределами города. Не хотите — проваливайте отсюда в степь к чёртовой матери! Никаких двойных участков! Никаких отклонений от Генплана! Не нравится — на хрен! Вопросы?!

Такой подход, в отличие от логики и аргументов, Оксане вполне понятен. Притворно заулыбавшись и уверив меня, что ничего плохого в виду не имела, супруга Толика (блин, бедный мужик, мне его реально жалко) быстро переключила свою неуёмную активность в созидательное русло — выбор участка. За ней, чуть опасливо косясь на меня, подключились и остальные. Вот и славно.

Надо, кстати, и себе тоже выбрать. Но после всех — так оно, думаю, будет вернее с политической точки зрения.

...

Русь, нижнее течение Аустралиса, напротив Ладоги,

борт дизель-электрохода «Кейп-Код»

— А!

Глеб, только что разбудивший меня похлопыванием по плечу, от неожиданности отскакивает в сторону. Трое прочих обитателей каюты, уставшие после тяжёлого рабочего дня, продолжают выдавать залиvistые рулады носами.

— Чё орёшь-то?

— Да так... хрень какая-то снилась. Новости?

Бородач кивает.

— Ага. Пойдём, на палубе обсудим.

Ну, и правда, нечего чужие уши зря греть. Я ночую в каюте с тремя рабочими, включая Андриюху, мало ли, кто из них что лишнее может услышать...

— Да, сейчас, оденусь.

Глеб выходит, а я, стараясь не шуметь сверх неизбежного минимума, быстро споласкиваю физиономию в крохотном умывальнике и одеваюсь, не забыв проверить пистолет. Не то, чтоб я всерьёз опасался, что Глеб меня сейчас долбанёт молотком по голове и отправит на корм ракам, но...

Блин, и лёг засветло, и сейчас светает уже, а ни фига не выспался, всего-то часов шесть прошло. Жаль, мы до Полярного круга не дотягиваемся, а то бы и белые ночи были. Туризм бы развивали, как в Питере, хе-хе.

Нахожу Глеба философски разглядывающим возведённый вчера рабочими причал. Молодцы ребята, быстро управились. Надеюсь, сегодня успеем всё разгрузить.

— Ну, чего, нашли?

— Вроде как. Отблески видели ночью, сейчас на берег высадутся и пойдут проверять.

— Далеко? На каком берегу?

— Семьдесят километров отсюда. На том. — бородач кивнул в сторону надстройки, закрывающий от нас левый берег.

Блин, на том — это плохо. Ну, ладно, что ж поделаешь. Зато, всего семьдесят километров — четыре часа хода для одного из тех LCM-8, 46 что мы приволокли на буксире. Кстати, повезло с погодой — один хороший шторм по дороге сюда, и предназначенные для спокойной воды посудины ушли бы на дно. Хотя, с другой стороны, мы же их доверху забили пустыми бочками и пиломатериалами — плавучести это должно очень способствовать, как мне кажется.

— Нормально, недалеко.

— Ну, погоди радоваться, пусть дойдут сначала и посмотрят, что там. Но так да, удобно.

Хмыкаю:

— Остальные теперь коситься будут. Знали заранее, типа...

Глеб равнодушно отмахнулся:

— Это бизнес, чего тут детский сад устраивать. Мы сделали, мы и молодцы, а остальное никого не колышет.

Ну, тоже правильно.

Со стороны столовой (вообще, вроде как, по-морскому называется «кают-компания»), но мы

люди сухопутные) донёлся гомон — народ уже проснулся и приступил к приёму пищи.

— Пораньше сегодня подъём?

— Ага. Для рабочих. Пускай зарплату отрабатывать начинают. А остальные сегодня хоть бы вообще не просыпались, мешают только.

— Хе-хе.

Завтрак прошёл в темпе, и работа завертелась. «Кейп-Код» осторожно подошёл к пятидесятиметровому причалу и начал выгрузку. Первыми — четыре пикапа и грузовик, затем колючая проволока и столбы, дабы оградить подходы к причалу. Закончив с этим, будущие поселенцы и несколько десятков рабочих загрузили ещё проволоку и столбы на машины и отправились к выбранному под город месту — огораживать тамошние стройплощадки. И только после того, как это было сделано, очередь дошла до стройматериалов. Животины же пока подождут — на борту скотовозов они в полнейшей безопасности, а везти их через половину глобуса только для того, чтобы какой-нибудь голодный и когтистый страус-переросток за минуту порвал всех овец, было бы как-то глупо.

Тем временем, «Сан-Кристоваль» и «Фачима» пересекли реку и бросили якоря у противоположного берега. Та же команда рабочих, что и вчера, приступила к сооружению второго причала. Нет, строить на левобережье мы, пока что, не планируем, но, раз уж материалы, транспорт и рабочая сила под рукой, почему бы не сделать задел на будущее? Опять же, вроде как «застолбили поляну» таким образом.

Собственно, мне тоже рассиживаться на судне особо-то и некогда — надо озадачиться жилищем. Я же не всё время на этих асфальтовых озёрах собираюсь проводить, так что, без дома в Ладогое никуда.

Дождавшись очередного рейса грузовика, запрыгиваю в кабину. За рулём Серёга — флегматичный до легкой заторможенности уроженец Иваново, состоящий в бригаде Андрея Самойленко. Как и большая часть его коллег, ни на какой Дальний Юг он переселяться не собирается, но очень рад возможности заработать хорошие деньги вместо привычного для Нью-Рино аморфного ничегонеделания в сезон дождей. Собственно, с моей точки зрения это только в плюс — человек работает и получает за это деньги, что ему говорят — то и делает, никаких заморочек. А вот с моим кришнаитско-староверско-калмыцким паноптикумом я ещё намучаюсь, чувствую. Блин, ну вот почему нормальные люди сюда ехать не захотели, как в те же Ростов и Новгород, а? За что мне это всё? С другой стороны, всё логично — нормальные люди выбрали нормальные места, а ко мне поехали ...э-э... оригинальные, скажем так. Повод задуматься, мдя.

Внезапно, со стороны посёлка (ну, его зародыша) послышались выстрелы. Сразу несколько коротких очередей, потом ещё две, с короткими промежутками. Что, блин, такое? Волки вчерашние набрались смелости, что ли? Серёга, флегматик хренов, даже глазом не моргнул. Ладно, уже почти приехали, сейчас узнаем.

Причиной переполоха оказались всё те же фороракосы. Как следовало из эмоционального рассказа мужиков, сразу пять птиц вдруг появились из-за «короткой палочки на Г» — то бишь, северо-западного отрога, и, не теряя ни секунды, с курьерской скоростью бросились к людям. Четырёх мужики успели завалить на бегу, а вот пятая со всей дури врезалась в только что установленный проволочный забор, на котором, получив несколько пуль, и осталась висеть. Кстати, хорошо столбы вкопали — на вид, фороракос весит под два центнера, и бегаёт он очень

быстро, но забор особо не пострадал, чуть поправить, и будет краше прежнего.

Интересно, с чего бы он на забор бросился? Вроде бы, вчера его сородичи тупыми не выглядели. Впрочем, бедную птичку можно понять — заборы ей до сих пор не попадались, скорее всего, она его вообще за ветки или какие-то стебли приняла.

Используя тросы и два пикапа, туши птиц оттащили метров аж за холм, дабы не привлечь новых хищников. Не то, чтобы мы их особо опасались, но зачем зря от работы отвлекаться?

Со стороны реки доносится звук, никогда прежде в этом месте не слышанный — лязг гусениц. Оборачиваюсь. Небольшой бульдозер ярко-жёлтой расцветки, приминая траву, подъезжает к стройплощадке. Бульдозера у нас всего два, по одному на Ростов и Новгород, так что за пару дней ему необходимо выровнять все нужные площадки, под дома и хозпостройки. Желательно, конечно, с запасом, ибо своим подобным агрегатом Ладога явно обзаведётся ещё не скоро, а новые поселенцы, хочется верить, осенью появятся. С экскаватором, который, по плану, сейчас должны разгружать, такая же история — отработает своё и поедет дальше. Надеюсь, до отплытия каравана всё успеем. С одной стороны, более ста человек задействованы, да и собирается всё из готовых конструкций и элементов, с другой — дома, хозпостройки, водонапорная башня и трубы, ограждения... и на всё про всё всего лишь четыре дня. К счастью, в местном дне аж двадцать пять светлых часов.

Андрей, чувствуя себя в роли прораба, как рыба в воде, хриплым голосом раздаёт указания, мужики бегают туда-сюда с охапками досок и прочего стройматериала, пыль столбом, а я что-то начинаю чувствовать себя пятым колесом в телеге. Нет, можно, конечно, тоже влиться в общую суету, что-то там таскать и придерживать, но как-то не хочется. Не потому, что «умалывает начальственное достоинство» (ну, чуть-чуть, разве что), а лень просто. Ленивый я, в плане физического труда особенного, ничего не могу с этим поделать. Окопы рыть себя ещё могу заставить, если есть вероятность под арту попасть, а остальное — ну его нафиг. Посему, спокойно разглядываю как две пары рабочих, предварительно разметив нужные места, сверлят мотобурами направляющие скважины под металлические винтовые сваи. Получается это у них быстро и сноровисто, приятно посмотреть. О, кстати — это же они для моего дома сваи готовятся вкручивать, я-то сразу и не сообразил.

Радиостанция на плече характерным звуком затребовала к себе внимания. Хорошо, ответим...

На связи оказался Глеб.

— Игорь сообщил — нашли озёра и выходы газа. Пятнадцать километров от реки, в холмах. Возвращается обратно.

— Принял.

Вот и отлично. Теперь, осталось собственно нефть найти.

— Слышь, командир!

Оглянувшись на окрик, вижу запыхавшегося от бурной активности Андрея.

— Что такое?

Наш прораб подходит поближе.

— Сегодня дом твой закончить не успеем, фундамент под водонапорку надо залить до вечера,

кровь из носу, а то застыть не успеет. Придётся тебе опять на корабле ночевать.

Пожимаю плечами.

— Да и хрен с ним, спешки нет. Один фиг, караван ещё три ночи тут будет торчать. Всё успеете к отплытию?

Андрей уверенно кивает.

— Без вопросов. По мелочи останется доделать, но это уже твои сами справятся.

— Хорошо. Андрей, заборы, главное, и загоны для скота потщательнее. Если какая-нибудь сволочь ночью заберётся и всех пожрёт — будет обидно. И теплоизоляция на трубах — тут зимой не тепло вообще ни разу, говорят.

— Сделаем, не переживай.

Преисполненные эмоций крики с характерным южнорусским говором заставляют нас обоих повернуться к холму. Оксана громко выражает недовольство.

— Чё она орёт?

— А-а... — бригадир раздражённо машет рукой. — Дура-баба. Съездить бы ей разок по харе. Межеванием недовольна, типа, обделяют её.

Кто бы сомневался.

— Да уж... чую, намучаюсь я тут с ней. Ладно, пойдём, вправлю ей мозги.

Обречённо вздохнув, иду выполнять долг перед новой Родиной. Тяжела ты, доля руководителя. Но кто, кроме нас?

...

Русь, нижнее течение Аустралиса, напротив Ладоги,

борт дизель-электрохода «Кейп-Код»

Игорь с усталым, но довольным видом откинулся в кресле, осторожно прихлёбывая горячий чай из исходящей паром кружки.

— Без прибора бы хрен заметили, там холмы от реки прикрывают... — он взял паузу, делая очередной глоток. — Дорога нормальная, квадры без проблем прошли. Грузовик тоже дойдёт. Один ручей по пути, но мелкий совсем, переехали спокойно.

— Что за озёра-то? — Глеб не выдержал.

— Три озера. Два маленьких, где-то триста и пятьсот квадратов. Одно большое — почти три гектара. Но в маленьких чистый битум, а в большом половина воды. Газовый факел всего один, но выходов больше, запах сероводорода по окрестностям стоит. Хотя, там непонятно, что больше воняет — газ или трупы.

— Что за трупы?

— Да зверья всякого в озёрах немеряно. Застревает идохнет, ну, и гниёт потом. Чего они туда лезут — хрен их знает. Да, кстати — видели по дороге миграцию живности какой-то, типа небольших рогачей — стада до горизонта тянутся. Сюда идут, вниз.

Ну, это понятно — конец весны, трава сочная и зелёная.

— Хорошо, с мясом проблем не будет. Что дальше делаем?

Глеб, проделав свой коронный жест с поглаживанием бороды, начал излагать:

— Сегодня причал на левом берегу доделали. Игорь, тогда ты на «Сан-Кристовале» и «Фачиме» идёшь ночью обратно, и с утра начинаете ставить там причал.

Желтов спокойно, хоть и без особого энтузиазма, кивнул.

— ...с утра доразгружаем «Кейп-Код», и он выходит к вам. Как закончите с причалом, начинайте разгрузку буровой, потом всего остального. Мы здесь заканчиваем со стройкой, выгружаем животных, и через два дня тоже уходим.

Игорь, расправившийся уже с чаем, вставил:

— «Кейп-Код» придётся оставить там пока. До тех пор, пока нефть не найдём.

Бородач согласился:

— Да, хорошо. Виталь, присматривать-то ты за всем будешь, в основном. Когда сможешь туда подскочить?

Задумываюсь. С одной стороны, нужно быть в курсе, конечно, с другой — тут тоже дел хватает, пока что, а там, по крайней мере, народ знает, что делает, да и работает за деньги, что есть плюс.

— Через неделю, как закончим. Здесь обживёмся немного, всё в колею войдёт — тогда можно будет ехать.

— Хорошо... баржа есть, транспорт обеспечен...

«Баржами» Глеб упорно называет старые американские десантные катера, удачно приобретённые нами для обеспечения речного сообщения. Хорошие посудины — можно загрузить полсотни тонн, выгрузить машину или трактор на необорудованное побережье, да и от не слишком сильных врагов отбиться — два пулемёта М2 и автоматический гранатомёт, это вам не шутки. Плюс, два сделанных в Детройте дизеля весьма неприхотливы, и, хочется верить, смогут кушать нашу самопальную солярку без особых проблем для здоровья.

Глеб отвлёкся на заработавшую рацию:

— Больших, слушаю. А? Млять! Живые? Сколько?

Дав отбой и наткнувшись на наши вопрошающие взгляды, поясняет:

— Да блин, вот как чувствовал, что нельзя никого лишнего на берег выпускать!

— Чё случилось-то?

— Дебилы случились! Поохотиться им, уродам, захотелось!

Выясняем подробности. Сегодня в обед наш предводитель, уступив просьбам осатаневшего от безделья переселенческого контингента, дал добро на сход на берег тем, кто не занят в строительстве. Народ, радуясь возможности размять ноги, массово десантировался на твердь земную, разумеется, на заранее обследованное место. И всё бы хорошо, но у группы будущих колонистов в одном месте заиграл ветер, и мужики решили немного поохотиться. Благо, неподалёку обнаружилось стадо тех самых «лам», что мы видели в первый день. Животные оказались непугаными (да и с чего бы?) и подпустили охотников довольно близко. Четыре выстрела, две ламы, отпрыгнув было в сторону, ложатся на землю, а по радиации доносится жуткий мат и крики «доктора!». Как выяснилось, в расположенном метрах в двухстах позади стада островке кустарника прятались от начальственного взора трое рабочих, которым именно сейчас нестерпимо захотелось раскурить купленный в Порт-Дели косяк. Разумеется, по несчастливой случайности, выпущенная из «Вепря» 47 пуля 7,62 мм угодила одному из курильщиков прямо в живот. Для полного же счастья, бросившийся на крики горе-охотник наступил на мирно дремавшего на солнышке «броненосца», который, недолго думая, перед отступлением тяпнул врага за ногу, оставив довольно серьёзный укус. С учётом пристрастия броненосцев к падали, последствия могли быть не самыми радостными. В общем, Глеб рвал и метал, оба наших доктора штопали пострадавших, «Сан-Кристобаль» и «Фачима» готовились к отплытию на север, а я решил тихонько пойти на бак «Кейп-Кода» и постоять там с бокалом бурбона, глядя на закат. Нервные клетки, как гласит народная мудрость, не восстанавливаются, потому, будем их беречь.

...

Русь, нижнее течение Аустралиса,

правый берег, Ладога

Зверюга недобро покосилась на меня, ощерила громадные, желтоватые зубы и угрожающе всхрапнула. Блин, руку же откусит одним махом...

— Ты не бойся, не бойся. Ладонь протягивай. Медленно только, не резко.

Понуждаемый Толиком, с [мысленным] вздохом вытягиваю руку. Лошадь вновь всхрапывает, на этот раз скептически, и аккуратно снимает бархатистыми губами кусочек сахара у меня с ладони.

— Вот, видишь! Уже подружились.

— Ага. Друзья, не разлей вода.

Красивая, серой масти животиная подождала ещё немного, поняла, что продолжения не намечается и неспешно отошла от забора. Что-то сдаётся мне, что не очень я ей понравился.

Толик, заметив облегчение на моём лице, добродушно ухмыляется.

— Ничего, привыкнешь. Без лошади тут как без рук будешь, вот сам посмотришь.

— Как без ног, тогда уж.

— Да. И без ног тоже.

Нет, спасибо, я уж как-нибудь на машине. Опять же, мотоцикл у меня есть, пришёл с остальным грузом. И вообще, я котегов люблю. Ну, ещё собак, хотя и меньше. А вот к лошадям и прочим коровам как-то равнодушен. Толику, правда, об этом говорить не стоит — за сумасшедшего примет, наверное.

Блин, вот хотел же пару котов и псинок с собой взять. Но со всеми этими играми в прятки и догонялки непонятно с кем как-то совсем не до того было. Ладно, у остальных ладожан (мне как-то больше «ладожцы» нравится, но, вроде как, правильно именно «ладожане») вся домашняя живность есть, скоро наплодится, тогда и обзаведусь. У Димы вот по двору трёхцветная кошка бегаёт с пузом, вот-вот принесёт потомство.

— Как живность переезд перенесла? И вообще, как они тут?

На тему своего любимого животноводства калмык может разговаривать часами. Вот и сейчас, в ответ на два простых вопроса, заданных для поддержания светской беседы, я получаю подробный и развёрнутый отчёт о состоянии поголовья. Ну, это хорошо, когда есть энтузиаст какого-то дела. Особенно, если это дело нужное. Своих овец я тоже пока к Толику сплавил, мне-то ими заниматься точно некогда будет, а у него им будет хорошо. Надеюсь на это, по крайней мере.

В общем и целом, по словам калмыка, животные перенесли путешествие на удивление хорошо — из всех, предназначавшихся нам, переселился в лучший мир только один козёл (в хорошем смысле слова), каким-то неведомым образом ухитрившийся сломать себе шею в тесном загончике на судне. Невелика потеря — у него есть дублёр, коему теперь придётся разбираться с небольшим гаремом самостоятельно. Помимо коз, у нас есть коровы, свиньи, овцы (этих больше всего) и лошади. Последние, кстати, плыли не на скотовозах (там загоны по высоте не подходят), а в трюмах обычных судов, что вселяло дополнительные опасения за их жизнь и здоровье. Но ничего — очень даже бодро бегают по загонам, пощипывая травку. Кстати...

— А траву эту местную как, нормально едят?

Выяснилось, что вполне нормально, а овцы и козы так даже с удовольствием. Коровы и лошади тоже едят без ярко выраженного отвращения, но, будучи выпущенными на пастбище, сразу отошли поближе к речке — там трава другая, и нравится им больше.

Не доверяя забору из колючей проволоки, на ночь мы загоняем скотину в помещения. На какую высоту могут прыгать флоракосы, мне неизвестно, и проверять это с риском для жизни четвероногих нет ни малейшего желания. Опять же, помимо флоракосов встречаются волки, а в отчётах орденской экспедиции, посвящённых здешним местам, есть упоминания о каком-то «кошачьем» хищнике, похожем на пуму. У этого точно с прыгучестью всё в порядке.

— Ладно, Толик, пойду я.

— Давай...

Попрощавшись с нашим главным животноводом, бреду обратно к посёлку, не забывая

оглядываться по сторонам. После устроенной два дня назад зачистки, хищников в окрестностях вроде как не осталось, ну да осторожности лучше не терять. Для тех же фороракосов, думаю, откочевать за сутки километров на сто не составит ни малейшей проблемы. Правда, Олег должен их заметить, он человек ответственный, спать на посту не будет.

Прищурившись от сухого, резкого ветра и яркого солнца, смотрю на холм. На фоне бледно-голубого неба чётко выделяются водонапорная башня (в ложбинке) и сторожевая вышка (на высоком «роге»), на которой сейчас, согласно графика, и несёт службу Мокеев-младший. Дежурство на вышке у нас круглосуточное, для темного времени есть ночник-«гляделка». Сама вышка укреплена стальными листами, мешками с песком и оборудована пулемётом — американским М2. Он, конечно, старенький, уже девяносто лет, как на вооружении, но двенадцать-и-семь есть двенадцать-и-семь. Да и создай Джон Мозес Браунинг плохой пулемёт, почти век его творение в строю бы точно не продержалось. С учётом расположения на господствующей высоте и небольшого количества естественных укрытий в округе, хороший пулемётчик с такой позиции может плотно контролировать окрестности в радиусе километров двух, как минимум. Правда, ключевое слово — «хороший», а с этим у нас... мдя. Ну, работаем, занятия проводим, стрельбы. Патронов вон уже полторы сотни сожгли, мне жаба чуть трахею не сломала. Но дело нужное, приходится идти на расходы.

Да, кстати — мне же самому ночью заступать, чуть не забыл. Надо будет одеться потеплее, холодрыга на холме в ночное время — жуть. И скучно, местная живность как-то по ночам не особо шастает, а та, что мы привезли, и вовсе сидит взаперти. Ну, пусть сидит — целее будет.

По сути, животноводством здесь, на самом юге, все возможности для товарного сельского хозяйства и исчерпываются. Выращивать что-то в открытом грунте — дело не слишком здоровое. Да, сейчас тепло, а на солнышке и вовсе жарко — я вон куртку снял, иду в футболке, и то припекает. Но сегодня ночью, например, температура падала до трёх градусов. Тепла, не холода, но при этом не просто «шёл снег», а бушевала настоящая буря — у моего дома полуметровый сугроб мелкой ледяной крупы намело. Интересно, кстати, растаял уже? На открытых местах-то уже к утру всё растаяло. В общем, бескрайние пшенично-кукурузные поля — это явно не о Ладоге. Народ, правда, теплицы себе позаводил, но это так, овощи и зелень к столу...

Ну, что я могу сказать — люди знали, куда едут. Будь у них желание пахать землю — поднимались бы сейчас по Аустралису наверх. Хотя, по идее, караван сейчас не поднимается, а разгружается в районе Ростова. Надо бы у Олега спросить — дальняя радиосвязь у нас тоже на холм поднята, как и вышка.

Снимаю с пояса радиостанцию.

— Вышка — Гато.

Прошло несколько секунд, и в динамике зазвучал какой-то подозрительно невинный голос младшего Мокеева.

— Да, Виталь, слушаю.

— Ты чё там, спишь, что ли?!

— Не-не, ты что! Наблюдаю.

Ага, наблюдает он. Можно подумать, я по голосу не слышу, что давил на массу. Блин, а ещё старовёр. Они же ответственные должны быть, не? Или это этнический стереотип, типа «негры хороши в баскетболе, а корейцы в математике»?

— С севера ничего не сообщали?

— Нет, ничего.

— Запроси их, узнай, как дела.

— Ага, щас.

Ни на кого нельзя положиться. Куда мир катится?

Олег вновь вышел на связь, когда я уже почти дошёл до проволочного забора, окружающего островок домов.

— Говорят, место выбрали, сейчас причал доделывают и разгружаться будут.

— Угу, спасибо.

Что ж, значит, мы уже не одиноки, одним поселением в колонии стало больше. Или *на Руси*, если вам так больше нравится. Как по мне, так странновато звучит, архаично. Но, наверное, привыкну со временем.

Дойдя, наконец, до посёлка, застаю неспешную, но целенаправленную работу. Оксана возится у теплицы во дворе, Маша и Света (жёны Фёдора и Олега, соответственно) красят штакетники в разные цвета, дети вокруг носятся... идиллия, короче. Мужиков вот что-то не видно. Ну, Олег и Толик понятно, а остальные, видимо, на своих наделах, за живностью присматривают. Или на рыбалку/охоту свалили — все, кроме меня и Макса, оказались большими фанатами этого дела.

Вы не подумайте, что у нас тут всё время такая расслабуха. Вчера только закончили разбирать привезённые с собой запасы, упахались, как черти. Да и впереди ещё немало работы, увы и ах. Но сегодня суббота, завтра воскресенье — надо же людям и отдохнуть когда-то?

Так вот, возвращаясь к Максусу. Блин, хоть убейте — не пойму, какого чёрта этот Макс тут забыл? А когда я чего-то не понимаю, меня это самое «что-то» настораживает. Надо за ним присматривать, и Диме то же самое сказать, он ведь за меня старшим останется, когда я на нефтяное месторождение свалю. Да, кстати, насчёт «убейте» — это речевой оборот, а не руководство к действию.

А, нет, не вся мужская часть посёлка разбежалась — вышеупомянутый Макс и Колян, старший сын Оксаны, что-то пилят и строгают во дворе наших кришнаитов.

Завидев меня, поселковая детвора постарше, в количестве четырёх боевых единиц, словно магнитом стягивается к «управе», за какую у нас служит одноэтажный деревянный домик пять на десять метров. Пока что, все его полезные функции свелись к «месту для сейфа и оружейки», ну да пусть будет, на вырост. Не, забыл — ещё мы там основание города отмечали (Толик опять нажрался), и я торжественно вручал свидетельства о собственности на городские участки. С большой красивой печатью, между прочим. Глеб заранее озаботился, заказал ещё в Нью-Рино. А сами свидетельства Лиля заполняла, у неё почерк красивый, не то, что у меня.

— Что, молодёжь, сделали?

Получив в ответ хор радостных воплей, тем не менее, решаю не лениться и проверить. А то раз поверишь на слово, второй, а на третий уже и обманывать начнут. Так что, сопровождаемый оравой детворы (ну, подростков, скорее), иду принимать работу.

Та-а-ак... вот тут они вчера закончили, это я точно помню... ну, вроде бы, всё правильно. Вдоль будущего центрального бульвара тянутся пятьдесят свежесажённых деревьев, саженцы которых мы привезли с собой, берёзы и клёны вперемешку. Приживутся или нет — вопрос, конечно, ну да будем посмотреть.

— Всё, вижу, вопросов нет. Пойдём в управу

Оставив детей снаружи, прохожу в дом и открываю один из оружейных шкафов. Четыре пачки.22 LR 48 — чувствую, как проклятая жаба вновь тянет лапы к моему горлу. Ладно, переживу. Патронов для мелкашек у нас полно, они на Севере копейки стоят, закупили много. А подрастающему поколению полезно, во всех смыслах — и стрелять лучше будут, и почувствуют личную причастность к созданию города. Если ты сам посадил дерево, то ломать его уже как-то не очень и захочется. Да и другим не дашь.

Выйдя наружу, раздаю каждому по пачке.

— Завтра продолжать готовы?

— Да!

Так, а это ведь уже за пределами ограды получится...

— Коляна с собой возьмите, пусть побудет там, на всякий случай.

— А он пойдёт? — сын старшего Мокеева, светловолосый крепыш, шмыгнул носом. Понятно — Колян старше их года на три-четыре, а в таком возрасте это разница почти космическая.

— Пойдёт, я ему скажу. Всё, давайте. Где сажать, мы с Фёдором разметим сегодня.

Молодёжь радостно побежала отстреливать только что полученное вознаграждение, а я, дабы не забыть, сразу иду дому Макса. Хозяин по-прежнему что-то столярничает во дворе (не слишком умело, на мой взгляд, ну да я и сам тот ещё специалист), и Колян с ним на пару. Он-то мне и нужен, собственно.

— Здорово, мужики!

— Привет!

— Здравствуйте!

— Чё делаете?

— Да мне тут надо кое-что, Колян вот помогает... — уклончиво отвечает Макс. Надо же, секреты какие-то... ладно, пофиг. Вообще, судя по наблюдаемому мной, это Макс Коляну помогает, а то и мешает.

— Коль, там завтра дети будут деревья сажать, за оградой. Возьми винтарь, присмотри, чтоб их никто не обидел, добро? — стреляет он хорошо, этого не отнять, так что поручение вполне

логично.

Высокий, угловатый подросток кивает, старательно изображая солидность.

— Не вопрос, Виталий Сергеич.

Вот. Главное — в правильных выражениях поставить задачу. Политиком похоже становлюсь, хе-хе.

Всё, наконец-то — добрался до дома! Ничего особенного, на хоромы не тянет, но мне нравится. Деревянный, разумеется, из бруса, как следует утеплён, что для здешних широт обязательно. На первом этаже гараж, санузел, кухня и столовая-гостиная, на втором (он же мансарда) — три спальни и небольшая веранда. С неё, кстати, можно на закат смотреть, и даже Аустралис поплёскивает сквозь полосу прибрежной растительности. Красота, короче (пока новые поселенцы не понаедут, и чудесный вид не скроется за их домами). Два дня с веником и тряпкой провозился, пока всё привёл в нормальное состояние.

Участки в центре мы нарезали сорок на шестьдесят метров, так что, помимо дома, у меня ещё образовался и двор, границы коего обозначены на местности белым деревянным заборчиком по пояс высотой. Нет, земли не жалко, её тут много — можно хоть по гектару каждому двор нарезать. Но городом это уже не будет, ибо, разумеется, обустройство городской инфраструктуры на такой площади и с такой плотностью населения ни один бюджет не потянет. Кому хочется простора — пожалуйста, селитесь за городом, степь большая, всем места хватит.

Блин, дети напомнили — надо и во дворе саженцы высадить, пока они там в гараже не загнулись. Не так их много, в конце концов — один канадский клён, по паре штук сибирского кедра и берёзы, три рябины и две дюжины кустов, предположительно способных выжить в местном климате. С одной стороны, конечно, хлопоты, с другой — уют же надо создавать. Да и рябиновое варенье я очень люблю. Варить его, правда, пока не умею, только есть, ну да это дело наживное, думаю. Так что, нефиг лениться, лопату в зубы и вперёд.

...

Русь, нижнее течение Аустралиса,

левый берег, Большое асфальтовое озеро

— Блин, слушай ну и вонь тут, звездец!

Игорь, с несколько непонятной мне радостью, энергично закивал:

— Ага! Я ж тебе говорил!

Говорить-то он говорил, но... лучше сто раз услышать, чем один раз унюхать. С трудом сдерживаю подступившую к горлу тошноту. В воздухе висит прямо-таки осязаемая вонь тухлых яиц, гнилого мяса и ещё какой-то мерзости. Тут, вдобавок ко всему, ещё и ложбина получается между двумя цепями холмов, так что ветер не очень продувает...

— Слушай, так природный газ же не пахнет, вроде? Это от трупов вся вонь, что ли?

Желтов покачал головой.

— Не только. Природный газ, сам по себе, не пахнет, да. В тот, который в конфорках горит, специально всякое добавляют, с запахом, чтобы утечку можно было унюхать. Но бывают и естественные примеси, типа сероводорода, как тут. И вот он-то и воняет. Ну, и трупы, конечно, тоже.

Он кивнул на торчащую из серовато-чёрной, обильно присыпанной пылью и сухой травой глади спину тарпана. Туша сгнила до такой степени, что из бурого месива торчат кости, в воздухе гудит целое облако мух.

Да уж, приятное местечко, ничего не скажешь.

— От волков или от форов убежал, наверное, и завяз. Они тут частенько такие загоны устраивали, пока мы не пришли.

Печальную судьбу полуламы-полулошади, названной нами тарпаном, из моей головы быстро вытеснила мысль, навеянная первой половиной слова «сероводород».

— Так погоди... если тут сероводород в примесях, получается, нефть с высоким содержанием серы? Или как? Она же не такая ценная, вроде бы?

Наш главный специалист по геологии и полезным ископаемым слегка иронически хмыкнул.

— Ну, вообще-то сероводород тут не причём, но угадал. Нефть высокосернистая, два-и-шесть процента. Тяжёлая, нафтеново-ароматическая...

Видимо, догадавшись по выражению моего лица, как много мне всё это говорит, Игорь перешёл к менее высоконучным материям.

— Короче, перерабатывать можно, просто будет больше геморя с техобслуживанием установки.

Процедура полукустарной перегонки нефти, чем мы тут, собственно, и занимаемся, не так сложна, на самом деле. Сырая нефть нагревается в котле и последовательно прогоняется через ректификационные колонны, разделяясь при этом на составляющие — мазут, солярку, керосин, бензин и так далее. В зависимости от всяких дополнительных устройств и насадок (кои у нас имеются), а также от соблюдения технологии, можно получать готовый продукт в диапазоне от «звиздец движку почти мгновенно» до «не хуже, чем с нормального завода». Хочется верить, что у нас будет ближе ко второму варианту, конечно, но тут ещё и качество исходного сырья влияет, а то, что нефть высокосернистая, дело несколько осложняет, это даже я понимаю.

— Ясно... а где скважина-то?

— Да вон там, за холмом. — он указал подбородком на дальнюю от реки гряду холмов. — на первом же бурении угадали. Триста семнадцать метров глубина.

— И чё, много выдаёт?

— Нормально. На пять таких заводов, как наш, хватит, если на полную качать. Даже если они круглосуточно работать будут. Пойдём?

— Пойдём...

Не всё же тут торчать, дыша этой жуткой вонью. Впрочем, идём мы не в сторону лагеря, а в противоположную — к оставленной на вершине холма машине.

Игорь поднимется вверх по заросшему высокой травой склону холма, я за ним. Жарко, блин! Солнце шпарит, как будто мы в куда более тёплых краях. Чувствую, как не успевшие впитаться в футболку капли пота сбегают по коже. Наконец, мы поднимаемся на вершину, и мгновенно налетевший ветер заставляет зябко поёжиться. Забавный здесь климат — несколько шагов в сторону, и ты делаешь переход от «уф, жарница!» до «блин, прохладно что-то!». Ну, или наоборот.

Дойдя до цели, садимся в старую добрую «Тойоту Бандейранте», две минуты — и мы уже пересекли распадок, отделяющий одну гряду холмов от другой.

С вершины холма открывается вид на убегающую вдаль степь со стадами тарпанов и ещё какой-то фауны, новую гряду холмов где-то на горизонте и, главное, рабочий лагерь. Метрах в трёхстах от нас на зелёной траве чётко выделяются выкрашенные серым трубы и ёмкости нефтеперегонной установки, шесть объёмистых резервуаров для готовой продукции, рядом с ними — скважина с «кивающим молотом», большой, ангарного типа склад, а чуть в стороне — домик рабочих и стоящие возле него грузовик, джип и два квадра. Всё это окружено высоким сетчатым забором с «егозой» поверху. Идиллия, блин. Только вот...

— А чего насос-то не работает?

Игорь развёл руками:

— Так а куда это всё девать-то? Резервуары на четверть заполнили. Через пару дней включим, ещё поработают. Мы ж ещё ни одной отгрузки не сделали.

Да уж, рынок сбыта у нас, мягко говоря, маловат. Ну, все с чего-то начинали. Джон Рокфеллер, кажется, вообще индюшонка в семь лет выкормил остатками семейных обедов и продал соседям, а в итоге стал первым долларовым миллиардером в истории человечества. Не то, чтоб я рассчитывал повторить его результат, но...

— Что Глеб говорит насчёт закупок?

— Убедил остальных брать за счёт колонии, а там уже распродавать. Пока без прибыли, просто логистику отобьют.

— Согласились на нашу цену?

Компаньон с удовлетворением кивнул.

— Да. Ну, а что? Мы же по-божески, не ломим. Сами почти по себестоимости отдаём.

Ну, не совсем, вообще-то. Себестоимость, естественно, зависит от объёмов производства, которые, в обозримом будущем, своим бурным ростом нас явно не поразят. А нам, между прочим, ежемесячно на одну только зарплату троих рабочих нужно выкладывать шесть тысяч. И пусть других накладных расходов не так много (за нефть мы не платим, а установка работает на солярке, которую сама же и производит), но, с учётом согласованной с советом пайщиков цены в сорок пять центов за литр... мдя. И это я даже не упоминаю о первоначальных вложениях, которые, не считите барыгой, очень хотелось бы отбить. Ладно, в конце концов, «плановую убыточность» на первые два года мы предусматривали. На перспективу работаем.

Дойдя до лагеря, обнаруживаем всех троих работников принимающими солнечные ванны. Труженики тыла, чтоб их... с другой стороны, какие претензии к людям? Свой объём работы они выполняют, а что мы их не можем загрузить на полную, так это наши проблемы, а не их. «Но зарплату-то вы им не за объёмы, а за время платите», ехидно напомнила проклятая амфибия. Кстати, жабы — это амфибии, или земноводные? Или это вообще одно и то же?

— Hi guys!

— Morning, boss! 49

Да, все рабочие на скважине и НПЗ у нас американцы. Ну, в широком смысле слова — выходцы из заленточных США, а так Роберт из Конфедерации, а Крис и Дэйв из «Союза», как они предпочитают называть здешнюю Америку. «The Union», ага. На великом и могучем, впрочем, объясниться вполне способны, а Дэйв так и вовсе хорошо его знает — ещё в старом мире работал на Сахалине.

— Через два дня придёт катер из Ростова за первым грузом. Сто бочек солярки и по двадцать — керосина и мазута.

Старший на объекте, Дэйв, спокойно кивнул.

— Без проблем. Сделаем.

Почему американцев? Ну... по ряду соображений, но главное из них — безопасность. Во-первых, хорошего нефтяника за три дня не найдёшь, нужно время, а начни мы искать среди своих — информация преждевременно ушла бы в Демидовск, тут уж к гадалке не ходи. Во-вторых, никакой гарантии, что русский рабочий не оказался бы связан с всё тем же Демидовском (либо на него как-то не повлияли, через оставшихся в Новороссии родственников, например). И кто знает, что уж там товарищам чекистам взбрёт в голову. Так что, можете ругать нас за отсутствие патриотизма, но...

Пообщавшись с рабочими, отходим чуть в сторону.

— Так ты с этим катером наверх тоже пойдёшь.

Игорь энергично кивает.

— Да, чего тут сидеть-то? Всё наладили, теперь только бы спрос был. И своими делами уже заняться надо, а то там все нормальные участки уже без меня разобрали, ха-ха.

— В Ростове решил пока осесть?

— Ага. Климат, вроде, по мне как раз. В Новгороде жарковато будет. А у тебя там чего творится?

Пожимаю плечами.

— Да всё тихо, спокойно. Народу немного, все малость с прибабахом, своими делами занимаются.

— Ясно... ты, главное, сюда заглядывать не забывай, хотя бы раз в неделю. Ребята нормальные, но без надзора рабочих оставлять нельзя. Особенно, когда они не сильно загружены. Начинают чудить от безделья...

— Да ну понятно, не вопрос.

Конечно, три здоровых мужика, предоставленные сами себе в безлюдной степи, со временем начнут «чудить», у в этом у меня никаких сомнений. Охота с рыбалкой в этом плане не спасут, хоть мы специально подбирали людей, этими вещами увлекающихся. Ладно, тут уж ничего не поделаешь — буду почаще заезжать, проверять. По крайней мере, одно утешает — никакого воровства на объекте быть не может по определению — тупо некому продать украденное. Хотя, насколько это хорошо, ежели посмотреть шырше — вопрос, знаете ли...

Х

Русь, среднее течение Аустралиса,

чуть ниже Ростова, десантный катер «Ушкуй»

Серёга, шкипер этой уже изрядно осточертевшей мне посудыны, жизнерадостно оскалился и ткнул пальцем куда-то по курсу.

— Во! Почти дошли. Излучину пройдем, и слева уже видно будет.

— Угу, здорово.

Наконец-то, блин. Четверо суток в компании сотни с гаком бочек, испускающих могучее солярно-мазутно-керосиновое амбре, да ещё и на неслабо качающемся на речных волнах катере, едва меня не доконали. Не могу даже сказать, сколько раз я проклял своё любопытство, толкнувшее меня на эту поездку — потерял счёт на второй день.

Зачем вообще поехал? Ну... скучно. Почти три месяца уже прошло (здешних месяца, напоминаю, не заленточных). Жизнь в Ладоге вошла в свою колею, и даже еженедельные поездки к нефтяникам повседневную рутину развеивают не слишком. Сонное, сельское существование: не особо изнурительная работа по облагораживанию посёлка, бытовые хлопоты, дежурства на вышке, новости до нас практически не доходят (прямая связь с Севером есть только у Новгорода, наша радиостанция не дотягивается, а в пересказе как-то не то) ... ощущения, словно кроме этого крохотного посёлка на планете больше никакой цивилизации нет.

Да, ещё приходится отбиваться от всё более настойчивых домогательств Оксаны, которая, с чего-то, крепко положила на меня глаз. Ну вот на кой чёрт мне всё это сдалось, скажите пожалуйста? Вот и решил на пару-тройку недель сбежать в путешествие по центральным и (возможно) северным рубежам нашей новой необъятной Родины. Последним толчком стала поимка себя самого за переходом от одного бокала коньяка или виски на закате к двум. Хреновый симптомчик, однако.

Да и к тому же — на Севере заканчивается сезон дождей, так что, скоро можно будет ожидать появления новых поселенцев. Пару сотрудников Глеб в Нью-Рино оставил, заниматься вербовкой и прочими вопросами, и, с учётом его характера, без дела они вряд ли сидят. Кстати, раз уж речь зашла — в Нью-Рино остались секретарша Глебы Алина, занимающаяся оргвопросами, и тот самый патлатый интеллигент с первого собрания, как там его... Сергей Ервандович... не, Егорович, точно. Этот по части агитации и пропаганды. Имхо, совершенно бесполезное существо, ну да Глебу виднее.

Понятно, что большая часть новичков двинет на север, в тёплые края, но кто-то, наверное,

и у нас останется. Надо будет заниматься их (и вообще Ладоги) обустройством, плюс (вернее, минус, хе-хе) лето заканчивается, скоро осень, а за ней и зима. Зима же в Ладоге, как мне интуиция (и отчёты орденской экспедиции) подсказывает, это совсем не то, что в Порто-Франко или Нью-Рино. К ней надо готовиться, и как следует, а не спустя рукава. В общем, если сейчас Ростов и Новгород не посмотреть, то следующие несколько месяцев будет точно не до того.

Высокая, тёмно-красная скала на западном берегу, маркирующая излучину Аустралиса, постепенно приближается и переходит из состояния «впереди» в «слева». Ещё немного, и откроется вид на то, что лежит за ней. Вообще, красивые здесь места. На юго-запад США похожи. Нет, я там тоже не бывал, но вестерны-то все смотрели, надеюсь? Долину Монументов 50 видели? Вот, вылитая она. Слева, по крайней мере, на востоке-то всё больше равнина. Надо бы участком под дом где-нибудь здесь озадачиться, пока всё самое красивое не расхватали. Со строительством подожду, не до того сейчас, но землю застолбить стоит. В конце концов, я, пока что, использовал только треть своего земельного пая.

Хотя, зная Глеба, можно предположить, что самые лучшие участки он уже внес в очередной Генплан под «общественные пространства».

«Ушкой», попрыгав (к моим мучениям) на бурунах и водоворотах, наконец-то прошёл излучину, и перед нами открылся вид на спокойно и величественно текущий с северо-запада Аустралис. Огромные, стоящие далеко друг от друга тёмно-красные скалы с плоскими вершинами на западном берегу похожи на часовых или какие-то древние пирамиды. Светло-жёлтая, выжженная солнцем степь справа...

— Чё, нормальный видок, да?

Млять. Ну вот так всегда — стоит восхититься красотой Природы, как...

— Ага. Круто.

Ладно, что уж тут.

— Во-о-он он, Ростов. Видишь?

Старательно таращусь в направлении, куда указывает корявый и грязный Серёгин палец, но ничего не вижу. А, погодите... у самого горизонта, на краю видимости вроде бы замечаю какие-то точки. Поднимаю бинокль. Точно. Светлые домики на берегу. Ростов-на-Аустралисе, хе-хе. Кстати, интересно, идея насчёт переименования во что-то более родное русскому уху заглохла, или как? Помнится, было у Глеба желание окрестить реку Волгой. Он ещё и Гискар хотел в Днепр переименовать, а Бордер-Маунтис в ...э-э... не помню. Урал, кажется.

По мере нашего приближения, замечаю всё новые детали.

— Серёг, а что это вон там за четыре домика? На другом берегу?

— А, это Левобережный. На восточном берегу пастбища лучше, вот некоторые там и поселились.

— Отдельный посёлок, что ли?

Невысокий, кряжистый моряк поскрёб пятернёй в затылке.

— Ну... как... своего сельсовета нет у них, так что, типа, как пригород идёт.

Ясно. А я уж было удивился, как это Глеб пропустил название «Левобережный». Совсем не в его стиле, хе-хе.

Ростов явно вытянулся вдоль реки, я насчитал почти три дюжины домов на «первой линии». С учётом того, что ещё и на левом берегу народ обитает, а всего здесь должны быть около сорока семей, плюс сколько-то бессемейных, выходит, практически все живут на берегу. Чуть ниже города и, соответственно, ближе к нам расположены склады, причал, а на причале стоят Игорь и...

— Здорово!

— Привет!

Пожав руку Игоря, опять смотрю на бородатого компаньона по нефтепромыслам.

— А ты тут какими судьбами?

— Ну так знал же, что ты будешь. У меня тут тоже дела кое-какие, ну и решил совместить. А то вдруг тебе выше плыть лень будет, так бы и не увиделись. Саня тоже тут, вместе приплыли. Он чуть позднее подойдёт, обсудим всё.

Хм... что именно «всё»? Да и вообще, что-то у нашего «фюрера» за радостью от встречи проглядывает некоторая озабоченность. Случилось чего? Может, недоволен тем, как с нефтепромыслом дела обстоят, хочет какие-то изменения внести? Ладно, чего гадать. Скоро узнаю.

...

Русь, среднее течение Аустралиса,

правый берег, Ростов, городская управа

— ...отплывают, и, получается, где-то недель через пять будут у нас. Высадятся, обоснуются, и к ним остальные потянутся.

— Мдя... весело. С остальными обсуждали уже?

Все трое собеседников, собравшихся вместе со мной в пустом и гулком зале городской управы, скорчили гримасы.

— Да обсуждали, что толку...

Саня, с видимым раздражением, вставил:

— Все чистенькими хотят остаться — «там же женщины и дети, что мы можем сделать?», ага. Корчат из себя... уроды.

Игорь добавил:

— Да они боятся просто, вот и прикрываются этим. Никто не хочет на себя ответственность брать. А некоторые и вовсе: «нас тут пять сотен на четыре тысячи километров реки, земли мало, что ли?». Дебилы.

Ну, это-то понятно. Я вот тоже как-то не горю желанием брать на себя ответственность, честно сказать. Но что-то же делать надо...

— И сколько их там, говоришь?

Глеб, пробарабанив пальцами по столу, ответил.

— Три корабля. По людям только примерно можно сказать — человек двести, плюс-минус. Отдельных кораблей под грузы и скот у них нет, значит, всё в трюмах, и много народу не напихают. Но упакуются плотно, не как мы, так что две сотни должны влезть.

Новости, которыми огорошили, не радуют, мягко говоря. На Севере с приближением сухого сезона кое у кого проснулся переселенческий зуд. Причём, этих «кое кого» оказалось сразу несколько.

Во-первых, Солоневич оказался прав — Орден действительно отдал Круглый остров харедим, прокатив армян и светских евреев. Ну, в общем-то, логично — с учётом традиционной склонности этой публики к ювелирному делу и близости Круглого острова (его, кстати, во что-то там непроизносимое собрались переименовывать) к золото-алмазоносным районам. Очень удивлюсь, если между ними и Кейптауном скоро не начнёт по два рейса в день летать. По идее, нам это всё должно быть глубоко параллельно, где Круглый остров, и где мы, но не всё так просто. Общины харедим на Севере насчитывают несколько тысяч семей, теперь значительная их часть начнёт перебираться на новое место, везя с собой имущество (а его должно быть много, хе-хе). Коммерческий тоннаж в этом мире растёт быстро, конечно, но воображение по-прежнему не поражает. Вывод — возрастут (уже возрастают, собственно) ставки на фрахт, что нам совсем не выгодно. Они и так для рейсов на Дальний Юг заоблачные, а уж теперь... мдя. Печально, в общем.

Во-вторых, по какой-то таинственной причине оживились японцы, до сих пор собственным анклавом не обзаведшиеся. И, за неимением в пределах досягаемости другой суши, тоже планируют двигаться на юг. К счастью, нас это (пока что, во всяком случае) касается мало — сборным пунктом у сыновей Аматаэрасу стал Рио-де-Жанейро, и поселиться они планируют на западном побережье, южнее Халифата. Или, точнее будет сказать, с учётом текущих реалий, южнее Атласской народно-демократической республики. Глеб вон что-то распереживался, мол, «нашу землю занимают», но, на мой взгляд, это ерунда. Ни малейших шансов дотянуться до субэкваториального западного побережья прежде, чем это сделает кто-то другой, у нас не было изначально, тут Аустралис бы суметь отстоять. А так, по крайней мере, жесткие и воинственные японцы будут отделять нас и от исламокоммунистов, и (если продвинутся вглубь материка) от черноармейцев. Я вот лично как-то джапов в качестве соседей предпочту Халифату, кто бы в нём в итоге не выиграл гражданскую войну. Конкуренции за тоннаж у нас с ними тоже нет — западное и восточное побережье сообщаются слабо, это отдельные миры, практически, особенно после открытия Северо-Западной базы Ордена.

А? Да, пардон, забыл сказать, это ещё трёхнедельной давности новость — Орден, наконец-то, открыл базу в Калифорнии, переключив на неё часть транспортного потока. Представляю, как «отцы города» в Порто-Франко по этому поводу рвут волосы на ж...э-э... везде, в общем. Между прочим, для нас это тоже не слишком хорошо — часть коммерческих судов уходит из Большого

залива на Дальний Север, обслуживать возросшие потребности в перевозках, соответственно, объём доступного в Нью-Галвестоне тоннажа снижается. А тут ещё евреи эти чёртовы... хотя, тут вопрос спорный. Да, желающим попасть к нам это будет обходиться дороже, но у нас, по крайней мере, колония уже есть. А вот перед всеми возможными желающими нас малость подвинуть встанет точно такая же проблема, и у них-то колонии ещё нет. Кроме того, у нас есть и возможность заправлять суда в обратный путь здесь — это, несомненно, снизит себестоимость перевозки.

Что-то я отвлёкся. Так вот, возвращаясь к переселенческому зуду — в-третьих, своей колонией решили обзавестись тамилы. 51 Более того, они её уже основали, две недели тому назад — на побережье между Конго и Фолькстаатом. Теперь, пользуясь коротким транспортным плечом, без особой спешки перевозят поселенцев из Порт-Дели. Интересно, а отсюда британские ушки тоже торчат, или как?

Ну и, напоследок, самая неприятная новость. Гражданская война в Халифате продолжается, черноармейцы отразили прошлогоднее наступление правительственной армии, Куртуба устояла, и теперь чаша весов качнулась на другую сторону — отряды «чёрных знамён» уже чуть ли не в прямой видимости от Мекки. И хрен бы с ними со всеми, если вы спросите моё мнение, но увы — это оказывает самое непосредственное влияние и на нас. Вернее, скоро окажет. На фоне бегства тех, кто побогаче, в Имамат, а кто победнее — в Судан, часть турецкой общины Халифата решила наплевать на запрет основывать поселения за пределами Дар-аль-Ислам 52 и обратила свой взор... правильно, на Дальний Юг. По сообщениям сотрудников Глеба, оставшихся в Нью-Рино, турки уже наняли три судна, и планируют отплытие через две недели из Кейптауна, в газетах об этом пишут. Мдя... нет, почему не из Нигера и Судана — понятно, Омдурман и Н'Жимайя хоть и не слишком послушные, но вассалы Мекки, вполне могут арестовать нарушителей и отправить обратно, на казнь. Но вот почему Родезия им разрешила собраться в Кейпе, это вопрос. И ответ на него, скорее всего, начинается на заглавную букву «О». Что, порисовали коловраты на флагах, получили удовольствие? А я предупреждал, что это хреновая затея...

Нет, понятно, что не коловрат тому главная причина, а просто Орден напрягся от наших слишком широких шагов и решил подкинуть камешек в ботинок. Или, скорее, хороший такой кирпич. Но и выпендрон с флагом, думаю, ребята с пирамидой и глазом на шевронах мимо своего внимания не пропустили.

— Где собрались высаживаться, неизвестно?

— Где-то на реке. Вроде как, хотят осмотреться, ну и где понравится...

— Суки! — со злостью выдохнул Саня. Ну, правильно, уж он-то мусульман точно не любит.

Игорь рассудительно вставил:

— Вообще, не факт. У нас же из газет вся инфа. Может, журналисты от балды пишут, а может — турки туману напускают, боятся Халифата.

Ну, ИМХО, халифу в Мекке сейчас совсем не до посылки карательных экспедиций через полмира, ему бы столицу удержать, но возможно, возможно...

— Да у них вариантов-то особых и нет. Под боком у Конго они не захотят, наверное, да и негры им не позволят. Дальше уже занято — тамилы, потом буры... между ними земля есть, конечно, но не так много, и там джунгли, вечная жара за тридцать... а за бурами уже пустыня... — Глеб, явно не в первый раз, вслух перебирает варианты.

— Ну, полупустыня в основном, скорее, да и речки какие-то с гор есть. Уж для турок-то точно места там хватит, не так их много в Халифате.

По крайней мере, Харрис мне что-то такое говорил, помнится. Основа населения халифата — арабы и пакистанцы, каждого примерно по трети. Впрочем, само это население насчитывает, по разным оценкам, от семи до десяти миллионов, так что, даже если турки в нём составляют всего один процент, нам этого хватит, с нынешним-то нашим «многолюдством»...

— Даже если и так, на хрен они нам в соседях сдались? — скривился Саня.

— Ну, тут уж нас спрашивать точно никто не будет.

Глеб задумчиво добавил:

— Если они южнее буров поселятся, надо будет в темпе организовывать новое поселение, в верховьях Гискара. Столбить территорию. Чего улыбаешься? — он с недоумением повернулся ко мне.

— Да так, напомнило кое-что... ты в «Цивилизацию» не играл раньше?

— А... ну, да, похоже. Ладно, смех смехом, но надо решать, что дальше делать. К нам уже официальный запрос от судовладельцев поступил — можно ли будет у нас заправиться, спрашивают.

— Хрен им! — Саня со злостью хлопнул ладонью по простенькому деревянному столу. — Пусть с собой всё везут!

Ишь, горячий какой.

— Ну, ты шашкой-то махать не спеши. Они всё равно приплывут, независимо от того, согласимся мы их тут заправить, или нет. Ну, хлопот и расходов побольше, и только. Я считаю, надо подтвердить — заправим.

Блондин посмотрел на меня с явным раздражением.

— Ты об общем деле думай, а не только о своём кармане! Турки здесь появятся, всем плохо будет, и ты в своём Мухосранске не отсидишься, они за нефтью и туда придут!

Что-то меня этот понторез начинает бесить понемногу.

— Ты башкой думай, сначала, а потом словами кидайся. Они один хрен приплывут, заправим мы их или нет. Процесс пошёл, судходство началось, фарш обратно не прокрутишь. Но если мы не будем заправлять — без нас обойдутся. У тех же буров заправочный пункт построят, и будут с Севера топливо туда возить танкерами. Только если инфраструктура создана не нами, то мы её и не контролируем, и вообще никак повлиять не можем. А вот если можно у нас заправиться, то никто не будет выкидывать туеву хучу бабла на создание альтернативы. И тогда контроль будет у нас. Возникла реальная необходимость — прикрутили краник. Не злоупотребляя, а то другие себе свой заведут.

Глеб и Игорь согласно закивали, Фролов насупился, но возражать не стал.

— ...и вообще — экономику развивать надо? Надо. Без этого народ сюда не поедет, и мы так и будем от каждой пары сотен турок сидеть с умными лицами и друг друга спрашивать «чё

делать?». Кстати, о народе — что там у нас с теми желающими?

Некоторое время назад Глеб по радио сообщал, что уже чуть ли не две тысячи желающих наш офис в Нью-Рино осаждают, в преддверии открытия навигации. Правда, большинство из них жаждет быть перевезёнными за казённый счёт, вместе с чадами, домочадцами, скотом и прочим имуществом, а этого мы им обеспечить не можем. Исключение, в связи с избытком мужского контингента, для одиноких молодых женщин, но вот они-то, увы, не слишком к нам рвутся. Зато набежала куча желающих из кхмеров, латинок, и прочих филиппинок, но этой публике мы однозначно даём от ворот поворот. Нефиг нам тут генофонд разбавлять, хватит с нас одного Толика.

— Желающих-то много, только оплачивать корабль не могут или не хотят...

Ну, вот, я же говорил.

— ...пока набралось только девятнадцать семей, это восемьдесят один человек, и ещё одиночек сорок три. Ну, и женщин, за наш счёт — девять. Отплывают из Нью-Галвестона через неделю, на «Сан-Кристовале» и «Стивене Мэллори».

Понравилось, значит, шкиперу из Виго ходить на Дальний Юг... хотя, он же не владелец, так что, куда сказали — туда и захотел. Так, если через неделю...

— Получается, они всяко раньше турок у нас будут?

Саня ухмыльнулся:

— Не ты один такой умный. Восемьрых по моей рекомендации взяли — тёртые ребята, пригодятся. За счёт фирмы плывут. И «железо» всякое полезное везут. Об этом подумал?

Киваю, отчего улыбка блондина становится ещё шире. Ну, пусть порадуется, мне пофиг. А вот то, что у нас начинает формироваться некое «силовое ядро», слишком тесно связанное с гражданином Фроловым, это не есть хорошо. Те четверо «силовиков», что уже есть — тоже его знакомцы, плюс он ещё с несколькими отчаянными ребятами из бессемейных в экспедицию через Бордер-Маунтинс ходил, тоже отношения наладил... И почему Глеба всё это не беспокоит — непонятно.

— Так что делать-то будем? Ну, если они на реке захотят селиться.

Бывший спецназовец и шоумен мечтательно протянул:

— Ну, был бы один корабль — рванули бы его на хрен, и делов...

Ага. После чего, во-первых, каждый фрахт сюда будет обходиться в золотой эквивалент судна по весу, а во-вторых — Орден пришлёт комиссию для расследования, и нас всех показательно развешат сушиться на солнышке, за преступления против человечества. Ну и в-третьих, разумеется, всем надеждам на создание русского государства в этих краях придёт кердык. Или это у него шутки такие? Да нет, лицо серьёзное, вроде как.

— ...но с тремя такое не прокатит. Значит, придётся их лагерь зачищать, когда корабли уйдут. И потом как-то всё это дело замечать... типа, банда какая-нибудь пришла.

— Ну, зачистим, допустим, а что это даст? — спросил Глеб. — Не факт, что отобьёт охоту. Когда Север только заселялся, и был разгул бандитизма, несколько поселений тоже уничтожили —

и ничего, быстро новые поселенцы набежали.

Так-то оно так, но... вступаю в обсуждение:

— Во-первых, это даст нам время. У турок программа сорвётся, и в этом году они уже вряд ли её возобновят. К нам за это время сколько-то народу приплывёт, ещё одно-два поселения организуем в стратегических местах. Во-вторых, остальным желающим пошлём сигнал — нефиг тут ловить, плывите в другое место, к югу от буров, например. Пока свободные земли есть, в рубилово большинство не полезет. Да и многие вообще решат на Севере остаться, пока тут не устаканится.

— В-третьих, — добавил Саня, — даже если следующие уже с хорошей охраной приплывут, есть шанс, что это какие-нибудь скандинавы или там вьетнамцы будут, а не мусульмане. Соседи соседям рознь. Второй Халифат под боком нам не нужен.

Ну, тут спорить не с чем, всё логично, на мой взгляд. Игорь, правда, неуютно поёрзал на стуле и, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал куда-то в угол:

— Там же не только мужики, но и семьи...

Млять, начинается соплежуйство. Русские семьи вот что-то никто не жалел в бывших советских нацреспубликах, когда их там вырезали. И Турция, между прочим, к поддержке всякой сволочи, это делавшей, руку приложила как бы не больше всех остальных.

Глеб прикинулся шлангом, а вот Саня, в данном вопросе со мной полностью солидарный, отвечает Желтову кратко и со всей выразительностью великого и могучего. Игорь молча поживает плечами и машет рукой в жесте «ладно, хрен с вами». Ну, вот и славненько. А то ишь, совестливый нашёлся.

Но, понятное дело, шашкой махать тут не нужно, а нужно крепко подумать...

— Сань, ты же за горы ходил?

Блондин, сбитый с толку внезапной сменой темы, растерянно моргнул.

— Ну... да, знаешь же. А что?

— Негров там не видел, только следы?

— Остатки лагеря нашли. Ты к чему спрашиваешь?

— Да вот есть мысли... — переношу внимание на Глеба:

— Мы же с Орденом как-то контактим, ты говорил? Данные по погоде им скидываем, ещё что-то там?

Бородач кивнул:

— Да, конечно. И по общим вопросам раз в неделю общаемся, так изначально условились.

На полминуты сосредотачиваюсь, пытаюсь слепить все мысли воедино. Остальные терпеливо ждут. Да, как-то так, пожалуй...

— Я думаю, надо свалить нападение на лагерь на негров. Для этого, во-первых, сообщить

Ордену об активности банд к югу от гор. И какие-то следы надо организовать, втайне от гражданских только, а им результат показать. Обстрелять машину, там, или что-то такое. Скорее всего, Орден пришлёт следственную комиссию, она будет опрашивать народ — надо, чтоб всё чётко было.

Саня начал было что-то говорить, но я поднял ладонь, показывая, что ещё не закончил.

— Это первое. Второе — будет очень здорово, если ты с несколькими доверенными ребятами сможешь сходить за горы, подстрелить там пару-тройку негров и притащить их сюда.

Фролов, начавший понимать, куда я клоню, задумчиво взялся за подбородок.

— В принципе, сделать-то можно... обратно их на лодке, по реке, надувная пороги пройдёт без проблем... но, это если получится их найти, что не факт. Хочешь у лагеря оставить?

— Да. Лучше всего — пару у лагеря, а одного ещё раньше в Новгород или Ростов притащить, типа, подстрелили при отражении набега. Не сразу, понятно, он же протухнет за время транспортировки, а чуть позднее. Типа, раненный уполз, а потом нашли.

Наш главный «силовик» энергично кивнул, разметав светло-кудрявую гриву. Блин, как же этого актёра зовут... не, не помню.

— Хорошая мысль. Но тогда в лагере никого оставлять в живых нельзя, иначе нестыковка вылезет.

Блин, вот чудак человек.

— А ты до этого что, собирался половину *того*, а половину на расплод оставить?

— Да нет, понятно... это я так...

Пробегаю взглядом по лицам остальных участников совещания. Глеб задумчив, но особых моральных терзаний на лице не заметно, а вот Игоря это всё явно напрягает.

— Игорь, ты что молчишь? Не согласен — говори.

Желтов вздрогнул.

— А? Да нет... я согласен... просто... как-то это всё...

Подождав несколько секунд, интересуюсь.

— Как-то это всё что?

У невысокого, загорелого геолога явно вертится на языке резкий ответ, но он с собой справляется.

— Не, ничего. Я согласен. Нет другого выхода. Стоит их впустить — всё, потеряем землю. Слишком мало нас.

Судя по интонации и отсутствующему взгляду, это он скорее себя уговаривает, чем мне отвечает. Ну, лишь бы уговорил. А то... мдя. Одно дело, если у него слюнтяйство победит до *акции*, и совсем другое — если после. Тогда... в общем, надо Глебу сказать, чтобы за другом

присматривал. И за Фроловым с его «назгулами», но по другой причине.

Блин, как сложно жить-то стало. А ещё два часа назад на скуку жаловался. Не ценим мы то, что имеем, пока его у нас не отнимут, не ценим.

...

Русь, среднее течение Аустралиса,

правый берег, Ростов, трактир «Ермак»

А поживлённее у них тут, чем в Ладоге, поживлённее. Вон, даже кафешка есть. Маленькая, правда, всего три столика на крытой веранде одного из домов, ну да лиха беда начало. Да и вообще, симпатичный получается городишко, и перспективный. В паре километров к западу начинаются виноградники, оливковые рощи и фруктовые сады (ну, вернее, саженцы, которым ещё надо вырасти), ещё дальше, в долинах стекающих с Анд маленьких речушек, колосятся поля, с которых уже собирают первый на этой земле урожай. На восточном берегу прекрасные пастбища... в общем, потенциал есть. Людей бы только сюда побольше и побыстрее заманить. Нужных, в смысле, русских. Ненужные и сами скоро приплывут.

Упитанная дама, хозяйка, повариха и официантка в одном лице, принесла две тарелки картофельного рагу с мясом, и тактично удалилась. Глеб кивнул на тарелку:

— Картошка здешняя уже. Первого урожая.

— Пускаем корешки потихоньку, ха-ха.

— Угу.

По пыльной, утоптанной улице пробежала стайка детворы, с любопытством покосившейся на новые лица. Ну, Глеба-то они знают, наверное, он тут периодически бывает, а вот меня вряд ли.

— Тебя Гондурас не беспокоит?

Бородач ухмыльнулся:

— Стараюсь не чесать. О чём конкретно речь?

— О Сане, с его «назгулами». У него и так по части махания шашкой перебор, а тут ещё и такой же народец фактически у него в подчинении получается. Могут быть проблемы.

Глеб неопределённо пожал плечами.

— Пока не было. Я его энергию в правильное русло направляю. Да и какие варианты? «Силовики» нам нужны, кто-то этим заниматься должен, он специалист, нужные знакомства есть. Или ты думаешь, он тут переворот устроит и диктатором станет? — лидер колонии улыбнулся, как бы подчёркивая невероятность идеи.

— Ну, смотри сам. Имхо, надо за ним приглядывать.

— Да приглядываю, я ж тоже ни фи́га не вчера на свет родился.

— А как там этот, как его... «борец за справедливость» который?

Собеседник скривился, как от зубной боли.

— Андреев? Блин, надо было его, всё-таки, у буров высадить.

Вот. А я говорил, между прочим.

— ...типа «лидер профсоюза». И не предъявишь ничего конкретного, но работать нормально мешает. Демагогию разводит по каждому поводу — вроде и вреда особого нет, но каждый раз задержки, споры, переливание из пустого в порожнее. В итоге, что могло быть сделано за неделю, делается месяц, а он ничего по сути не добился, но авторитет у рабочих нарастил. Борец, мля, за счастье трудового народа. «Меня отпг'авьте депутатом, я буду вам отцом и бг'атом», ага.

Что-то такое я и предполагал, собственно. Интересно, всё-таки, на кого он работает — на коллег Марата Феликсовича или на товарищей Ичасо? Хотя, вполне может быть и одиночкой, попадаются такие любители поиграть в народных трибунов.

— Так слушай, у нас же тут скоро нападение негров из-за гор прогнозируется. Может, он станет жертвой? Заодно и убедительности это добавит.

Задумавшись на несколько секунд, Глеб, наконец, отрицательно качнул головой.

— Не, не надо. Перебор выйдет. Очень уж для нас удобно получается.

Хм... ну, может, он и прав. Кого-то Орден точно пришлёт для расследования, и маловероятно, что это будут идиоты.

Глеб, тем временем, перешёл к более прозаическим материям.

— Землю-то себе тут будешь выбирать? У тебя же ещё две трети пая осталось. Да и в городе участок лучше застолбить, а построиться и потом можешь.

Правильно говорит. Он вообще хозяйственный — себе в Ладогe участок уже взял, в центре, даже сваи там вкрутили весной. Думаю, здесь тоже городским участком обзавёлся, хоть и живёт в Новгороде. А вот Новгород на этот раз мне посмотреть не судьба — надо возвращаться в Ладогу, там есть, чем заняться.

— Да надо бы... ты-то себе взял уже тут?

Наш «фюрер» довольно кивает:

— Ага. Уже строюсь. Вон ...э-э... блин, не видно отсюда. Там, короче, на берегу.

О, уже и строится. Шустрый какой. Ну, почему бы и нет — деньги-то есть.

— А землю тут брал? Ну, под хозяйство, в смысле?

— Не... решил своё всё наверху взять. Там место сказочное просто — холмы, лес, пастбища, речка небольшая... я ещё расширился, раза в три, теперь латифундия целая, ха-ха.

Ну, почему бы и не расширяться, если возможность есть, надо пользоваться моментом. Правда, со временем за всё это придётся платить налог, ну так на то и хозяйство, чтобы себя окупать.

— Жарковато, нет?

— Нормально, привык уже. Так что, брать-то будешь? Сразу бы и оформили.

— Буду, что ж не брать-то... городской участок возьму, только не на берегу, а во-о-он там, на холме. — киваю на невысокий, плоский холм в километре от города. — Или у тебя там что другое по Генплану, ха-ха?

Глеб улыбается, но явно из вежливости, а сам, судя по взгляду, погружается в глубины памяти.

— Не, жилой район там. Сквер на самой вершине, небольшой. Нормально. А чего не здесь, на берегу? Центр же тут будет.

— Ну, а нафига мне центр? Шум, пыль, суета. А там тишина, вид хороший, ветерок. Слушай, тут есть народ, кто в виноградниках шарит, да?

Здоровяк чуть неуверенно кивает.

— Ну, да, кто-то есть, заложили же виноградники. А что, тоже хочешь?

— Ага. Проконсультируюсь, чтоб нормальный участок под это дело выбрать. Не поверишь, лет десять уже мечта есть — завести собственный виноградник и своё вино делать. Сидишь так на веранде с бокалом... красота ведь?

— Мм... ну, каждому своё. Я вот лучше дрова в своём лесу нарублю и полдня их колоть буду. Или с лошадьми позанимаюсь.

— Тоже хорошо...

Но мой вариант, конечно, лучше. Печально, конечно, что ради него придётся опять воевать, но тут уж дело такое — либо ты убиваешь за свою землю, либо тебя убивают за неё и она становится чужой. От смены миров этот закон ни хрена не меняется.

...

Русь, нижнее течение Аустралиса,

правый берег, Ладога,

дом Виталия Чернова

Та-а-ак... вначале чищу картошку, режу каждый твёрдый, желтоватый клубень на четыре части... теперь всё это залить водой... пара минут возни с «керосинкой», и вот она уже гудит, словно приближающиеся откуда-то издалека «коробочки». 53 Тщательно вымыть руки, кастрюлю на огонь, сковородку тоже, пусть нагреется, подожду немного. Теперь мясо, с вечера порезанное и замаринованное, на горячий металл... пока оно шкворчит, порезать лук...

— Виталя, ответь «Вышке».

Эх, никакой дисциплины эфира.

— Да, Толик, чё такое?

— Тут это... корабли плывут! Два!

Сволочи! Не могли на час позже объявиться. Нет, я в курсе, конечно, они ещё вчера с нами на связь вышли, но надеялся успеть позавтракать

— Принял. Далеко?

— Полевой протоке идут.

— Блин, Толик, она длинная. Далеко, спрашиваю?

— Ну... километров двадцать, наверное. Только появились.

Ага, как же. Если бы они только появились, ты бы их с восьмидесятиметровой высоты (пятьдесят метров холм, двадцать «большой рог», десть вышка) увидел за тридцать с лишним километров. Бездельничал, лоботряс нерусский, вместо того, чтоб службу бдить.

— Принял. Ладно, идут и идут. Ты по сторонам смотреть не забывай.

В принципе, гонку за «голубой лентой» 54 они вряд ли будут устраивать, так что, успею всё приготовить и даже, наверное, позавтракать. О, кстати, лук пора засыпать.

Ща свеженькие колонисты посмотрят на новую родину и малость обалдеют от температуры, после Большого залива-то. Хотя, сегодня погода радует — солнышко, ветер, по местным меркам, весьма умеренный и температура под двадцатник. Даже для лета погода совсем неплохая, а у нас тут уже осень началась — вчера вот после обеда было плюс пять и ветер с ног валил. Хорошо, что они сегодня приплыли — так, может, хоть кто-то останется, а вот вчера бы точно все дальше по реке чухнули.

...

Русь, нижнее течение Аустралиса,

правый берег, Ладога,

городская управа

— Вот, думаем у вас тут остаться. Хотели узнать, что и как.

Двое мужиков и их лучшие половинки, все красные от свежего, не вьевшегося ещё в кожу загара, выжидательно уставились на меня. Блин, как-то очень уж «общо» вопрос сформулирован. Ладно, попробуем...

— Ну, по общим вопросам вам в Нью-Рино рассказали всё, я так понимаю? Земля, порядки наши и т.д.? Вот... посёлок вы сами видели. Участки под строительство выдадим, у нас ещё

в запасе с уже готовым свайным фундаментом есть. Стройматериалы на складе тоже имеются, и из Новгорода скоро ещё привезут, у них там лесопилка работает. Доски и прочий брус выдаём за счёт колонии, в разумных пределах.

Один из мужиков открыл было рот для напрашивающегося вопроса, но я жестом показал, что и так отвечу, не надо перебивать.

— Разумность пределов определяю я, как глава городской управы в Ладого. Но на дом и хозпостройки хватит, не переживайте. Народ у нас тут хороший, живём дружно, со строительством поможем, на время строительства — разместим. Насчёт климата сразу скажу, чтоб вы потом ко мне не бегали с претензиями. Такой день, как сегодня, считается нормальным для лета, а для осени и вовсе отличным. У нас тут осень уже, если кто не в курсе, потом и зима будет. В плане хозяйства — в открытом грунте ничего не вырастет, только в теплицах. Зато для скотоводства рай — пастбищ немеряно, живность местные травы ест хорошо. Сообщение с Ростовом и Новгородом идёт по реке, катера ходят, но торговли особой пока нет — слишком мало людей. Во-о-от... я предлагаю, вы о себе немного расскажите, кто/что/откуда, чем планируете заниматься, тогда я что-то более конкретное смогу обрисовать.

Слушатели переглянулись, решая, кому начинать, и один из мужиков, на вид лет тридцати с небольшим, приступил.

— Меня, значит, Николай зовут, жену — он кивнул на пухловатую крашеную блондинку — Катя. Со Ставрополя, недавно вот только здесь. Я тракторист, и на стройках ещё шабашил. Катя по образованию педагог младших классов, но не работала, хозяйством занималась. Двое детей — сын, шесть лет, дочка — три года. Ну, вот...

Тракторист-строитель — это ценный кадр, такого нужно приманивать. Плюс ещё и учительница — вопрос со школой стоит остро, две семьи, изначально тоже проявлявших интерес, ушли на север именно потому, что её нет.

— А заниматься чем планируете?

Мужик чуть растеряно пожал плечами.

— Ну... жить, просто. Дом, хозяйство, земля своя, охота, рыбалка. Может, подрабатывать немного, я с руками-то дружу.

Ага. Ещё один «подальше от начальства, и чтоб особо не напрягаться». С Димой сойдутся, наверное.

— Понятно... ну, тогда вам у нас понравится, думаю. Екатерине, если она захочет, конечно, мы работу по специальности найдём, за счёт колонии.

Жена Николая кивнула, мол, предложение интересное. Отлично...

— С собой кроме личных вещей что-то привезли?

— Э-э... да нет, я ж говорю — месяц, как через ворота прошли. Не обзавелись ещё особо ничем. В Нью-Рино ваши сказали, скотину дадут здесь?

Все на халяву что-то хотят. Ну, такова человеческая природа. Я и сам при случае не откажусь.

— Да, дадим, у нас тут фонд на эти цели есть. Потом, правда, надо будет молодняк вернуть,

в таком же количестве — для следующих переселенцев.

Тут я, наконец, понимаю, какая именно мысль занозой воткнулась в мозг.

— А как вы в Нью-Рино попали-то, если месяц назад только ворота перешли?

Все четверо взглянули на меня с явным недоумением. Я, в свою очередь, точно так же смотрю на них. Сезон дождей на Севере недавно закончился, месяца не прошло ещё. Судходство на это время замирает, по дорогам тоже не особо покатаешься, только по тем, что щебёнкой отсыпали, но между Порто-Франко и Нью-Рино такой сплошной нет.

— Так на корабле приплыли, в Галвестон. А оттуда в Нью-Рино, на машине. Машину мы тоже с собой привезли, кстати.

Хм... ну, со второй частью понятно, между Нью-Рино и Нью-Галвестоном «щебёнка» есть. А вот с первой...

Поясняю причину своего недоумения:

— Раньше на сезон дождей навигацию закрывали на Севере. Первый год, как не стали, я и не слышал даже об этом.

Собственно, почему бы и нет? Уж каботаж-то всяко особой опасности не представляет. Тем более, с нашим появлением Орден получает метеорологические данные практически со всей здешней Ойкумены — от Дальнего Севера до Дальнего Юга.

— Скажите, если не секрет, а почему в Новороссию не подались? У них же поселенцев тоже принимают, и там всё обустроено уже, не то, что у нас тут.

Супруги переглянулись, и глава семьи чуть стеснительно ответил:

— Да думали поначалу, честно говоря. А потом ещё подумали, и решили — ну его нафиг. И порядки жёсткие у них там, и ещё чечены под боком, это уж вообще... мы же со Ставрополя, там сейчас такое творится... сами, в общем, из-за этого и уехали, в основном.

— Понятно.

Интересно, что они скажут, когда здесь турки появятся? Ладно, не будем зря людей пугать, нужны они нам. Пока что у нас тут всё тихо и спокойно, аж на удивление. С учётом ...э-э... своеобразности контингента, скажем так, я ожидал куда большего количества проблем.

— Ну, что сказать — надеюсь, вам у нас тут понравится. Землю сразу получите, чем сможем — поможем, скотом, стройматериалами и так далее.

Супруги синхронно кивнули, и я перевёл взгляд на вторую пару. Эти на вид чуть помладше, лет на пять где-то.

— Я Юра, моя жена — Настя, Шацких фамилия...

Симпатичная деваха широко улыбнулась.

— ...из Читинской области...

О как. В памяти сразу всплыли мерзкие физиономии Клима и Шустрого.

— ...Торгово-кулинарное училище, там и познакомились. Дочка есть, два года.

Интересно, успокоились там уже граждане уголовники насчёт меня? А то мало ли, понадобится мне в Нью-Рино зачем-нибудь... ладно, чёрт с ними, с урками, надо сосредоточиться на дне сегодняшнем.

— ...землю, хозяйство. Ну и кафе небольшое хотим открыть.

Хм... не, дело хорошее, конечно, но...

Осторожно, дабы не спугнуть молодёжный энтузиазм, говорю:

— Кафе это здорово, конечно, я к вам первый и прибегу — надоело каждый день готовить. Но вы учитывайте — людей, вместе с вами, и трёх десятков не наберётся. Это включая детей. Я ни в коем случае не пытаюсь вас отговаривать, просто хочу, чтобы вы себе всю картину чётко представляли. В Ростове кафе есть, сам там обедал недавно, но у них и население на порядок больше. И всё кафе — три столика на веранде жилого дома.

Юра пожал плечами:

— Ну, это мы на перспективу, скорее. Люди же приезжать будут, и корабли заходить. Мы давно мечтали своё дело открыть...

Такого рода мечты и планы я лично только приветствую, о чём и сообщаю молодой паре, обещая всяческую помощь. В пределах моих сил, возможностей и полномочий, конечно.

А вообще, неплохо всё идёт. Две семьи из девятнадцати — отличный результат, мне кажется. Плюс, несколько мужиков из беспомощных тоже подумывают остаться, после обеда с ними поговорю. Растём понемногу. Так, глядишь, через пару-тройку лет и до нормального посёлка дорастём, а там и до города.

Главное, чтоб не до пригорода Анкары.

XI

Русь, нижнее течение Аустралиса,

правый берег, Ладога,

причал

Капитан Дил скользнул глазами по большой табличке с надписью «ЛАДОГА» и флагштоку с развивающимся красно-белым знаменем, кивнул каким-то своим мыслям и сделал полушаг в сторону, представляя стоящих позади него спутников. Впрочем, плотный, бритый наголо незнакомый мужик и так возвышается над невысоким, худощавым шкипером «Кейп-Кода» на полторы головы, так что я его уже разглядел. В жилах третьего из сошедших на берег явно течёт изрядная доля семитской крови, не знаю уж, арабской или еврейской. Скорее первое, наверное, иначе бы он сейчас соотечественников на Круглый остров перевозил ударными темпами.

— Мистер Чернофф, это Джерри Кейгл, капитан «Рафаэля Сэмса», и Ричард Кишер, капитан «Леди Джоселин». Джерри, Ричард, это Витали Чернофф, мэр города.

Пожимаю руки почтенных шкиперов. Не угадал я, значит, насчёт арабских корней Кишера.

— Господа, добро пожаловать в Ладугу. Вам и вашим командам здесь всегда рады. Не буду врать, что у нас здесь куча достопримечательностей и развлечений, но, по крайней мере, ноги размять можно. Через пару недель и кафе откроется, кстати.

Дил, на правах уже бывавшего в этих краях и знакомого со мной, взял инициативу на себя:

— Большое спасибо, Витали. Мы, собственно, на часок всего тут у вас остановились, познакомиться и уточнить насчёт заправки.

— У нас всё готово, как договаривались. «Сан-Кристоваль» и «Стивен Мэллори» заправляли неделю назад, процедура отработана. Мне Новгород уже по радио подтвердил, что оплата на наш счёт в Нью-Рино получена, всё в порядке, можем вас заправить в любое время.

— Прекрасно, прекрасно... мы бы тогда предпочли на обратном пути заправиться, если вы не возражаете. Высадим пассажиров, и тогда уже спокойно всё сделаем. И к вам перед уходом заглянем.

Вышеупомянутые пассажиры, кстати, обильно наличествуют на палубах всех трёх судов, с любопытством разглядывая меня и виднеющиеся из-за прибрежной «зелёнки» крыши посёлка. В основном мужики, но и женщин с детьми немало. Никабов 55 не вижу, но все женщины в платках.

— Никаких проблем, как вам удобно. Когда примерно ждать?

Все трое дружно ухмыляются. Ну, не спорю — не самая тонкая попытка разузнать, где турки планируют высаживаться.

— Пока не знаем. Пойдём наверх, где пассажирам место приглянется — там и высадим.

— Ясно...

— Мы по радио слышали, у вас тут бандиты появились?

Напустив на себя огорчённый вид, киваю.

— Да. Ну, не здесь, конечно, на севере. Через горы перебираются, у нас не хватает сил для нормального патрулирования. Четыре дня назад было нападение, у нас двое раненных. Одного негра подстрелили и взяли в плен, но до врача довести не успели — умер.

Понятно, что точных подробностей мне по радио никто не сообщал, но, насколько я понял, Саня и его люди как-то умудрились захватить негров в живом виде. По крайней мере, одного. Мне вот, вынужден признать, такая возможность в голову не приходила. Молодцы ребята, так оно получится куда убедительнее — подстреленного, но ещё живого негра видели два десятка человек, тут уж на заговор и инсценировку не спишешь. Опять же, пару легкораненных организовали.

— ...но банда ушла, да и вообще неизвестно, одна ли она, так что на севере сейчас все на нервах. Вы тоже там поаккуратнее, когда на берег высаживаетесь, а то мало ли что...

Дил благодарно кивнул:

— Спасибо за информацию, обязательно. Тут с вами представитель наших пассажиров хотел

поговорить. Как, разрешите ему сход?

Всех капитанов я ещё на подходе предупредил по радио, что сход турок на нашей территории без предварительного согласования запрещаю. Все восприняли как должное — естественно, что две дюжины жителей посёлка не горят желанием видеть у себя две сотни вооружённых чужаков. Но, раз уж туркам хочется наладить контакт, отказ выглядел бы странно. А странностей, с учётом предстоящих событий, лучше избегать.

— Конечно, с интересом пообщаюсь.

Врать, что с удовольствием, я не стал, всё равно не поверят. Ну, по крайней мере, от строительства на часок-другой закосил. Дома для вновь прибывших мы сооружаем «всем миром», что называется, так что таскание бруса и прочие высокоинтеллектуальные занятия меня за последние дни порядком подза... э-э... утомили, вот.

Шкиперы попрощались и убыли к себе, каждый на своей лодке (к причалу суда не подходили), и через несколько минут лодка с «Кейп-Кода» вернулась, высадив на берег одного из пассажиров.

— Good morning! 56 — турецкого я не знаю, но предположил, что английским гость владеет, раз уж его отправили на переговоры.

— Доброе утро! Я по-русски говорил, в Москве работал раньше, строителем. — невысокий, но коренастый и явно крепкий турок, широко и доброжелательно улыбаясь, протянул руку. — Омер Каджаоглу, рад знакомству.

Сильный акцент, но понять можно без труда, и даже окончания почти не путает.

— Виталий Чернов, очень приятно.

До того приятно, аж кушать не могу. Стараясь особо не тарачиться, разглядываю собеседника. За сорок, внешность вполне европейская, хоть и смугловат. Шатен, светло-карие глаза, усы «щёткой»... а вот бороду он раньше носил, а теперь сбрил, по загару на лице видно. В Халифате она обязательна, что ли? Я и не в курсе.

Турок занят тем же самым — рассматривает меня. Ладно, не вижу смысла терять время, играя в гляделки.

— Вы что-то обсудить хотели?

Омер с труднопроизносимой фамилией явно видит, что радушием я не лучусь, но не похоже, что его это смущает.

— Да, конечно. Познакомиться хотел, и обсудить хотел тоже. Соседи должны друг друга знать, я правильно говорю?

— Правильно, у вас прекрасный русский.

Усач подразумевал явно не это, но уточнять не стал.

— Мы хотели у вас топливо покупать. Солярка, керосин, всё нам нужно будет. Будем торговать?

Хм... вообще, конечно, тут палка о двух концах. С одной стороны — раз уж мы их всех

собираемся выпилить, лучше согласиться, чтобы не насторожить раньше времени. С другой — если выпиливание, по тем или иным причинам, не состоится, то поставлять им нефтепродукты как-то не очень хочется, зачем поддерживать соперников. С третьей — если они таки здесь останутся, и мы им не будем продавать солярку, то они сами начнут с удвоенной энергией искать нефть, а нафиг мне такое счастье? Получается, даже не о двух концах палка, а о трёх.

Отгнав смутное видение трёхконечной палки, напоминающей противотанковый ёж, отвечаю терпеливо ждущему турку:

— Будем, почему же нет. Бизнес дело хорошее, мы всегда за.

Омер радостно заулыбался.

— Очень хорошо! Очень хорошо! А как вообще живётся тут, расскажите немножко, пожалуйста.

Замечательно жилось, пока вы не приплыли. И будет житься ещё лучше, когда вас не станет.

— Да нормально живётся. Тихо, спокойно. Прохладно только, а скоро ещё зима наступит.

Собеседник вновь улыбнулся, всем своим видом демонстрируя искренность и дружелюбие. Нет, дружище, на меня этот охмураж не действует. Знаю я вашу братию.

— Да, я знал, что тут холодно, на самом юге. Поэтому мы на север поплывём, там теплее будет.

Ну вот и оставались бы в Мекке, там вообще температура ниже двадцати пяти в принципе не падает, насколько я слышал.

— У нас тут одна семья есть, молодые ребята, очень хорошие. По-русски говорят тоже очень хорошо. Муж бизнесмен небольшой, у него магазин был. Жена доктор, очень хороший. Двое небольших детей есть. Хотят у вас тут поселиться. Не против вы?

Млять, и глаза сделал такие большие и наивные. Нет уж, уважаемый, дураков ищите в другом месте.

— Не надо.

Подождав несколько секунд и убедившись, что разъяснений не последует, турок предпринял новую попытку.

— Очень хорошие ребята! Я за них сам ручаюсь. Давать им не надо ничего, мы сами всё дадим.

«Ручается» он, ага. А за тебя кто поручится?

— Нет, не надо.

— Почему? У вас тут людей мало. Люди нужны вам. Земли здесь много, всем хватит, людей не хватает! Соседями будем, надо узнавать друг друга. Очень хорошие ребята! Люди нужны вам, да?

Ишь, зачастил как, разволновался. Блин, он что, и правда думал, что я соглашусь? Приду домой, посмотрюсь в зеркало — неужели так на идиота похож?

— Людей, которые нам нужны, мы себе сами привезём, спасибо. Как вы сами и сказали — земли много, вот и не надо друг к другу лезть. Торговать будем, дело это хорошее, а жить лучше со своими.

Омер, однако, так просто сдаваться не собирается.

— Эх, Виталий... «свои», «не свои»... мы все одинаковые внутри, у всех кровь одинаковая, чувства одинаковые! Ну какая разница, в Турции человек родился, или в России? Важно, какой человек этот — хороший или плохой. Я же плохих людей не стану советовать, ручаться не стану за них. Мы же соседи будем, я один раз обману, как потом на меня смотреть будешь? Как я тебе в глаза смотреть буду? Не стану обманывать, правду говорю — хорошие ребята, возьми, потом сам рад будешь, спасибо скажешь. Давай, я сейчас вот тысячу экю дам — ты что-то хорошее для посёлка на них купишь, да.

Ну вот, мало того, что мы уже на «ты» перешли, так он ещё и взятку мне суёт. Аж целую тысячу экю, хе-хе. Не в курсе, что ли — взятка унижает тем больше, чем она меньше. Ладно, раз чувак в Москве работал, поговорим на языке, который должен быть ему понятен.

— Омер, ты пошутил, что ли? Какая тысяча? Это мне надо будет в Новгороде вопрос решать, чтобы разрешение пробить. Минимум десятку надо, и то я её всю там раздам, мне ничего не останется. Чисто из уважения к тебе займусь.

Турок чуть растеряно моргнул.

— Виталий, ну десять тысяч — это очень много. Ты понимаешь, мы же беженцы, откуда такие деньги? Две тысячи могу дать, только потому, что очень хорошие ребята, и тебе помочь хочу — сам меня потом благодарить будешь!

— Омер, да я бы и так взял, без всяких денег! Ты же всё правильно сказал — земли много, людей мало. Но ты пойми — я же не один, надо мной начальство! А им-то на наши проблемы здесь наплевать. Я им не занесу — ничего не разрешат. Ты не жалея десятку, это же инвестиция будет, сам понимаешь. Нормально с тобой работать будем, дела делать, то-сё. Я же и на заводе этом нефтяном управляющий, заодно, а не только мэр.

— Конечно, Виталий, конечно! Я вижу уже, очень хорошо с тобой работать будем! Но нету десятки, очень много! Три тысячи могу дать, если две семьи возьмёшь, сейчас на корабле скажу ребятам, чтобы готовились выгружаться...

— Не-не, Омер, погоди. Во-первых, надо в Новгороде сначала вопрос решить. Я ж себя подставлять тоже не могу, ты пойми. А если проверка приедет, и они тут без разрешения живут! И трёхой никак вопрос не решить, ну я же в Новгороде людей знаю, поверь на слово, там самый-самый минимум — восемь...

В общем, сговорились на пятёрке, которую Омер, прикрывшись широкой спиной от любопытных взглядов с реки, молниеносно отсчитал мне из вытащенной из кармана пачки. Я, со своей стороны, пообещал решить вопрос с разрешением на две семьи в течении месяца.

Ну, а что такого? Даже если мы их не выпилим, скажу, что люди в Новгороде деньги взяли, а вопрос не решили. Дело-то житейское, сплошь и рядом такое бывает. Человек же в Москве работал, должен понимать.

...

Русь, нижнее течение Аустралиса,

правый берег, Ладога,

кафе «Сарма»

— Быстро вы тут обустроиваетесь... уже и кафе появились...

Отдав должное темпам нашего развития, капитан Дил меланхолично наколол вилкой кусок жаренного мяса и отправил в рот.

— Вчера только открыли. С опережением сроков, я думал, не успеем до вашего отплытия.

Поход вверх по реке, поиск подходящего места для колонии, разгрузка колонистов и обратная дорога заняли у Дила и его коллег чуть больше двух недель. Собственно, сам шкипер «Кейп-Кода» уже наверняка с удовольствием шёл бы на север вдоль побережья, но разбивать караван ему не хочется, а «Леди Джоселин» и «Рафаэль Сэммс» ещё не заправились. Так что, мы сидим на веранде дома Юры и Насти Шацких, создаём им выручку. Готовить ребята и правда умеют, так что, почему бы и нет — зря, что ли, у турок взятку брал, надо тратить. Опять же, экономика развивается.

Американец скептически окинул взглядом маленький посёлок.

— Клиентов-то не маловато будет?

— Ну... на перспективу же люди работают. Смотри, вот сейчас два судна пришли — нас на десять человек больше сразу стало, если с детьми считать...

Помимо двух семейств из Забайкалья и Ставрополя, у нас решили остаться ещё и трое одиночек. Причём, что забавно, двое из них уже практически семья. Нет, я в хорошем смысле — женщины же среди бессемейных тоже есть. Ну, вот, познакомились люди за время плаванья, приглянулись друг другу, и появилась ещё одна ячейка общества.

— А вчера ещё одно судно вышло, из Порто-Франко — ещё шестьдесят с лишним человек. Несколько у нас останутся. Ну, и так далее. Я удивлюсь, если к концу сезона тут не будут человек сто жить, как минимум.

Оставленный Глебом на Севере Курганов проявил неожиданную энергичность, и временно переехал в Порто-Франко, занимаясь там агитацией и вербовкой вновь прибывших. Алина же осталась в Нью-Рино, решать оргвопросы. Из Галвестона, кстати, через две недели ещё одно судно выходит, там тоже больше полусотни желающих. Такими темпами, мы за пару лет буров догоним. Ну, собственно, с учётом разницы демографических потенциалов — немудрено. Жаль, с турками такой фокус не прокатит.

— ...как судно называется?

— Э-э... «Файери Кросс», кажется.

Собеседник (и собутыльник, мы же не на сухую сидим) кивнул.

— Ага, знаю такой. К Билокси приписан. Ну, рад за вас, искренне рад.

— Ставки на фрахт сюда упали же, около ста тысяч просят, не то что вы нас ободрали

в прошлом году — по четверти миллиона почти, ха-ха.

Шкипер, явно не испытывающий по данному поводу ни малейшего смущения, пожимает плечами:

— В прошлом году мы практически в неизвестность шли. Плата за риск, никуда не денешься. А сейчас здесь уже кафе открылись. Так что... но, кстати, ставки скоро подрастут, я думаю. Не до прошлогодних, конечно, но тысяч на тридцать, а то и пятьдесят — точно. Начинается массовое переселение на Шират-ха-Ям. Там, конечно, за рейс столько не заплатят, но и сходить туда-обратно из Форт-Линкольна можно три раза за то время, пока до вас только дойдёшь.

— Шират-ха-Ям — это на Круглом острове новый анклав теперь так называется?

— Ага. «Песнь моря» переводится, вроде как.

— Ясно. Слушай, а турки свой как называли-то?

— Сег... суг... — уроженец Бостона сосредоточился и медленно, отдельно произнёс — Сёгют. 57 Они, кстати, сильно расстроились, когда увидели, что устье Гискара уже занято. Там планировали обосноваться.

Вот и мы так подумали, что место их привлечёт. Потому, сейчас на правом берегу Гискара, в нескольких километрах от его впадения в Аустралис, стоит степной хуторок из четырёх домов, гордо назвавшийся Тверью. За неделю построили. Пусть единым анклавом Орден нас пока не признаёт (и это, положив руку на сердце, совершенно справедливо), но отдельное-то поселение есть? Есть. А раз так, земли в радиусе двенадцати миль — наши, и чужим там селиться нельзя, так что речную дорогу на восток нам теперь никто не запечатает. Кстати, раз уж о переименованиях речь зашла — Бордер-Маунтинс больше нет. Ну, на карте, в смысле — теперь это Урал. А вот Аустралис и Гискар орденцы переименовывать на своих (они же общеневоземельские) картах отказались — мол, первый назван участниками погибшей экспедиции, память о героях и всё такое, а второй — в честь заслуженного капитана-первооткрывателя. Глеб предложил всё равно переименовать, для внутреннего употребления, вроде как, но большинство, включая меня, проголосовали против. Ни к чему неразбериху разводить.

Развожу руками:

— Ну, тут уж кто успел, тот и съел. Место же они себе всё равно нашли.

Обломавшись с устьем Гискара, турки, поднявшись было выше Ростова и осмотрев земли там, всё-таки решили сильно не наглеть, вернулись, поднялись по Гискару на двести километров и основали поселение. Возле того самого предполагаемого аналога Курской магнитной аномалии, между прочим. Ну, в общем-то, логично — селиться между нашими городками на Аустралисе означало бы открыто нарываться на конфликт, к которому они (пока) не готовы. А так — бассейн Гискара займут, ещё и на восточном берегу пару поселений организуют, объединят разрозненные территории в единое целое и начнут капать нам мозг. Ну, это как вариант, конечно.

— Нашли, да. Ты знаешь, Витали, там столько дичи всякой, просто невероятно. Пампа так и кишит. Я здесь десять лет уже, и побывал от Фриско до Порт-Дели... ну, с вами пока не связался... так вот — нигде такого не видел. Говорят, на Севере тоже так было, лет двадцать

пять назад, но сейчас...

Это точно повыбили зверушек. Такие уж мы люди сволочные существа — не можем иначе.

— А обратно собираешься?

Дил усмехнулся.

— Хочешь узнать, когда больше турок приплывёт?

Киваю.

— Хочу, конечно. А ты бы на моём месте не хотел?

— Да понятно... не могу помочь, у меня уже фрахт подписан, после этого рейса буду до конца сезона «трамваем» работать, на трассе Форт-Линкольн — Круглый остров. Но, судя по тому звездецу, который творится сейчас в Халифате, с желающими свалить оттуда как можно дальше проблем не будет. А что, сложностей с турками ожидаешь?

Вот тут надо осторожно.

— Да как тебе сказать... от них зависит. Ты сам видишь, у нас тут народ мирный, всё тихо и спокойно. А вот что у них там в голове... смогут нормальными соседями стать — всё будет хорошо. Не смогут... ну, придётся объяснять. Ты вот с ними столько времени на борту провёл, сам что скажешь? Как они тебе?

Десять лет на Новой Земле отучили американца от политкорректности, поэтому слов он особо не подбирает.

— Честно скажу — наплачетесь вы с ними. Есть и нормальные, конечно, даже больше половины, я думаю. Но есть и такие, с которыми я бы без оружия встречаться не хотел. И таких там много. Я сам, в своё время, в Заливе побывал, 58 посмотрелся там на ихнюю породу... держите порох сухим, короче, мой тебе неофициальный, но дружеский совет.

— Спасибо...

Мы, собственно, примерно так и планируем.

...

Русь, среднее течение Аустралиса,

Ростов, городская управа

— ...забор. А вот здесь, на холме — пулемётное гнездо. Контролирует подходы с юго-запада и с реки. Но сделано без ума, погасить можно снайперкой.

Невысокий, жилистый и загорелый до черноты мужик тупым концом карандаша продемонстрировал на карте, какой именно сектор контролирует пулемёт. Пару секунд подумал, перевернул карандаш и повёл две линии. Для наглядности, вроде как.

— По идее, можно ночью подойти и тихо их снять... — задумчиво сказал Фролов. — Но со всем этим зверьём ночью особо не пошастаешь — сожрут. Надо с воды работать. Ты ж с ними о поставке горючки добазарился? — он повернулся ко мне.

— Ага.

— Во-о-от... — блондин удовлетворённо потёр руки. — они к твоему приходу на берегу столпятся, интересно же будет. А тут мы из-за бортов поднимаемся и в упор лупим. Пулемёт Миша погасит, он заранее выдвинется, скрытно. Высаживаемся, зачищаем...

— И стройными колоннами идём на виселицу. — заканчиваю я за него фразу. — Сань, Орден стопудово кого-то для разбора пришлёт. Ты думаешь, они не смогут определить, откуда стреляли? Как, по-твоему, негры катер аж к Гискару протащат? По саване, на плечах? А перед этим по горам так же? По суше надо идти, и атаковать оттуда же, как реальная банда бы сделала.

Оба собеседника посмотрели на меня с плохо скрываемым раздражением. Можно подумать, я виноват, что они дальше своего носа не смотрят ни хрена. Хотя я и был, мягко говоря, не в восторге, от просьбы Глеба присоединиться к этому «совету в Филях», но теперь вижу — не зря согласился. Эти двое, хоть в военном деле и понимают куда больше меня, всей картинке не видят, им волю дай, таких дел наворочают, устанем разгребать.

Миша Скворцов, один из восьмерых новичков, пришедших к нам именно в качестве «силовики», задумчиво постучал карандашом по карте. Человек он тёртый, успел повоевать и на той стороне ленточки, и на этой, к его мнению даже Саня с уважением прислушивается, несмотря на все свои понты.

— Если с воды нельзя, значит, придётся высаживаться километров за... двадцать ниже по течению, и по дуге заходить, вот так. — он показал на карте. Ночью идти не вариант, надо днём. К вечеру подойдём, доразведем всё, как стемнеет — выдвигаемся на позиции. Народу маловато для такого варианта... — он вздохнул.

Саня изобразил некий жест левой рукой, ухитрившись одновременно вложить в него согласие с услышанным и огорчение от несправедливости жизни. Актёр, что тут скажешь.

— Понятно, что маловато, но больше нельзя — инфа разойдётся. Веталь прав, Орден наверняка следаков каких-то пришлёт.

Вообще-то, я бы с интересом послушал, что Глеб имеет по поводу всего этого сказать. Но наш «фюрер» своим присутствием военный совет не почтил, да и вообще от непосредственного участия в оргработе над «проектом» дистанцировался. «Plausible deniability», 59 ага. Всё-таки, иногда английский точнее.

— ...десять человек — нормально, хватит. Я в егерях был когда, мы к «чехам» такими группами и ходили, и аулы зачищали под ноль.

Ну, а вы как думали, куда местные имаматчики делись с западных территорий, когда Новороссия расширилась за Амазонку, «от моря до моря»? На юг убежали, к своим? Хм... не, ну, кто-то и убежал, конечно.

— Негров с собой по саване тащить не будем, пусть на «дэкашке» 60 сидят. Когда закончим — дадим сигнал, она подойдёт, устроим натюрморт.

— Угу. Заодно и самим обратно пехом тащиться не придётся.

— Осторожно только надо, чтобы на дне след от касания корпуса не остался. По нему тоже могут выкупить, он долго очень сохраняется, если дно подходящее.

В общем, вполне деловой разговор идёт. Главное, не забыть хорошую поговорку о бумаге и оврагах.

...

левый берег Гискара,

северо-восточнее турецкого поселения

Пожухлая, выжженная летним солнцем и высушенная постоянными верами трава хрустко шелестит под ногами. Размазанные по небу тонкими, прозрачными полосками облака ничуть не мешают ослепительному солнцу вытапливать из нас пот, который, впрочем, тут же высыхает на резком ветру.

Раз, раз, раз-два-три, раз, раз, раз-два-три, раз...

Впереди идущий боец внезапно поднял руку, давая тем самым сигнал остановки, и тут же присел в траву. Передаю команду дальше по цепочке и с удовольствием следую его примеру. Особого шухера не видно, наверное, опять носорога, прайд степных львов или стадо рогачей впереди увидели, будем обходить. Оттянув руками ляжки рюкзака, вращаю плечами, стараясь размять затёкшие мышцы и суставы, ослабить боль. Эхе-хе-х... не двадцать лет мне уже, далеко не двадцать. Впрочем, марши по пересечённой местности, да ещё и навьюченным как осёл, и тогда в перечень моих любимых занятий не входили. Одно утешение — ноги пока что не натёр, а то бы вообще звиздец был. Что, всё, продолжаем движение? Чёрт. Я бы ещё минут пять посидел.

Мы идём от места высадки уже четыре с половиной часа, обходя Сёгют по широкой дуге. Дело постепенно движется к вечеру, так что, шансы наткнуться на случайных турецких охотников невелика. Да и зачем бы им отходить так далеко от лагеря, дичи здесь полно, только успевай уворачиваться. Вот насчёт сторожевых постов — другой вопрос. Но, после долгого обсуждения, решено что вероятность ихнего здесь нахождения невелика. Ну, так далеко, в смысле — возле самого-то поселения наверняка есть, днём, во всяком случае. А выставлять посты в совершенно безлюдной, зато кишасей хищниками и прочим опасным зверьём саванне за пятнадцать километров от посёлка — это надо быть реальным параноиком, в плохом (медицинском, то есть) смысле. В любом случае, у нас есть головной дозор из трёх человек, и старшим там идёт Миша, который, сдаётся мне, любого супостата заметит первым. Ну, или, по крайней мере, не даст себя бесшумно снять, это уж наверняка.

Траектория движения нашей цепочки понемногу смещается вправо, хотя, по идее, уже пора бы потихоньку принимать в другую сторону, к Гискару. И темп что-то вырос, перейдя с отметки «походный шаг» на «быстрый». Только давайте без бега как-нибудь обойдёмся, а мужики? Только забега мне сейчас не хватает для полного счастья.

Плоский и широкий холм слева постепенно смещается с «десяти часов» на «девять», а потом

и на восемь. Его, что ли, обходим? Ну, вообще-то правильно — идущий по склону человек на фоне неба заметен, как таракан на тарелке. Но спешить-то так зачем? Холм, вроде как, никуда не движется, стоит себе на месте.

Разгадка приходит несколько минут спустя, когда вдали, на раскинувшейся за холмом равнине, появляется шевелящаяся коричневая полоса. Можно, конечно, достать бинокль и посмотреть, но лень — я и так знаю, что это. Сезонная миграция. Стада рогачей, уходивших весной на юг, возвращаются обратно. Мы сегодня одно такое уже обходили, и ещё с борта «Разбоя» парочку видели. А? Ну, разумеется, Глеб назвал, как и «Ушкуй» с «Геноцидом». Шутник, блин. Я предлагал «Арьяварта», 61 но никому не понравилось. Тёмные люди, что тут скажешь.

Так вот — здешние рогачи хоть и поменьше северных, но взрослые самцы весят за три тонны, а то и под четыре. Самки почти вдвое меньше, но тоже внушают. Главное же — в отличие от северных собратьев, эти сбиваются в какие-то совершенно бескрайние стада, по несколько сотен голов в каждом, и эти стада движутся не каждое само по себе, а в какой-то сложной структуре. Не знаю, возможно, это у них только на время миграции, но попадаться на пути такого стада нам не хочется совершенно. Особенно с учётом того, что у них сейчас ещё и брачный период начинается, так что самцам тестостерон бьёт в мозг со страшной силой. А потом они с той же силой бьют по всему, что недостаточно проворно убегает.

Через пятнадцать минут вновь поступает команда на остановку. Облегчённо падаю пятой точкой на траву. Устал. Пару секунд подумав, прикладываюсь к фляжке и делаю глоток воды. Особого толка от него не будет, конечно, мигом выйдет с потом, но очень уж захотелось. Что, уже встаём? Млять. Сократить дистанцию, перейти на бег? Три раза «млять»! Что творится-то?!

Через минуту, постепенно втягиваясь в новый темп, получаю ответ и на этот вопрос — справа, из-за полосы высоких кустов, сминая их на ходу и втапывая в сухую землю, появляется ещё одно стадо рогачей. Миша хочет нас между ними провести, что ли, пока они не соединились? Ну, ладно, пробежимся. Надеюсь, не слишком долго.

...

левый берег Гискара,

восточнее турецкого поселения

Э-э-фуф! Э-э-фуф!

Наша давно уже сбившаяся в кучу цепочка останавливается, и я немедленно сгибаюсь, оперевшись руками в колени, судорожно втягивая воздух и с трудом одолевая приступ тошноты. Блин, как же мне хреново-то, а.. впрочем, судя по задыхающимся хрипам вокруг, остальным если и легче, то ненамного.

Последние полтора часа мы потратили в бесплодных попытках проскочить между стадами рогачей. Бросок, короткий «отдых» быстрым шагом, ещё бросок... Чуть не кони не двинул. Ну да ещё не вечер, и чёртовы вокруг зверюги пока только прибывают в количестве.

Немного отдышавшись, прислушиваюсь к разговору. Саня и Миша крутят головами на триста шестьдесят градусов, пытаюсь найти выход. Фролову, кстати, ещё хуже чем мне приходится,

с его-то ногой. Лицо искажено от боли, но темп держит, молодец.

Миша пересохшими губами имитирует сплёвывание.

— Не, Сань, не проскочим! Смотри, они сходятся уже!

Он показывает рукой на два стада в четырёх сотнях метров слева, постепенно сближающихся друг с другом. Самцы, возбуждённые видом соперников, с гневным рёвом поднимают к небу четырёхрогие морды.

Саня, в очередной раз поморщившись от боли в ноге, неохотно кивает.

— Ладно. Что предлагаешь?

Скворцов разворачивается в другую сторону и тычет пальцем в направлении не слишком высокого, но крутого, с обрывистыми склонами холма, до которого метров шестьсот.

— Надо на холм лезть! Склоны крутые, они не заберутся. Переждём там, пока стада пройдут!

Кстати, о стадах — непосредственно между нами и холмом их нет, но вот по сторонам — в наличии. Более того, позади возделенного холма тоже. Так что, если мы рассчитываем туда добраться, надо бы поспешить, вообще-то. Нет, понятно, что десять вооружённых мужиков при необходимости отобьются от любого стада, но совсем уж лохами турок считать не следует — на наших планах внезапной атаки после такой баталии можно будет поставить крест.

Саня чертыхнулся, оглянулся на уже почти закрывшийся проход к реке и чертыхнулся ещё раз.

— А если они неделю так идти будут?!

Миша помотал головой.

— Другого выхода нет! Думай быстрее!

— Ладно! — Фролов оглянулся на остальную группу. — Всем внимание! Бежим к тому холму и залезаем наверх! Бежим быстро, не растягиваемся! Вперёд!

Ноги словно налиты свинцом, сердце пытается выскочить из груди, в боку и в лёгких колет так, словно туда по спице воткнули. Проклятый холм словно застыл на месте, ни в какую не желая приближаться.

Быки, охраняющие стада справа и слева, что-то режут в нашу сторону, и начинают двигаться навстречу друг другу, постепенно сужая проход. К счастью, особой спешки они при этом не проявляют.

Остатки недотоптаной рогачами полосы высокого, густого кустарника справа заканчиваются... и из-за кустов внезапно показывается с десятков мужиков в «степном» камуфляже, сломя голову несущихся параллельно нам и, кажется, к той же цели. Обе группы, разделённые двадцатью метрами поросшего сухой травой пространства, резко останавливаются, наводя друг на друга оружие. Млять, сейчас бойня будет!

Не похожи на турок! Рослые, здоровенные, со светлыми бородами... мозг ещё додумывает, а ноги уже делают три шага вперёд, и руки поднимаются вверх, демонстрируя пустые ладони.

— *Moenie skiet nie! Moenie skiet nie! Ons is nie Turke nie!* 62

Один из неизвестных, вроде как постарше возрастом, делает пол шага вперёд, на лице смесь ошарашенности и злости.

— *Wie de fok is julle?!* 63

— *Russe! Ons is Russe!* 64

Бур (как я допетрил вовремя, а?!) замер в секундной нерешительности.

— *Basta met jou strontpraatjies, man, hulle gaan ons nou plattrap! Laat ons waai! Na die heuvel daar!* 65

Мужик, наконец, решился.

— *Orraait. Ons gaan daar praat. Moenie so skree nie, jy maak die horingdraers senuweeagtig.* 66

Оглядываюсь назад. Чёрт, а «слонопотамы» -то уже совсем близко. И кажется, настроение у них испортилось.

Командир буров уже что-то скомандовал своим (что именно, я не разобрал), и те, настороженно косясь на нас, двинулись дальше.

— Это, мля, кто? — поинтересовался Миша. Саня согнулся в три погибели и с искажённым страданием лицом растирает больную ногу, ему явно сейчас «ни до чего». Остальные наши пытаются одним глазом держать в поле зрения удаляющихся чужаков, другим — следить за приближающимися рогачами.

— Буры. Побежали, а то растопчут нас тут нафиг сейчас.

Миша, секунду поколебавшись, кивает.

— Так, все вперед! Чуть-чуть осталось! Чужих без внимания не оставлять! Бегом-бегом-бегом!..

Медленно набираем разбег. Блин, до чего же мне хреново-то, а... ладно, двести метров осталось, добежали почти.

Скворцов, к забегам с полной выкладкой явно подготовленный куда лучше меня, на бегу перестраивается поближе. Блин, даже лицо ко мне повернул, и при этом ещё и под ноги умудряется смотреть. Монстр какой-то, я вот еле на ногах держусь.

— Какого хрена они тут делают?

Блин, у него даже отдышки почти нет. Ну, есть, конечно, но по сравнению со мной — как будто человек неспеша по бульвару прогуливается. Отвечаю, выплёвывая слова между вдохами.

— Думаю!.. тоже!.. турок!.. валить!..

Ну, а что ещё? Явно не на рогачей пришли охотиться за две с лишним тысячи километров от дома. Может, конечно, хотели нам какую-то диверсию учинить, но для этого двенадцать человек (я на бегу посчитал) маловато, всё-таки.

Миша, двигаясь всё в том же плавно-размеренном, и при этом быстром темпе, удовлетворённо кивнул.

— Хорошо! Договоримся, вместе турок точно разделаем.

Ага. Вот только...

— У них!.. негров!.. нет!.. с собой!.. Посматривай!..

Миша хотел было переспросить, но понял, что я имею в виду, и мрачно кивнул. В самом деле, если буры не планируют свалить нападение на негров, то на кого? Кандидатов не так, чтоб очень уж много, однако.

Наконец-то, мы добежали! Буры уже на середине склона, так что мы с разбегу заскакиваем на пару метров вверх и, помогая себе руками, карабкаемся вслед за ними.

Через несколько секунд снизу доносится разочарованное всхрапывание рогачей. А вот хрен вам, кто не успел, тот опоздал.

Забравшись, наконец, на верх, обнаруживаем буров уже рассредоточившимися по окрестностям (ну, насколько уж площадь вершины холма позволяет, она тут метров тридцать на пятьдесят, не больше) и с оружием в руках. На нас, правда, не направлено, и на том спасибо.

Чуть отдышавшись, нахожу глазами их старшего. Ага, вот он, мрачно посматривает на нас... э-э... нет, конкретно на меня, одновременно что-то обсуждая с одним из своих... е-моё, вот так встреча! Это же «Малой»! Ну, тот самый, Петер Виль ...э-э... Вильехофен, как-то так. Тот, кто начал сражение за кейптаунский аэропорт. Его тогда довольно прилично зацепило огнём со «Спуки», я к нему в госпиталь ещё пару раз заходил, а потом он уехал в Фолькстаат, уже когда началась вся эта история с отравившимся печеньками суданцем. Надо же, как тесен мир.

Быстро обдумываю, к добру это или к худу. Пожалуй, к добру — отношения с Петером у меня сложились хорошие, так что, скорее всего, чтобы он сейчас своему командиру не говорил — это снижает шанс начала стрельбы. А стрельбы очень не хочется — пусть у нас, в отличие от буров, есть бронежилеты и каски, от автоматной очереди с десяти метров они защитят примерно никак. Да и стрелять эти ребята умеют, тут никаких сомнений. Буры вообще прекрасные воины, даже слово «коммандос», означающее сейчас элитных, высоко подготовленных бойцов пришло из африкаанса, в котором раньше обозначало простых бурских ополченцев. Англичане во время Второй англо-бурской войны с ними столкнулись, и малость ошалели, мягко говоря. Кстати, «не прикуривать ночью троим от одной спички» 67 — пошло с той же войны. В общем, если сейчас начать стрельбу, сомневаюсь, что кто-то выживет, с обеих сторон.

Командир буров жестом приказывает Петеру замолчать и идёт в мою сторону, Петер следует за ним. Ко мне, в свою очередь, подтягиваются Миша и чертыхающийся сквозь зубы Фролов.

Бур сразу переходит на английский, видимо, Петер ему рассказал, что мои знания африкаанса фразой «не стреляй» и скромным набором ругательств практически исчерпываются.

— У нас не было времени представиться. Меня зовут Магнус. Вы старший? — смотрит на меня. Я отрицательно качаю головой и киваю на Саню. Тот, никак не отражая на лице то, насколько ему сейчас хреново, представляется:

— Алекс.

Саня как-то попредставительнее выглядит, чем командир буров. И дело не только в «киношной» морде лица. С первого взгляда видно, что у него даже обувь с одеждой лучше и новее, я уж не говорю об экипировке. Африканер вообще на бомжа какого-то похож, честно говоря — стоптанные берцы, потёртый, выцветший на солнце камуфляж, широкополая соломенная панама, клочковатая борода... да и габаритами особо похвастаться не может, в отличии от большей части своих подчинённых. Но, как я уже говорил, обманываться внешним видом тут не надо, чревато, знаете ли.

Магнус (если предположить, что это его реальное имя) указывает рукой в сторону:

— Предлагаю обсудить всё вдвоём. Не возражаете?

— Ок-кей... — Саня с непонятым выражением лица оглядывается на меня, отворачивается и, заметно прихрамывая, идёт вслед за африканером. Мдя... вообще, конечно, я бы предпочёл при разговоре присутствовать. А ещё лучше — самому его провести, при всей моей нелюбви к ответственности за других. Не то, чтоб я считал Фролова совсем уж идиотом, но... общую картину он видит далеко не всегда, скажем так. Ладно, раз уж решили, что он группой командует, ничего не поделаешь.

Поворачиваюсь к старому знакомому.

— Петер, рад встрече. Вот уж, честно говоря, кого никак не ожидал тут увидеть.

Молодой африканер широко улыбается.

— Я тоже очень рад вас видеть, сэр! И тоже не ожидал вас встретить в этой глуши.

— Как жизнь в Претории?

Понятно, что жизнь в Претории мне любопытна, конечно, но не в такой степени, как причины появления здесь бурского отряда. Однако, на прямой вопрос в лоб Петер, при всём его ко мне уважении, ответит вряд ли, так что, пойдём обходным путём.

— Очень хорошо, сэр! Только я живу не в Претории, а...

Из короткого рассказа выяснилось, что Петер завёл себе ферму где-то на холмистой равнине центрального Фолькстаата, между Драконовыми горами и побережьем, дал ей милое и простое название Вууруйтзихт 68 и разводит потихоньку скот, а также экспериментирует с рисом и фасолью. Женой пока не обзавёлся, и перспективы в этом плане не слишком радужны, ибо в Фолькстаате, как и в любой молодой колонии, мужчин заметно больше, чем представительниц прекрасного пола. Впрочем, буры над этим работают, пытаются вывозить из старого мира в первую очередь женщин.

— Да, у нас такая же история. Прибывают либо семейные, либо мужчины. У нас вот предыдущая партия — сорок три мужика, и всего девять женщин. Это с учётом того, что женщинам мы проезд оплачиваем. Сейчас вот судно из Порто-Франко идёт: если не считать семейных, то получается на двадцать пять мужчин — семь женщин. Так можно и до старости в холостяках проходить... а чего вы турок-то мочить пошли?

— Ну а зачем нам тут мусу... — парень замолчал на полуслове и с упрёком посмотрел на меня.

— Да ладно тебе, Петер, не грузись. Мы ведь тоже не на рогачей поохотиться сюда припёрлись. Вот увидишь, повоюем с тобой вместе ещё раз. Просто я немного удивился, что вы так быстро перешли к действиям — всё-таки, от вас далековато.

Думаю, не меньше двух тысяч километров, это если от самых юго-западных рубежей бурских владений брать. И, что-то мне подсказывает, они это расстояние не пешком прошли. Помимо очевидной нездоровости мероприятия (сожрут нафиг!) — просто не успели бы. Вывод? Где-то к северо-востоку отсюда стоит пара-тройка рейдовых внедорожников, на которых они и прикатали. Либо, как вариант, лошади, но менее вероятно. А ближе подъезжать не стали, чтобы следов не оставить. Также опасаются орденского расследования.

Пока я размышлял, Петер, в силу молодости, решил, что скрывать истинную цель их прихода и правда глупо.

— В Фольксрааде 69 как узнали, что мусульмане сюда переселяются, на уши встали...

— Они и нашему появлению не сильно обрадовались, думаю? Ха-ха.

Бур чуть смущённо кивнул.

— Ну... да. Но, всё-таки, на этот раз совсем другое было. Вы — одно дело, изначально было понятно, что весь Дальний Юг нашим не будет, нас просто нет столько, чтобы его занять, даже если со Старым миром считать...

Вообще, спорный момент, конечно — перевези сюда одновременно все три с половиной миллиона африканеров из-за ленточки, получится вполне себе сверхдержава, всю Новую Землю поставят в позу пьющего оленя. Другой вопрос, что никто этого не позволит сделать, разумеется.

— ...турки — совсем другое дело. Они, кстати, южнее нас берег разведывали, когда сюда плыли. Наши ...э-э... пастухи видели.

Ага, пастухи, конечно.

— ...здесь, потом ещё на побережье колонию создадут, перевезут сюда из Халифата тысяч двадцать своих, и тогда...

Ну, вот, я всегда говорил, что не только у дураков мысли сходятся. Один в один наш прогноз дальнейшего развития событий, если не выжечь эту язву прямо сейчас, пока не поздно.

— ...неофициально, конечно. Но я Магнуса давно знаю, он ещё с моим отцом дружил. Поэтому, когда он стал набирать добровольцев...

Нет, ну надо же, а... прямо как в зеркале. Кому «за державу обидно», те берут автомат и идут делать дело, а господа что из бурского Фольксраада, что из нашего совета пайщиков (ах, простите, его же тут переименовали недавно — «Совет основателей» теперь, с большой буквы, да-да) вроде как не в курсе, и уж естественно никаким боком не причастны, если вдруг что-то пойдёт не так и история выплывет на свет.

— ...вот такие дела, сэр.

А хороший он парень, всё-таки. На таких земля держится.

— Понятно, Петер. Ладно, смотри — командиры наши возвращаются и, судя по лицам, до чего-то договорились. Так что, как я и сказал — ещё повоюем.

И правда — Саня, на ходу доставая из-под разгрузки карту, жестом позвал меня и Скворцова к здоровенному плоскому булыжнику, на котором Магнус и ещё один бур постарше уже расстелили свою карту. Значит, будем планировать совместные действия, что радует.

Задержавшись на секунду, окидываю взглядом саванну внизу. Кажется, рогачей стало поменьше. В зоне видимости только два стада... нет, четыре, но те совсем уж на горизонте. Плохо только, что все они идут как раз туда, куда надо и нам — к реке. Как-то не очень бы хотелось рядом с ними оказаться, если вдруг такого удобного холмика рядом не окажется.

— Веталь, ну чё ты, идёшь?

Да иду, иду. Я же, вроде как, комиссар, приглядывающий за военспецом, куда ж вы без меня.

...

левый берег Гискара,

территория турецкой колонии,

окрестности Сёгюта

Порыв юго-западного ветра вновь принёс волну тяжёлой, удушливой вони. Похоже, рогачи сегодня с утра и здесь показывались, к своему собственному несчастью. Турки, которым, в отличие от нас, о тишине заботиться не надо, наглядно продемонстрировали грузным «слонопотамам» превосходство огнестрельного оружия над живым весом. В паре сотен метров от нас лежит не меньше дюжины огромных туш, среди которых бродят ошалевшие от невиданного изобилия хищники и падальщики. Даже не дерутся особо, лишь периодически счастливо порываются и повизгивают. Честно говоря, особого удовольствия такое соседство не доставляет, ну да тут уж никуда не денешься. Пока что никто из пирующих любопытства к нам не проявляет, и на том спасибо. Опять же — шумовой фон создают, что нам на руку.

Сухая, уже остывшая после дневного пекла земля прекрасно передаёт вибрацию — я чувствую чьё-то приближение ещё до того, как из-за полоски кустов выскальзывает тёмная фигура. Кольт с глушителем чуть приподнимается, но тут же ложится обратно на бедро — я узнаю Фролова. Командир нашей маленькой группы, пробежавшись вдоль цепочки бойцов, плавно опускается на землю рядом со мной.

— Пять минут. Готов?

— Угу.

Говорить приходится еле слышным шёпотом — пусть от нас до ближайших турок метров двести, но ветер к ним, да и вообще звук в ночной степи распространяется неплохо.

План действий выработан на дневном совете с бурами. Собственно, он является развитием нашего (да и бурского) первоначального, с поправкой на вдвое увеличившееся число участников. Что-то оригинальное тут придумать сложно, да особо и незачем — чем проще план, тем больше вероятность, что он сработает.

Столица будущей турецкой империи расположена на левом берегу Гискара, текущего в этих местах с северо-востока на юго-запад. Посёлок прикрывают два холма — один расположен у берега, в двухстах метрах ниже по течению, второй на востоке, до него чуть подальше. На холмах оборудованы наблюдательные пункты, они же пулемётные гнёзда с парой М2 в каждом. Сам посёлок представляет собой огороженный забором из «рабицы» прямоугольник размерами где-то сто пятьдесят на двести метров, внутри которого размещено всё: палатки, склады, загоны для животных и прочее. Ну и пара деревянных строений — мечеть и, видимо, поселковая управа. Не внушает, в общем. У нас Ладога с её тремя десятками жителей и то куда солиднее выглядит.

Стройматериалов на дома для всех турки с собой привезти не могли, разумеется, места в трюмах бы не хватило. Мы, впрочем, тоже не весь запас с собой притащили, это ладожанам, как жителям холодных краёв, повезло, а для остальных многое уже на месте допиливали. А вот туркам пилить нечего, строительного леса в окрестностях нет. Они, собственно, уже к нам обращались на предмет купить досок и тому подобного. Ну да не судьба, похоже.

Так вот, к плану атаки. Изначально мы собирались разделить на две группы, тихо снять наблюдателей на холмах, развернуть пулемёты внутрь периметра и дать жару, после чего зачистить. Просто и элегантно, единственная сложность — то самое «тихо снять». Ибо людей, которые это реально умеют делать и не в теории, а на практике, у нас не так много, мягко говоря. Стрелять — это одно, а незаметно подкрасться к часовому и тихо отправить его в края вечной охоты — совсем другое. Теперь же, после объединения сил с посланниками Фолькстаата, задача резко упростилась, нам нужно занять всего один холм. Соответственно, есть возможность отправить на дело самых лучших, в лице Миши Скворцова и ещё двоих опытных разведчиков.

Вообще-то, они уже ушли. Точнее, уползли. Как и буры, надеюсь. И вот тут есть некоторая загвоздка — понятно, что действия обеих групп примерно согласованы по времени, но именно что примерно, это же не на кнопку нажать, а сложное, ступенчатое действие. Конечно, и мы и буры отправили на дело лучших, но от случайностей никто не застрахован. И если одна группа провалится, и турки поднимут тревогу, то вторая вполне может оказаться посреди еле-еле прикрытого короткой травой склона, под огнём двух пулемётов пятидесятого калибра. Помимо того, что дольше пары десятков секунд они там не проживут, это будет означать ещё и полный провал операции. Более того, турки, получив трупы, наверняка поднимут такой хай, что слышно будет аж на Дальнем Севере, и о попытках создать свой анклав нам можно будет забыть. Я уж не говорю о весьма печальных личных перспективах для всех присутствующих.

В сухой траве, всего в паре метров от нас, что-то неожиданно и громко застрекотало, заставив всех вздрогнуть. Саня слегка нервно хмыкнул:

— Сверчок какой-то. Не укусит.

А вот это чёрт его знает. Всякая живность тут есть, в том числе и кусаче-ядовитая. Окрестности Ладоги в этом плане куда приятнее, там, максимум, о зубастого броненосца споткнёшься, а это уж совсем кретином надо быть. Ну, это если мегафауну не брать, так её и здесь хватает, и даже куда больше, чем у нас.

— ...всем готовность. Если что не так, помним — главное, прижать пулемётчиков, прикрыть Мишу и ребят.

Да помним, помним. Прижмёшь ты их, как же — они на оборудованной позиции и с «крупняком», а мы прячемся за гребнем небольшого холмика и кроме лёгкой стрелковки

у нас ничего нет. Вся надежда на Андрию Ведерникова, занявшего позицию в стороне от нас. У него на СВД 70 ночной прицел и глушитель, пока пулемётчики отвлекутся на истребление наших диверсантов (двадцать секунд) и нас самих (минута-полторы), будет шанс их выщелкать по одному.

Ждём. Блин, ничего хуже нет, чем ждать в таких случаях. И в ночник не посмотришь — нельзя рисковать, противник именно в этот момент может наблюдать за твоей позицией, заметит отблеск. Даже если (как оно обычно и бывает) не поймёт, что это — насторожится, присмотрится получше. Никогда не стоит рассчитывать на глупость и лень врага, если не хочешь получить неприятный сюрприз. Те же турки вполне могли установить круглосуточное сканирование эфира, например, почему мы радиосвязью и не пользуемся.

Можно, конечно, по примеру Сани, в простой бинокль посмотреть, ясной ночью, вроде сегодняшней, и в него всё неплохо видно. Но он-то условный сигнал высматривает, а...

— Есть! Пошли!

Единым рывком поднимаемся из-за гряды и бежим к холму. Из посёлка нас не видно, как и со второго наблюдательного пункта, этот самый холм и мешает. Тем не менее, старательно держим дистанцию, не скучиваемся, дабы не образовывать удобную групповую цель. Бережёного, как известно...

Земля под ногами плавно пошла вверх, начался склон холма. Не слишком крутой, но довольно каменистый, пару раз спотыкаюсь о скрытые в траве булыжники. Плевать, от такого берцы ногу защитят, а вот если турки каких-нибудь МЗП 71 понатыкали, может быть кисло. Вряд ли, конечно, слишком много живности бегают, даже на холме, но...

Добравшись до вершины, залегаем у турецкой позиции, с обратной от посёлка стороны. Фролов и ещё один боец ныряют внутрь. Всем туда лезть смысла нет, только мешать друг другу будем. Теперь ждём, пока поступит сигнал от буров.

Лёжа на сухой траве, восстанавливаю дыхание после броска. Мдя, надо возобновлять пробежки, а то что-то совсем я заржавел. Так и до старости недалеко.

Двое наших вытаскивают из окопа мёртвых турок, одного за одним, складывая тела в ряд. Один из «носильщиков» вдруг глухо, сквозь зубы ругается — видимо, изгваздался в крови.

Внизу освещённую луной саванну пересекает одиночная фигура. Всё правильно, это снайпер подтягивается. Он нас страховал, пока мы поднимались, а теперь здесь пригодится.

Слышно, как под масксетью, в турецком окопе мужики переставляют пулемёты на новые позиции. Сухая земля осыпается со стен. Ну, где там буры-то? Сигнал от них должен прийти по радиосвязи, скрываться больше нет необходимости...

Радиостанция заработала в окопе! Но это не буры, говорят на турецком! Чёрт, переключка, похоже! Но почему сейчас? Мы же эфир слушали, график определили — рано ещё! Турки в посёлке что-то заметили? Или на втором холме?

Из-под масксети доносится голос Фролова:

— Всем занять позиции!

Чёрт, позиции-то мы заранее присматривали из расчёта на то, что оба холма будут под нашим контролем. А если буры свою часть работы ещё не сделали, придётся дать по спящему турецкому лагерю пару очередей и сваливать — пятьсот с чем-то метров, разделяющие вершины двух холмов, для крупнокалиберного пулемёта не дистанция, перемешает нас с землёй за минуту. Тем, кто занял места ушедших к гуриям турецких пулемётчиков, полегче, конечно, но отходить вскоре придётся и им, пока не окружили.

Ладно, ничего не поделаешь. Пробежав пятнадцать метров влево, нахожу подходящее место и опускаюсь на землю. Отлично, почти весь посёлок в секторе обстрела, плюс берег реки. Луна, словно прожектор, высвечивает ряды палаток и вытасщенные на песок лодки. Никакого движения, все спят. До ограды лагеря метров сто пятьдесят, может, чуть больше.

Гортанный голос по радио становится громче, и звучит обеспокоенно. Внезапно проскальзывает мысль — а что, если буры нас специально подставили?! Убивать нас *после* разгрома лагеря им смысла нет, это мы с Саней уже обсуждали — понятно, что кто-то приплывёт из Ростова и «подправит картинку», подставы не получится. А вот подставить сейчас и смыться — очень даже есть смысл. Понятно, что лагерь тогда уцелеет, но потери понесём и мы, и турки, нам придётся отступить, оставив тела убитых, турки, увидев их, обо всём догадаются, и начнётся самая настоящая война. Кто бы в ней не победил, он выйдет из неё сильно ослабленным, да и новых колонистов на Дальний Юг эта заваруха явно не привлечёт. Кто останется в выигрыше — правильно, Фолькс...

«Есть сигнал от буров! Приготовиться!»

Это уже радиостанция пробурчала, через гарнитуру. Ну, прекрасно, значит, переборщил я с паранойей. Автомат у меня новый (ну, именно у *меня* новый, а так-то не очень), из тех стволов, что привезли с собой знакомцы Фролова с последним судном. Понятно, что от всего оружия после зачистки лагеря придётся избавиться. Обычный АКМ болгарского производства, даже приклад не складной. Зато установлен ПСО-1, 72 что лишним этой ночью явно будет.

Навожу автомат на ближайшую во втором ряду слева палатку. Что? Нет, не мучает. А вот так. Как там говорил подполковник Дюбуа 73 — «Насилие разрешило больше конфликтов, чем чтобы то ни было в человеческой истории». Кто не согласен — спросите отцов города Карфагена, что они на этот счёт думают. Правильно, нельзя их спросить — они мертвы, а Карфаген разрушен. Так не будем же им уподобляться.

«Огонь!»

Автомат задрожал в руках, посылая вниз кусочки металла.

Эпилог

— Мяу! Мяу! Мяу!

— Да иду, иду, блин подожди ж ты минуту!

Вася (они же Василиса) ждать решительно отказывается. Как можно чего-то ждать, когда ОНА хочет есть? Глупость ведь, правда?

Достаю из холодильника небольшой кусок тарпанятины, быстро режу кубиками и сыпаю в миску. Трёхцветный котёнок (два месяца всего) последним мявом явно говорит «наконец-то!» и с урчанием накидывается на еду. Можно подумать, я её пару часов назад не кормил.

«Гато — Вышке»

Чертыхнувшись, быстро споласкиваю испачканные мясом руки и хватаю со стола рацию.

«Слушаю»

«Вижу два судна влевой протоке»

«Принял»

Выглядываю в окно. Выпавший ночью снег почти весь сдуло сильным ветром, остался только возле каких-то препятствий. Серое небо со стремительно проносящимися по нему тучами, пожелтая, серо-коричневая трава... и минус четыре на градуснике. Не слишком уютно, мдя. А жаль — было бы сейчас солнышко, да ещё и ветер послабее, глядишь, кто-то из полутора сотен переселенцев и остался бы. Но увы, первое впечатление наша Ладога сегодня произведёт хреновое. Как, впрочем, и весь последний месяц. Похоже, мои прогнозы насчёт «перевалим за сотню жителей до конца навигации» не оправдаются. Сезон вот-вот закончится (не на Севере, там-то всё спокойно, а здесь — зимние шторма начинаются), а мы еле-еле за шестьдесят человек перевалили, почти все едут дальше, в тёплые северные края. Ну, зато общее население колонии — уже полторы тысячи, если так и дальше пойдёт, в следующем году обгоним буров.

Вася вытащила кусочек мяса из миски и принялась возюкать его по полу, пытаюсь прожевать. Поросёнок, блин.

Ладно, надо бы самому чего-нибудь пожрать, а то сегодня до вечера уже некогда будет.

Пару минут выбираю из двух вариантов — готовить дома или пробежать, под ледяным ветром, до «Сармы». В итоге, лень побеждает тягу к комфорту, начинаю одеваться.

«Гато — Вышке»

Ну что там ещё?

«Слушаю»

«Капитан „Фачимы“ передал, у него на борту четверо сотрудников Ордена, хотят с тобой поговорить»

«Принял»

Ага. Приплыли-таки. Чего тогда ждали два месяца? Пока все улики придут в негодное состояние? Ну, возможно. Ладно, поговорим — увидим. Но кое-что сделать надо...

«Вышка — Гато»

«Вышка слушает»

«Передай эту инфу в Ростов»

«Принял»

Вася, расправившись с мясом, запрыгнула на подоконник и начала умываться. Чистоплотная.

— Эх, Василиса, хорошо тебе — никаких забот.

«Ну я же кошка, мне так и положено», протелепатировал котёнок в ответ, на секунду оторвавшись от наведения красоты. Мдя... тоже верно. Хоть усы и хвост отращивай.

Особенно резкий порыв ветра гулко отозвался в дымовой трубе, заставив кошку нервно дёрнуть ушами. Блин, уже на улицу выходить не очень хочется, а что зимой будет? Фороракосы и те к северу откочёвывают, почти не видно их последние недели две. Как бы из жителей кто тоже не «откочевал». Ну, с другой стороны, кто останется — те привыкнут, втянутся.

Поймав себя на том, что пытаюсь за размышлениями оттянуть момент выхода на улицу, чухаю напоследок Васю за ушком (она игриво прикусывает мне палец), надеваю ботинки и выхожу. Раз уж сегодня предстоит не слишком приятная беседа, лучше к ней приступать на сытый желудок.

Ледяной ветер на улице заставляет поёжиться, но, одновременно, сдувает куда-то и нахлынувшее было после новости хреновое настроение. Орден или кто-то ещё — плевать. Это наша земля. И никто её у нас не отберёт.

Но вот пожрать как следует перед её защитой не помешает, хе-хе.